

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 9 (135)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2019

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Михайлова Н.В., Каргина А.А., Гришин В.О.

Организации некоммерческого сектора как новый актер
лоббистской деятельности российской политической системы.....9

Трофимов Е.Н. Северный Кавказ:

этнотуризм и социальные коммуникации.....17

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Линник Т.С., Михайлов В.А. Международная
политика Украинской Центральной Рады
(март 1917 – апрель 1918 гг.): цели и достижения.....28

Некрасов А.С. Образ – ментальный
код социально-ценностной информации.....38

Курбанов А.М. Политика и религия
в современном российском социуме:
взаимообусловленность и взаимовлияние.....44

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фадеев П.В. Потенциал музеев Уфы
в формировании идентичностей посетителей.....52

Узденова Б.Х., Семенова А.Н., Казиева М.Х.

Роль информационных технологий
в формировании информационного общества.....70

Нансо М.Б. Особенности реализации право индивида
и право народа на самобытность в условиях глобализации.....74

Омаров М.О., Насухов Н.Ч. Сравнительный анализ
форм и методов социокультурной работы
с вынужденными мигрантами в России и за рубежом.....89

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>День Независимости</i>	101
Терновая Л.О. Политический непотизм в национальном и глобальном измерениях.....	107
Иларионова Т.С. Русские евреи в Америке: феномен тройной лояльности.....	117
Захарова Е.В., Муссауи-Ульянищева Е.В., Ульянищева Л.В. Вопросы обучения английскому языку в мультиэтническом окружении.....	127
Алиев У.С. Проблемы в реализации военно-политической интеграции евразийского пространства.....	135
Соловьева Д.Д. Система образования как канал рекрутирования политической элиты во Франции.....	142
Махмудов А.С. Модель региональной безопасности: преимущества сравнительно-политологического анализа.....	150

ЭКОНОМИКА РЕГИОНОВ

<i>Капитализм без капвложений. Андрей Белоусов</i>	160
Аксенова Е.И. Академическая мобильность как фактор развития международных отношений в сфере образования. Часть 1. Теоретические аспекты.....	163
Дармилова Э.Н., Сидаков А.М. Роль информационных технологий во взаимодействии государства и гражданского общества.....	171

Аннотации	178
Авторы	189
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	193

СОВЕТНИК

Белоусов А.Р., Помощник Президента Российской Федерации по экономическим вопросам, доктор экономических наук, профессор.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Представитель от законодательного (представительного) органа государственной власти Хабаровского края, депутат Законодательной Думы Хабаровского края шестого созыва на непостоянной основе.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, Член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, заместитель директора Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, Член Общественного Совета при Федеральной миграционной службе России.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Власов В.И., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный дирек-

тор Института энергии знаний.

Богомольный Е.И., доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ и премии Правительства Российской Федерации, член наблюдательного совета ГК Фонд содействия реформированию ЖКХ, заведующий кафедрой управления недвижимостью, проблем землепользования и ЖКХ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кондрашихин А.Б., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента, Институт экономики и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» г. Севастополе.

Фотина Л.В., доктор экономических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Советник Российской Федерации 2 класса.

Абрамов В.Л., доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор кафедры «Государственное регулирование экономики» института государственной службы и управления Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, академик РАЕН.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного университета.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ремарчук В.Н., декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор философских наук, профессор.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Добров П.В., доктор исторических наук, профессор, академик и член президиума Украинской академии исторических наук, декан исторического факультета Донецкого национального университета, Заслуженный работник образования Украины.

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Хорхе Марги Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт, Великобритания.

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

ADVISOR

Belousov. A.P., Doctor of Economic Sciences, Professor, Assistant to the President of the Russian Federation on Economic Issues.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region, Deputy of the Khabarovsk Region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation, Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, member of the Public Council of the Russian Federal Migration Service.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Vlasov V.I., Doctor of Legal Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, State Advisor of the 3rd class.

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Bogomolni E.I., Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Laureate of state and governmental prize of the Russian Federation, member of the supervisory council “Foundation of assistance in reforming the housing and utilities infrastructure”, Head of the Department of real estate management, problems of land tenure and housing and utilities infrastructure. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kondrashihin A.B., Economic Sciences, Professor, Professor of Economics and Management of the Academy of Labour and Social Relations, Sevastopol.

Fotina L.V., Doctor of Economic Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, State Advisor of the 2nd class.

Abramov V.L., Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center of International Economic Relations in the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of «State regulation of the economy», the International Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Academy of Natural Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Remarchuk V.N., Dean of the Faculty of Social and Humanitarian Sciences», The Bauman University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, a leading researcher at the Research Center №1.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Dobrov P.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician, member of the Presidium of the Ukrainian Academy of Historical Sciences, Dean of the Historical Faculty of Donetsk National University, Honored worker of education of Ukraine.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of St. Petersburg State University, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Maurizio Negri, President of the Union of folklorists of Italy, Member of the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO).

Horhe Marti Martinez, Ambassador. Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

С

ОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Продолжаем публикации статей, в том числе и конкурсных (<http://etnosocium.ru/konkursnaluchshuyunauchnyuinauchnopublitsisticheskuyurabotupotememolodezhnatsionalnayap>) для Совета по международным отношениям при Президенте РФ. Приглашаем к продолжению обсуждения темы: “Этика и политика”.

**Владимир
Владимирович
Путин**

Михайлов В.А.

Зорин В.Ю.

Михайлова Н.В.

Доктор политических наук, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов.

Каргина А.А.

Магистр политологии, специалист по информационно-аналитической работе Центра стратегических инициатив - проектного офиса, Тольяттинский государственный университет.

Гришин В.О.

Студент Факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета.

Организации некоммерческого сектора как новый актер лоббистской деятельности российской политической системы

Насущность темы исследования определена тем, что российское общество в настоящее время динамично развивается и трансформируется, ввиду чего претерпевает изменения и политическая система. Политическая система, трансформирующаяся под требования современного общества, содержит в себе становление и развитие новых институтов, технологий взаимодействия с обществом¹. Из-за увеличивающейся неудовлетворенности и противоречий общества с каждым годом диалог между государственным аппаратом и гражданами государства становится все более необходимым. Лоббистская деятельность приобретает массовый характер с каждым годом.

Высказанная в 2015 году Президентом РФ в ежегодном послании Федеральному Собранию² инициатива о присвоении некоммерческим организациям (НКО) статуса исполнителя общественно-полезных услуг в 2016 году была законодательно оформлена. Начиная с 1 января 2017 года некоммерческим организациям стали присваиваться такие

1 Гришин О.Е. Взаимосвязь государства и политической системы: теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. 2015. №4(83). С. 204-206.

2 Послание Президента Федеральному Собранию // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения 18.01.2019).

статусы³. Таким образом, такие НКО, которые качественно выполняют общественно-полезные услуги минимум один год, считаются безупречными партнерами государства и могут рассчитывать на меры государственной поддержки по вопросам финансирования, а также налоговых льгот. Безусловно, такие факторы могут повлиять на улучшение качества оказываемых услуг гражданам в сфере социальной политики⁴.

Лоббистская деятельность – достаточно новое явление для Российской Федерации. Тем не менее, к нему проявляется высокий интерес как у граждан, так и у органов федеральной и региональной власти. Такая тенденция свидетельствует о том, что между обществом и государством в настоящее время появляется необходимость цивилизованной дискуссии по проблемам социальной политики, возникающим ввиду неудовлетворенности общества.

Полагаем, что лоббистская деятельность в России в настоящее время находится на этапе своего становления, отсутствует сформированный институт лоббизма, который бы был законодательно урегулирован, также практически отсутствуют лоббистские фирмы. Предпринятые со стороны государства меры по созданию лоббистской деятельности в лице некоммерческих организаций стимулируют российское общество к процессу участия в принятии общественно важных политических государственных решений.

Лоббистская деятельность в России в настоящее время законодательно урегулирована только через сектор некоммерческих организаций, третий сектор. Развитие НКО в РФ с каждым годом усиливается ввиду спроса на такие услуги со стороны общества и государства. Такое лоббирование является обеим сторонам выгодным из-за минимальных финансовых затрат, а исполняемые общественно-полезные услуги оказываются достаточно успешными и эффективными.

Предприятия некоммерческого сектора имеют специфику моментального реагирования⁵ на существующие и появляющиеся общественные проблемы. Таким образом, НКО являются своего рода «зеркалом» общественных настроений, благодаря этой особенности организации имеют способность разрабатывать стратегию лоббирования по различным, волнующим общество, вопросам.

3 НКО – исполнители общественно полезных услуг // URL: <https://www.uk-prioritet.ru/presscenter/lawnews/nko-ispolniteli-poleznyh-uslug/> (дата обращения 18.01.2019).

4 Социальная политика в Московском регионе: тренды развития и опыт реализации / Под общ. ред. д-ра эконом. наук Н.Б. Починок. М.: РУСАЙНС. 2015. 338 с.

5 Дюкарева А.А. Перспективы развития закона о лоббировании в современной России // Наука через призму времени. 2017. № 3 (3). С. 61-69.

В.Б. Беневольский и Е.О. Шмулевич описывают результаты проведенного социологического опроса, который показал, что 52% предприятий некоммерческого сектора готовы заниматься выработкой и реализацией стратегических общественных решений и государственных программ⁶.

Организации третьего сектора по способу реализации своих услуг схожи с малым предпринимательством. Ключевое отличие между ними заключается в том, что предпринимательская деятельность преследует коммерческую выгоду, тогда как лоббистская деятельность НКО заинтересована в решении общественных проблем. Так происходит потому, что представители и руководители некоммерческих организаций зачастую сами сталкиваются с теми проблемами, которые лоббируют во власть. Например, организации, занимающиеся вопросами создания безбарьерной среды для инвалидов, в 95% случаев организованы самими инвалидами. И возможность действовать от лица некоммерческой организации в своих собственных интересах является исключительно положительной особенностью НКО. Другие профильные некоммерческие организации создаются по той же причине: инициатор создания НКО по лоббированию определенных проблем во власть, сам сталкивается с проблемой, что и побуждает его к действию.

Объединяясь в группы, ассоциации и организации и имея сплоченный коллектив, объединенный общими проблемами и интересами, достигать желаемого эффекта по решению проблем становится проще. При этом государственные меры поддержки необходимы для некоммерческого сектора ввиду того, что НКО чаще всего работают в тех сферах, которые не дают большой финансовой прибыли.

Для нормального функционирования лоббистской деятельности в регионах необходима политическая конкуренция в региональных органах власти, чтобы лоббистские организации имели возможность поддерживать дискуссию с представителями различных политических партий и сменяемых глав ведомств.

Одной из тенденций развития лоббизма в России является увеличивающееся с каждым годом желание граждан кооперироваться в ассоциации с целью решения волнующих их проблем в сфере социальной политики государства. Данная потребность может быть обоснована неблагоприятной политической обстановкой внутри и вне государства, а также ввиду зарубежного опыта лоббистской деятельности и организации деятельно-

⁶ Беневольский В.Б., Шмулевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО: зарубежный опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. 150 с.

сти в сфере социальной политики в других государствах⁷.

Тем не менее, российское общество не демонстрирует готовности к тому, что НКО способны лоббировать их интересы. Поскольку НКО – часть политической системы, институт. Из-за подорванного авторитета власти в регионах граждане относятся к данной деятельности с опаской.

Основной перспективой развития регионального лоббизма является разработка и принятие такого законодательства, которое бы способствовало развитию лоббизма, а не ограничивало сферу его деятельности. Помимо законодательства необходимо разработать эффективные технологии лоббистской деятельности некоммерческих ассоциаций, а также усовершенствовать методы и инструментарий данной деятельности⁸. Все это представляется возможным, если использовать зарубежный опыт лоббизма тех стран, в которых он достаточно давно и эффективно функционирует. А также российский опыт, в том числе опыт теневого и коррупционного лоббирования, чтобы предотвратить такую деятельность в будущем.

Путем разрешения проблем лоббистским способом появится возможность пользоваться лоббистским прецедентом для решения схожих вопросов в различных регионах. Таким образом, разрешение определенных проблем с помощью лоббистской деятельности в одном регионе сможет повлечь за собой решение аналогичных и в других субъектах Российской Федерации.

При наличии споров, которые не представляется решить возможным с региональными органами власти, государственные ведомства федеральной власти не должны оставаться безучастными. А такие проблемы не должны решаться сами по себе, ввиду чего необходимо постоянно работающая группа профессиональных экспертов в сфере лоббистской деятельности, которые бы смогли заниматься разрешением таких споров и предложением актуальных законодательных инициатив, способных урегулировать сложившиеся ситуации.

В такой деятельности должны быть заинтересованы все ее участники. Инициатива законодательного регулирования на данном этапе должна исходить от государства, поскольку оно гораздо больше остальных заинтересовано в снижении активности теневого и криминального лоббизма. Поскольку лоббизм достаточно неоднозначная сфера, для него должно быть разработано гибкое законодательство, т.к. опыт зарубежных стран,

7 Глебов В.А., Давыдов В.Н. Законодательный механизм развития гражданского общества // Вопросы политологии. 2017. № 4 (28). С. 37-50.

8 Каргина А.А. Проблемы развития некоммерческих региональных лоббистских ассоциаций // Filo Ariadne. 2017. № 1. 13 с.

в которых предпринимались попытки разработать универсальные нормативные документы, не увенчались успехом.

В настоящее время лоббистская деятельность становится достаточно востребованной ввиду необходимости общения власти и общества. Именно НКО способны наладить такое общение государства с теми категориями граждан, которые являются наиболее уязвимыми.

Таким образом, говоря об эффективности лоббистской деятельности, которую осуществляют НКО в России, однозначного ответа не существует. Во-первых, из-за несовершенного законодательства, во-вторых, из-за отсутствия большого опыта такой деятельности. Эффективность также зависит от фактора влияния НКО и от административного ресурса – то, как руководитель налаживает контакты с органами власти. Большой вес имеет инициативность и нацеленность на достижение позитивного результата со стороны лоббистов, т.к. именно от разработанной стратегии и умения вовремя ее изменить может зависеть ключевое решение по лоббируемой НКО проблеме.

Поскольку лоббистская деятельность находится в самом начале своего большого пути, необходимо приложить большие усилия для ее развития, эффективной деятельности. Основная задача государственной власти – выведение лоббизма в России на новый уровень, что позволит сократить количество разногласий между обществом и государством, а также повысить качество уровня жизни в регионах, особенно тех групп населения, которые являются социально-незащищенными.

Однозначного ответа на вопрос об эффективности осуществления лоббистской деятельности некоммерческим сектором в России на данном этапе не существует, поскольку институт лоббизма в России находится на этапе своего становления. На эффективность принятия решений со стороны властно аппарата влияет достаточное количество факторов, самый весомый из которых – законодательная база. К сожалению, в Российской Федерации пока что нет четкого и регламентированного законодательства, которое регулировало бы сферу взаимодействия общества и государства при участии лоббистов. Вероятно, именно из-за этого несовершенства политической и законодательной системы РФ проблемы конкретных групп населения не могут разрешиться в сжатые сроки или не могут разрешиться совсем. Многие обращения остаются в архивах, тогда как при разработке эффективных мер появилась бы возможность лоббистского прецедента. Вторым весомым фактором, который влияет на эффективность решения задач, является влияние некоммерческой организации. Очевидно, что организации, существующие достаточ-

но давно и зарекомендовавшие себя как надежные партнеры государства, имеют большее преимущество, а их налаженные контакты с представителями власти, еще больше это доказывают.

Эффективность также зависит от инициативности и нацеленности на положительный результат представителей некоммерческих предприятий и их добровольцев. Те, кто готов посвящать временные и человеческие ресурсы, как правило, чаще добиваются эффективных решений, чем те, кто уделяет данной деятельности недостаточное количество времени. Высокие профессиональные качества сотрудников некоммерческих организаций способствуют достижению эффективного результата.

Касательно перспектив в данном вопросе, можно отметить следующее: лоббистская ниша только начинает развиваться, поэтому, спустя некоторое время, некоммерческие организации перестанут расцениваться как малый бизнес и смогут составить вполне реальную конкуренцию коммерческим организациям в условиях свободного рынка. Также для того, чтобы ускорить или хотя бы сдвинуть с мертвой точки вопрос законодательного оформления лоббизма, стоит всерьез озадачиться этой проблемой и обратиться к опыту зарубежных стран, в которых лоббизм занимает значимое место в экономической и политической жизни общества.

Вероятнее всего, законодательно эта сфера жизни общества будет оформлена тогда, когда непосредственно понадобится ее регулировать, например, как в США или Великобритании, так как в этих странах лоббистскую деятельность преимущественно осуществляют лоббистские организации, а не третий сектор. Также в России, возможно, нет резкой необходимости в таких законах, однако, если такие нормативные акты будут разрабатываться это положительно скажется на обстановке в обществе. То есть государство будет осведомлено о проблемах в регионах лучше, чем сейчас, а положительная динамика решения проблем граждан скажется на их лояльности к государственной власти.

Относительно лоббирования своих интересов в глобальной сети интернет можно отметить, что в интернете всегда существует глобальный общественный контроль, где граждане, читая то или иное обращение или просьбу, сами решают помогать или же нет. Как правило, вперед «прорываются» только те обращения, которые находят отражение в массах и являются наиболее злободневными с точки зрения социальной политики государства.

Органы государственной власти Российской Федерации уже начали выполнять комплекс мер, способный выведению российского лоббизма

на новый уровень. Ключевое отличие российского лоббизма состоит в том, что это некоммерческая деятельность и это не лоббирование интересов крупных бизнесов, а лоббирование интересов социально-незащищенных категорий граждан. Такой механизм выгоден не только гражданам, но и государству. Общество, лоббируя свои интересы и добиваясь эффективного решения, формирует положительный имидж государственной власти, что не может не стабилизировать политическую обстановку в государстве.

Для выработки эффективных механизмов, цивилизованного диалога между государственной властью и обществом, а также системы прецедентов решения проблем социальной политики потребуются большое количество ресурсов: временных, человеческих, юридических, административных и других. Совокупное использование и функционирование таких ресурсов позволит сформировать институт российского лоббизма.

Присвоив некоторым некоммерческим организациям статус исполнителя общественно-полезных услуг, государство одновременно разработало еще и систему сдержек и противовесов для предубеждения возникновения большого количества претендентов. Поскольку НКО, который имеют данный статус, представляют для государства большую ценность, нежели организации, которые не владеют данным статусом в силу каких-либо причин.

Также необходимо помнить, что бывают случаи столкновения интересов не только между обществом и государством, но и внутри общества. Поэтому организации некоммерческого сектора также должны иметь потенциал взаимодействия друг с другом (НКО с НКО), а также с другими, например, с коммерческими организациями.

Ввиду того, что данная тематика недостаточно хорошо изучена, многие ученые сейчас занимаются разработками по этой проблематике, а также используют свой потенциал для изучения и исследования этого вопроса. По данному вопросу также организованы работы различных советов и экспертных групп, в том числе и в Государственной Думе Российской Федерации, которые позволяют функционировать некоммерческим организациям более эффективно, а лоббистская деятельность в России выйдет на новый уровень, и начнется новый этап развития и эффективного развития российской лоббистской деятельности.

Таким образом, лоббизм как одна из важнейших категорий политической науки является неотъемлемой составляющей в политической и социальной сфере государства. Организации некоммерческого сектора,

которые создавались с целью объединения граждан, имеющих претензии к органам государственной власти, и с целью защиты и отстаивания своих прав, в настоящее время получили задание заниматься лоббистской деятельностью. Некоммерческие предприятия и раньше занимались лоббистской деятельностью, однако, теперь такая деятельность регулируется правовыми нормами. Как правило, большинство таких организаций стремится к налаживанию и приобретению контактов с представителями муниципальной, региональной и федеральной власти. Такие контакты обычно обусловлены частым взаимодействием, а также компетенцией тех чиновников, которые работают по тому же профилю, что и НКО.

Список литературы:

1. Беневольский В.Б., Шмудевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО: зарубежный опыт // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. 150 с.
2. Глебов В.А., Давыдов В.Н. Законодательный механизм развития гражданского общества // Вопросы политологии. 2017. № 4 (28). С. 37-50.
3. Гришин О.Е. Взаимосвязь государства и политической системы: теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. 2015. № 4 (83). С. 204-206.
4. Дюкарева А.А. Перспективы развития закона о лоббировании в современной России // Наука через призму времени. 2017. № 3 (3). С. 61-69.
5. Каргина А.А. Проблемы развития некоммерческих региональных лоббистских ассоциаций // Filo Ariadne. 2017. № 1. 13 с.
6. НКО – исполнители общественно полезных услуг // URL: <https://www.uk-prioritet.ru/presscenter/lawnews/nko-ispolniteli-poleznyh-uslug/> (дата обращения 18.01.2019).
7. Послание Президента Федеральному Собранию // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения 18.01.2019).
8. Социальная политика в Московском регионе: тренды развития и опыт реализации / Под общ. ред. д-ра эконом. наук Н.Б. Починок. М.: РУСАЙНС. 2015. 338 с.

Bibliography

1. Benevolsky VB, Shmulevich E.O. State support of socially oriented NGOs: foreign experience // Issues of state and municipal administration. 2013. № 3. 150 p.
2. Glebov V.A., Davydov V.N. The legislative mechanism for the development of civil society // Questions of political science. 2017. № 4 (28). P. 37-50.
3. Grishin O.E. The relationship of the state and the political system: theoretical aspect // Eurasian Law Journal. 2015. № 4 (83). P. 204-206.
4. Dyukareva A.A. Prospects for the development of the law on lobbying in modern Russia // Science through the prism of time. 2017. № 3 (3). P. 61-69.
5. Kargina A.A. Problems of the development of non-profit regional lobbying associations // Filo Ariadne. 2017. № 1. 13 p.
6. NGOs - performers of socially useful services // URL: <https://www.uk-prioritet.ru/presscenter/lawnews/nko-ispolniteli-poleznyh-uslug/> (January 18, 2019).
7. Message from the President to the Federal Assembly // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (01.18.2019).
8. Social policy in the Moscow region: development trends and implementation experience / Ed. ed. Dr. econom. sciences NB Fix. M.: RUSAINS. 2015. 338 p.

Северный Кавказ: этнотуризм и социальные коммуникации

Северный Кавказ¹ является одним из тех регионов России, где социально-экономическая ситуация непростая, с достаточно высоким уровнем безработицы, что ставит перед руководителями расположенных там субъектов федерации первоочередные задачи экономического подъема. Учитывая имеющиеся в регионе ресурсы, именно туризм видится многими местными руководителями той палочкой-выручалочкой, которая поможет выйти из депрессивной фазы на путь устойчивого развития, выполнить поставленные задачи, и по мере решать важные социально-экономические проблемы, связанные с созданием новых рабочих мест, активизацией трудовой активности, расширением производственных промыслов, развитием инфраструктуры – транспорта и связи.

Постановка стратегических ориентиров

Практически все руководители северокавказских регионов подчеркивают важность туризма для своей внутренней жизни. Так, глава Чечни Рамзан Кадыров назвал туризм «одним из локомотивов стратегического развития Чечни»², который будет способствовать росту инвестиций в ее экономику. И уже на этом поприще сделал немало: турпоток в республику за последние 5 лет вырос с 20 до 90 тыс. человек в год, а в 2019 г. планируется преодолеть 100-тысячную отметку. «Мы практически заново поставили туризм на ноги, - заявил он. - Отреставрировали и открыли для посещений уникальные объекты исторического наследия (древние башни), построили современные развле-

1 Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) как административное формирование России образован в январе 2010 г. в соответствии с Указом Президента РФ с административным центром в г.Пятигорске. В его составе Ставропольский край и 6 республик – Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия – Алания и Дагестан. Территория – св. 170 тыс. кв. км., население – 9,7 млн. человек.

2 Рамзан Кадыров: Туризм станет одним из локомотивов развития экономики Чечни, 6 августа 2013 г. // URL: <https://tass.ru/arhiv/569183>

кательные центры³. При этом большое внимание уделяется созданию горнолыжных баз и курортов. Узким же звеном руководства Республики считается недостаточное финансирование туристических программ из центра.

Развитию туризма придается огромное значение в Республике Дагестан (РД). Местные эксперты видят огромные перспективы именно в этой области, считая, что туризм в Республике должен стать важной частью экономики, способной принимать до 1 млн. туристов ежегодно, приносить ей до 6 млрд. долл. в год и создать до 100 тыс. рабочих мест⁴. В обоснование концепций закладывается следующая идея: исторически через территорию РД проходил «Великий шелковый путь», а на сегодня на территории Дагестана находится более 6 тыс. исторических памятников. Сюда следует приплюсовать наличие богатых геотермальных источников, минеральных вод, горных склонов и песчаных пляжей. Руководство РД уделяет туризму пристальное внимание. Так, ее глава Владимир Васильев отмечал: «Нужно создавать современные, высокоэффективные курортные пространства, удовлетворяющие потребности не только наших жителей, но и самые высокие требования россиян. Уверен, мы можем организовать постоянное посещение республики россиянами в межсезонье и загрузить наш гостиничный бизнес и сферу обслуживания»⁵.

Во всех республиках существуют свои стратегии развития и программы по развитию туризма, находящиеся в той или иной стадии реализации. Так в известной своими минеральными водами и горными склонами Кабардино-Балкарии реализуется государственная программа «Развитие туристско-рекреационного комплекса КБР» с изменениями от 27 мая 2019 г. Ее приоритетами являются реализация комплекса мер по выводу отрасли на совершенно новый качественный уровень, создание высокоэффективной туристско-рекреационной сферы, позволяющей ежегодно принимать на отдых, лечение и оздоровление более 625 тыс. туристов и отдыхающих⁶.

В Карачаево-Черкесии, известной такими горнолыжными курортами как Архыз, Домбай, целебными источниками, также утверждена го-

3 Р. Кадыров провел совещание по вопросам развития туризма. 7 марта 2018 г. // URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/312144>

4 Перспективы развития туризма в Республике Дагестан // URL: https://studbooks.net/646546/turizm/perspektivy_razvitiya_turizma_respublike_dagestan

5 Перспективы развития туризма в Дагестане обсудили на совещании под руководством Владимира Васильева, 16 апреля 2019 г. // URL: https://www.riadagestan.ru/news/president/perspektivy_razvitiya_turizma_v_dagestane_obsudili_na_soveshchaniy_pod_rukovodstvom_vladimira_vasileva/

6 <http://docs.cntd.ru/document/460131224>

сударственная программа «Развитие туризма, курортов и молодежной политики Карачаево-Черкесской Республики на 2016 - 2020 гг.», в частности, предусматривающая взаимодействие молодежи (тематические слеты, лагеря, фестивали, научно-практические и бизнес-конференции, дискуссионные клубы, молодежные обмены) и делающая ставку на вовлечение молодежи в инновационные международные проекты в сфере образования, науки, культуры, технологий, в международные творческие, научные и спортивные объединения⁷.

Во многих программах не только определяются тенденции и перспективы развития туризма, но и ставятся проблемы – обозначаются узкие места, нерешенные вопросы. Так применительно к Кабардино-Балкарии отмечается, что туристской отраслью фактически остаются не востребуемыми культурно-исторические, архитектурные, этнографические ресурсы. Данные ресурсы имеют не столь малый потенциал, чтобы ими пренебречь, и могут выступить серьезным дополнением к природным туристским ресурсам, повысив конкурентоспособность туристского предложения⁸.

Туризм называется узловой проблемой развития Ингушетии, где действует государственная программа «Развитие туризма», во главу угла которой ставится такая проблема как формирование положительного имиджа Республики Ингушетия как туристского региона на внутреннем и международном туристских рынках. Эта программа предусматривает рекламно-информационное обеспечение продвижения туристского продукта Республики Ингушетия на внутреннем и международном туристских рынках⁹.

В Республике Северная Осетия-Алания запущена в действие госпрограмма «Развитие туристско-рекреационного комплекса» на 2014 - 2020 гг., в которой среди наиболее приоритетных задач видится поощрение въездного туризма. Обозначены основные проблемы, требующие своего решения Среди них:

- неблагоприятный имидж Северного Кавказа в целом, формирующийся, в значительной степени, под влиянием СМИ;
- невыгодные экономические условия для привлечения инвестиций в туристскую инфраструктуру, отсутствие готовых инвестиционных площадок, наличие административных барьеров;

7 <http://docs.cntd.ru/document/422402870>

8 https://studwood.ru/1142737/turizm/tendentsii_perspektivy_razvitiya_turizma_kabardino_balkarskoy_respublike

9 <http://docs.cntd.ru/document/422402778>

- недостаточно развитая туристская инфраструктура, малое количество средств размещения туристского класса с современным уровнем комфорта;

- недостаточная реклама туристских возможностей республики¹⁰.

Существуют документы, призванные дать толчок и увязать республиканские программы в единый кластер. Например, постановление Правительства Российской Федерации 833 от 14 октября 2010 г. «О создании туристического кластера в Северо-Кавказском федеральном округе, Краснодарском крае и Республике Адыгея». Правительство постановило в Северо-Кавказском федеральном округе, Краснодарском крае и Республике Адыгея в соответствии с Федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» создать без проведения конкурса по отбору заявок на земельных участках, определяемых соглашением о создании туристско-рекреационной особой экономической зоны:

- туристско-рекреационную особую экономическую зону на территории Зеленчукского района Карачаево-Черкесской Республики;

- туристско-рекреационную особую экономическую зону на территории Апшеронского района Краснодарского края;

- туристско-рекреационную особую экономическую зону на территории Майкопского района Республики Адыгея;

- туристско-рекреационную особую экономическую зону на территории Черекского, Чегемского, Эльбрусского районов Кабардино-Балкарской Республики;

- туристско-рекреационную особую экономическую зону на территории Алагирского и Ирафского районов Республики Северная Осетия - Алания;

- туристско-рекреационную особую экономическую зону на территории Хунзахского района Республики Дагестан¹¹.

Во многих программных документах признается, что для решения стоящих перед республиками проблем предстоит немало сделать. Прежде всего - надо улучшать имидж республик. Второе направление – совершенствовать маркетинг и продвижение своих турпродуктов на рынке. Третье - наращивать туристические возможности республик.

Думается, этого краткого обзора региональных программ достаточно, чтобы сделать некоторые выводы.

10 . <http://docs.cntd.ru/document/460229831>

11 <https://rg.ru/2010/10/19/turizm-dok.html>

Во-первых, сегодня, и это уже определено точно, именно въездной туризм становится доминантой развития туризма в северокавказских республиках.

Во-вторых, открывая новые или поддерживая уже имеющиеся направления туристской деятельности, например, создание и совершенствование горнолыжных курортов или бальнеологических лечебниц, местные организаторы должны задумываться над тем, чем их туристические объекты будут привлекательны в условиях довольно жесткой конкуренции и современных взглядов на качество обслуживания.

В-третьих, организовать устойчивые связи с потребителями их услуг и постоянно поддерживать их интерес и внимание к себе.

Этнотуризм как ключевое звено туристической деятельности

И здесь этнотуризм может и должен сыграть роль своего рода катализатора. Примечательно, но практически во всех программах по развитию туризма отмечается что главным достоинством той или иной республики в сфере туризма является народ. И это верно, поскольку народ олицетворяет собой и гостеприимство, самобытную культуру и народный эпос который должен стать своего рода изюминкой для приезжающих. Думается, что именно этнографический туризм способен придать особый шарм данному региону¹².

В свое время мы достаточно подробно разбирали достоинства и особенности этнотуризма на Северном Кавказе Поэтому коснусь их лишь вкратце. Если дать определение этому явлению, то полнее он называется этнографическим туризмом и является важной составной частью туризма культурно-познавательного. Согласно расхожему определению, этнотуризм – важная часть туризма, связанная этническими, языковыми и культурными составляющими¹³.

Этнический туризм необязательно должен быть основным видом туризма для северокавказских республик, но лучше будет, если он в той или иной степени будет присутствовать во всех остальных практикуемых и развиваемых видах туризма. Тогда поездки на Северный Кавказ станут незабываемыми и будут побуждать людей вновь и вновь приезжать туда, посещая еще и соседние республики.

Подспудно он будет решать и общегосударственную задачу знакомить

12 См. подробнее: Трофимов Е.Н. Развитие этнографического туризма для возрождения и сохранения этнокультурного наследия // Квартальновские научные чтения. Научный альманах. – М: Логос, 2014. С. 9-18.

13 <https://ru.wikipedia.org/wiki>

народы России с жизнью, культурой и бытом других ее народов – вещь, которую следует постоянно культивировать.

При этом инициатива в развитии этнотуризма в большей степени должна исходить не из федерального центра, а от представителей национально-территориальных образований и объединений граждан¹⁴. Но и первый не должен быть инертным в этих вопросах. А заинтересовать туриста, отдыхающего, безусловно, есть чем. Это и памятники старины, уникальные старинные крепости, сторожевые башни, склепы и различные мавзолеи. Все это ценность субъектов Российской Федерации и народов, проживающих там.

Роль социальных коммуникаций

Огромную роль в развитии туризма в северокавказских республиках должны сыграть социальные коммуникации, прежде всего, с ближайшими краями и областями РФ, поскольку именно их жители могут стать потенциальными потребителями туристических услуг. Социальные коммуникации – понятие достаточно широкое, под ними понимаются наличие и поддержание самых широких горизонтальных общественных связей между субъектами федерации, разного рода обществами и сообществами этих субъектов и не только в плане торговли и бизнеса, что достаточно активно налаживается за последние годы, а также в сферах культуры, искусства, науки, образования, в том числе и туристической деятельности.

В настоящее время многие северокавказские республики практикуют установление хозяйственных, производственных и иных связей с другими регионами Российской Федерации. Так, по некоторым подсчетам, один только Дагестан имеет порядка 150 заключенных соглашений и договоров с разными краями, областями и республиками РФ, касающихся разных сфер жизнедеятельности, – всего с 48 субъектами федерации¹⁵.

В основном эти договора и соглашения касаются экономического и научно-технического сотрудничества и действуют с разной степенью интенсивности. Заключаются соглашения, носящие более широкий характер. Примером тому - Соглашение 2017 г. между Республикой Крым и Республикой Ингушетия о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве. Документ призван со-

14 Там же.

15 Тенденции межрегиональной и международной интеграции на Северном Кавказе // URL: https://studwood.ru/1438845/ekonomika/tendentsii_mezhregionalnoy_mezhdunarodnoy_integratsii_severnom_kavkaze

действовать расширению контактов в самых разных областях - в экономике, социальной сфере, образовании, здравоохранении, культуре, в том числе и в сфере туризма. Кроме того, руководитель Крыма С.Аксёнов и глава Карачаево-Черкесии Р. Темрезов подписали дополнительное соглашение к Соглашению между Республикой Крым и Карачаево-Черкесской Республикой о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве¹⁶. Но если туризм признается бюджетообразующей отраслью экономики, то такого рода соглашения должны заключаться применительно к туристической, а также лечебно-оздоровительной сферам.

Важной частью социальных коммуникаций – разнообразных по форме и содержанию - должны, конечно, лежать политические коммуникации – встречи, переговоры, соглашения, обмены между руководителями регионов. Так, эксперт по коммуникациям Д. Джантеева, очевидно, придает политическим коммуникациям более широкий контекст. По ее пониманию, политические коммуникации состоят в обмене, который обеспечивает кооперативную взаимопомощь, средство связи любых объектов материального и духовного мира, передачу и обмен информацией в обществе с целью воздействия на него¹⁷.

Политические коммуникации с соседними субъектами федерации, несомненно, важны, поскольку главам субъектов на взаимных встречах легче запустить процессы взаимодействия. Но такие соглашения между руководителями могут оказаться не жизненными, если они не приведут в действие более широкий круг иных социальных коммуникаций.

Например, руководитель одной из центральных областей России мог бы договориться с руководителем северокавказской республики о взаимодействии в сфере оздоровления населения, сотрудничестве расположенных там предприятий и хозяйственных структур с санаториями и базами отдыха в соответствующей северокавказской республике. Они же могли бы договориться и о развитии многоплановых культурных связей. Понятно, что такая инициатива получила бы широкое освещение в средствах массовой информации. Полезен и интересен был бы рассказ о здравницах, о специфике лечения и оздоровления воздухом, травами, минеральной водой, грязями и пр. Равно как и экскурсии в историю ис-

16 <http://politika-crimea.ru/a/230-aksenov-sergej-valerevich-dose/30422-sergej-aksjonov-podpisal-ryad-dokumentov-o-sotrudnichestve-s-sub-ektami-severo-kavkazskogo-federalnogo-okruga>

17 Джантеева Д.С. политико-коммуникативные процессы в полиэтничном регионе. – Карачаевск: Карачаево-черкесский госуниверситет им. У.Д.Алиева, 2016. 14 с.

куства, архитектуры.

Горизонтальные кооперационные связи между субъектами федерации играют огромную роль, как в экономическом взаимодействии, так и в деле развития туризма. Более того, они служат той сцепкой, которая цементирует саму федерацию, превращая ее в единое целое, один организм. В свое время российский эксперт по балканским делам Е. Пономарева подметила одну из самых главных причин распада Югославии. Она состояла в том, что югославские республики, получив право на экономическую самостоятельность, бросились развивать связи с зарубежьем в ущерб развитию связей с соседними республиками.

Для России, в которой проживают 193 народа именно развитие внутреннего туризма, дружбы народов, гармонизации отношений будет способствовать укреплению государства.

В этом важную роль играют средства массовой информации. Это и продвижение туристического продукта за пределы своего региона, это и ознакомление с культурой, традициями и бытом представителей других народов. Причем, по справедливой оценке Д. Джантеевой, на современном этапе более эффективной работой может стать работа через электронные СМИ, через популярные местные каналы телевидения и радиовещания. Республики вполне могли бы активизировать свою деятельность на телеканалах соседних российских краев и областей посредством организации передач, рассказывающих о своей культуре, традициях, обычаях и нравах, местах отдыха и иных достоинствах своей территории.

В деле развития этнотуризма и в системе горизонтальных связей представляется важным задействовать помимо правительственных учреждений и властных структур производственные предприятия, работники которых нуждаются в оздоровлении, исследовательские центры, учреждения науки, культуры и образования (школы, колледжи, институты), общественные организации, творческие союзы, спортивные и профессиональные организации, союзы и объединения, медицинские учреждения. В проведении выездных совещаний, научных конференций, семинаров, симпозиумов, слетов, тренингов, как правило, задействуется этнотуризм, иначе не имеет смысла делать их выездными.

Думаю, полезно воспользоваться и былым советским опытом. Например, в г.Кисловодске в свое время союзные республики и их крупнейшие структуры строили свои санатории. Так, там появились санатории «Украина», «Казахстан», «Узбекистан» и пр. Республики Северного Кав-

каза могли бы прочнее привязывать к себе потенциальных партнеров из числа российских краев и областей, если бы предоставляли им земельные участки для строительства своих лечебно-оздоровительных объектов, баз для отдыха и туризма.

Еще более важным и перспективным делом представляется организация детского отдыха, особенно в летние каникулы. Известно, что детские впечатления являются самыми сильными и запоминающимися на всю оставшуюся жизнь. Это еще и даст волю разного рода соревнованиям, конкурсам, викторинам, освоению не только спортивного, художественного, но даже производственного мастерства. Поэтому приезд на Северный Кавказ детей из российских регионов, их знакомство с культурой и бытом населяющих его народов послужит хорошей базой для будущего благополучия и взаимопонимания народов России между собой.

И в заключение, учитывая практикуемый ныне кластерный подход к развитию туризма, необходима кооперация самих республик в деле организации местных экскурсионных поездок. Когда отдыхающие в одной республике, могли бы съездить в соседнюю республику, чтобы ознакомиться с ее достопримечательностями.

Список литературы:

1. Рамзан Кадыров: Туризм станет одним из локомотивов развития экономики Чечни, 6 августа 2013 г. // URL: <https://tass.ru/arithiv/569183>
2. Рамзан Кадыров провел совещание по вопросам развития туризма. 7 марта 2018 г.
3. Перспективы развития туризма в Республике Дагестан // URL: https://studbooks.net/646546/turizm/perspektivy_razvitiya_turizma_respublike_dagestan
4. Перспективы развития туризма в Дагестане обсудили на совещании под руководством Владимира Васильева, 16 апреля 2019 г. // URL: https://www.riadagestan.ru/news/president/perspektivy_razvitiya_turizma_v_dagestane_obsudili_na_soveschaniipod_rukovodstvom_vladimira_vasileva/
5. Трофимов Е.Н. Развитие этнографического туризма для возрождения и сохранения этнокультурного наследия // Квартальные научные чтения. Научный альманах. – М: Логос, 2014. С. 9-18.
6. Тенденции межрегиональной и международной интеграции на Северном Кавказе // URL https://studwood.ru/1438845/ekonomika/tendentsii_mezhregionalnoy_mezhdunarodnoy_integratsii_severnoy_kavkaze
7. <http://politika-crimea.ru/a/230-aksenov-sergej-valerevich-dose/30422-sergej-aksjonov-podpisal-ryad-dokumentov-o-sotrudnichestve-s-sub-ektami-severo-kavkazskogo-federalnogo-okruga>
8. Джантеева Д.С. политико-коммуникативные процессы в полиэтничном регионе. – Карачаевск: Карачаево-черкесский госуниверситет им. У.Д. Алиева, 2016. 14 с.
9. <https://ru.wikipedia.org/wiki>
10. <http://docs.cntd.ru/document/460131224>
11. <http://docs.cntd.ru/document/422402870>
12. https://studwood.ru/1142737/turizm/tendentsii_perspektivy_razvitiya_turizma_kabardino_balkarskoy_respublike
13. <https://chechnyatoday.com/content/view/312144>
14. <http://docs.cntd.ru/document/422402778>
15. <http://docs.cntd.ru/document/460229831>
16. <https://rg.ru/2010/10/19/turizm-dok.html>
17. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 9-20.
18. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в современной России: Монография. – М.: Этносоциум, 2016. 266 с.
19. Бормотова Т.М. Никитина И.Э. Проблемы сближения национальных законодательств стран-членов Евросоюза в вопросах миграционной политики // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 1 (91). С. 51-54.

20. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос: Монография. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2009.
21. Щупленков О.В. Казачье самоуправление – положительный опыт консенсуса центра и регионов // Альманах Казачество 2016. № 20. С. 40-50.
22. Протоиерей Димитрий Лескин, Русский мир: историческая миссия // Журнал «Межконфессиональная миссия» 2016. № 14. С. 6-13.
23. Пусько В.С. Российское общество и его идеология // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 4 (82). С. 15-20.

Bibliography

1. Ramzan Kadyrov: Tourism will become one of the locomotives of the development of the Chechen economy, August 6, 2013 // URL: <https://tass.ru/arhiv/569183>
2. R Ramzan Kadyrov held a meeting on tourism development. March 7, 2018.
3. Prospects for the development of tourism in the Republic of Dagestan // URL: https://studbooks.net/646546/turizm/perspektivy_razvitiya_turizma_respublike_dagestan
4. The prospects for the development of tourism in Dagestan were discussed at a meeting led by Vladimir Vasiliev, April 16, 2019 // URL: https://www.riadagestan.ru/news/president/perspektivy_razvitiya_turizma_v_dagestane_obsudili_na_soveshchaniy_pod_rukovimviravvodimvira
5. Trofimov E.N. The development of ethnographic tourism for the revival and preservation of ethnocultural heritage // Quarterly scientific readings. Scientific almanac. - M: Logos, 2014. P. 9-18.
6. Trends in inter-regional and international integration in the North Caucasus // URL: https://studwood.ru/1438845/ekonomika/tendentsii_mezhregionalnoy_mezhdunarodnoy_integratsii_severnoy_kavkaze
7. <http://politika-crimea.ru/a/230-aksenov-sergej-valerevich-dose/30422-sergej-aksjonov-podpisal-ryad-dokumentov-o-sotrudnichestve-s-sub-ektami-severo-kavkazskogo-federalnogo-okruga>
8. Dzhanteeva D.S. political and communication processes in a multi-ethnic region. - Karachaevs: Karachay-Cherkess State University. U.D. Aliyev, 2016. 14 p.
9. <https://ru.wikipedia.org/wiki>
10. <http://docs.cntd.ru/document/460131224>
11. <http://docs.cntd.ru/document/422402870>
12. https://studwood.ru/1142737/turizm/tendentsii_perspektivy_razvitiya_turizma_kabardino_balkarskoy_respublike
13. <https://chechnyatoday.com/content/view/312144>
14. <http://docs.cntd.ru/document/422402778>
15. <http://docs.cntd.ru/document/460229831>
16. <https://rg.ru/2010/10/19/turizm-dok.html>
17. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9-20.
18. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. – M.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
19. Bormotova T.M. Nikitina I.E. Problems of convergence of national laws of European Union member states in matters of migration policy // Etnosotsium and international culture. 2016. № 1 (91). P. 51 - 54.
20. Abdullatipov R.G., Mikhailov V.A. Russia in the XXI century: a national response to the national question: Monograph. - M.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2009.
21. Shuplenkov O.V. Cossack self-government – a positive experience of consensus Center and Regions // Almanac Cossacks 2016. № 20. P. 40-50.
22. Dmitriy Leskin, Russian world: the historical mission // "Interchurch Mission" 2016. № 14. P. 6-13.
23. Pusko V.S. Russian society and its ideology // Etnosotsium and international culture. 2015. № 4 (82). P. 15-20.

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТРАНСПОРТА (МИИТ)

РАНХиГС при Президенте РФ

Линник Т.С.

*Аспирант 2 курса Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Михайлов В.А.

*Доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных
и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета
по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.*

Международная политика Украинской Центральной Рады (март 1917 – апрель 1918 гг.): цели и достижения

Сегодня изучение опыта государственного строительства в Украинской народной республике (далее - УНР) приобретает особую актуальность. Именно Центральная Рада своими универсалами утвердила правовые основы в сфере общественной жизни страны, включая международные отношения. При этом Центральная Рада первым, вторым и третьим Универсалами подчеркнула свою приверженность федеративным связям с Россией.

Украинская революция в целом, и деятельность Центральной Рады в частности, вызывают глубокий интерес у ученых, что подтверждается большим количеством научных работ, посвященных данной теме.

Фундамент историографии проблемы был заложен несколькими поколениями историков, первым из которых выступил М. Грушевский [3], непосредственный участник становления украинской государственности. По подсчетам О. Гомотюк, библиография трудов М. Грушевского, посвященных историографии Центральной Рады, превышает 100 единиц [2, с. 10].

Особенностям деятельности Центральной Рады посвящены публикации и научные труды ведущих идеологов того времени и деятелей украинских партий – В. Винниченко, М. Грушевского, И. Мазепы, С. Петлюры др., зарубежных ученых того времени – Г. Баера и Г. Яблонского, а также труды современных украинских ученых – О. Гомотюк, А. Оглобина, О. Субтельного, Н. Новиченко, Д. Яневского и др.

Одним из неотъемлемых атрибутов и механизмов любого суверенного государственного организма является самостоятельная международная политика и государственная служба, которая осуществляет его задачи.

Но, несмотря на такой большой объем научных работ, посвященных деятельности Центральной Рады, проблема международных отношений во время ее существования до сих пор требует детального изучения. Среди многих аспектов этой сложной проблемы одним из важнейших является вопрос взаимоотношения Центральной Рады с международным сообществом и определение места Украины в условиях становления Советской России.

В целом весь комплекс имеющейся исторической литературы по заявленной тематике можно разделить на следующие группы: советская историография; украинская историография, включая периода УНР; современная историография (отечественная и зарубежная) [9, с. 8].

В исследовании были использованы научные труды, посвященные международным отношениям, развитию и становлению внешнеполитической службы периода Центральной Рады УНР – работы Д. Веденева, Т. Заруди, О. Кудлай. Л. Радченко; материалы государственных архивов [5].

Первый этап украинской революции начался сразу же после победы Февральской революции. В это время в Киеве была создана Украинская Центральная Рада, которая после Всеукраинского национального конгресса была признана национальным представительным органом страны.

В деятельности Центральной Рады Н. Ковалева выделяет три этапа:

- первый этап (4 марта - 10 июня 1917 г.) характеризуется становлением Центральной Рады как законодательного органа и борьбой за национально-территориальную автономию Украины;

- второй этап (10 июня – начало ноября 1917 г.) характеризуется провозглашением I Универсала и поиском путей взаимопонимания с российскими левыми партиями в вопросах автономии Украины;

- третий этап (начало ноября 1917 - апрель 1918) характеризуется провозглашением и деятельностью Украинской Народной Республики, ее борьбой против большевистских сил и войной с Советской Россией [6, с. 48].

После того, как в мае 1917 г. Временное правительство отказалось предоставить Украине автономию, 10 июня 1917 г. в Киеве Центральная Рада провозгласила I Универсал – государственно-политический акт, свидетельствующий об автономии [13, с. 36-43]. В то же время было создано

Генеральное Секретарство межнациональных дел, впоследствии реорганизованное в Ведомство международных дел. Первым министром международных дел УНР стал историк и дипломат А. Шульгин.

16 июля был обнародован II Универсал Центральной Рады, закрепивший статус Генерального Секретариата как краевого органа власти петроградского правительства [12, с. 19].

7 ноября 1917 Центральная Рада провозгласила своим III Универсалом Украинскую Народную Республику. [10, с. 9]. Фактически, III Универсал устанавливал в Украине собственный государственный строй в форме демократической республики с законодательной и исполнительной ветвями власти, главными конституционными принципами, обозначенной государственной территорией [1, с. 35]. Помимо этого, III Универсалом установлено, что Украина становится Украинской народной республикой. Однако, при этом она не отделяется от Российской республики, сохраняя общее единство. «Мы твердо станем на нашей земле, чтоб силами нашими помочь всей России, чтоб вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов», - закреплялось в Универсале.

14 ноября 1917 г. С. Петлюра, который занимал на тот момент пост генерального секретаря, обратился с воззванием к народу и армии. Он призвал «не допускать беспорядков, братания и перемирия». Такие заявления Центральной Рады и продолжение формирования действующих воинских частей привлекли внимание стран Антанты. В ноябре С. Петлюру посетили английский Военный атташе Чарльз и французский представитель Грабье, а также представители США [5, с. 31.]. Это был период первых международных контактов и налаживаний отношений Украинской Народной Республики с правительствами Франции и Великобритании. В ноябре 1917г. А. Шульгин сообщил Генеральному секретариату о переговорах с представителями Франции и Румынии о назначении дипломатических представителей [7, с. 95]. Кроме того, французские интересы на Украине были частично связаны с совершенными ранее экономическими инвестициями, а большая французская миссия, под командованием генерала Бартелота оказывала Центральной Раде помощь в реорганизации украинских войск в регионе.

Заинтересованность в как можно более крепких вооруженных силах проявляли и представители Антанты. В начале декабря в Киев из Ставки были переведены военные миссии Англии, Франции, Италии, Японии, Румынии, Сербии и Бельгии. Резкое изменение позиции стран Антанты объясняется просто. Понимание того, что заинтересованность России и

стран Четверного Союза в окончании непосильной для всех сторон войны рано или поздно приведет к сепаратному миру, страны Антанты были согласны усиливать независимость УНР с целью удержания ею хотя бы части ранее существовавшего фронта, оттягивая на себя австро-немецкие дивизии.

4 декабря Совет Народных Комиссаров опубликовал «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде». Манифест признавал право всех народов на национальную независимость: «Мы, Совет Народных Комиссаров, признаем народную Украинскую республику, ее право совсем отделиться от России или вступить в договор с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между нами. Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, мы, Совет Народных Комиссаров, признаем сейчас же, без ограничений и, безусловно».

Относительно Рады Совнарком указывал: «Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двузначную буржуазную политику, которая уже давно выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине... Эта двузначная политика, которая лишает нас возможности признать Раду, как полноправного представителя трудящихся и эксплуатируемых масс Украинской Республики, довела Раду последним временем к шагам, которые означают уничтожение всякой возможности соглашения».

Совнарком выдвигал Раде ультимативные требования: отказаться от дезорганизации фронта и пропуска контрреволюционных частей на Дон, на Урал или в иные места, прекратить разоружение советских, красногвардейских частей, а также способствовать борьбе против кадетско-каледицкого восстания. В случае неполучения удовлетворительного ответа в течение двух дней Совнарком должен был считать Раду «в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине». Центральная Рада решительно отвергла ультиматумы.

5 декабря Винниченко говорил о «Манифесте»: «Объявление нас «буржуями» - способ борьбы неукраинцев с украинцами. Борьба, которую теперь ведут с нами большевики, борьба национальная... Не Генеральный секретариат, а Совет Народных Комиссаров затеяли братоубийственную войну. Но тот, кто поднял меч, от меча и погибнет».

Также интересна и аргументация М. Грушевского относительно «Манифеста». Утверждая, что на Украину устремляется вражеское войско, он отмечал: «Оно уже вступило на украинскую землю и получило приказ,

во что бы то ни стало пробиться к центру нашего государства. Посылают это войско на нас те самые, так называемые, народные комиссары, которые лицемерно кричат везде и всюду о своей любви к миру. Заключив перемирие на всех фронтах, народные комиссары объявили войну нам».

5 декабря Совнарком рассмотрел ответ Центральной Рады на ультимативные требования и, признав его неудовлетворительным, решил «считать Раду в состоянии войны с нами».

В. Винниченко утверждал, что развязанная война велась формально: «вроде с Россией, с Великороссией, с Петроградским Советским Правительством. Но, по сути, с собственными народными массами».

24 декабря 1917 г. правительство Украины направило ко всем воюющим и нейтральным государствам ноту, где отмечалось, что Украинская Народная Республика «выступает самостоятельно в международных делах посредством своего правительства, которое обеспечивает интересы украинского народа» до тех пор, пока не будет создана общероссийская федеральная власть. Нота призвала все воюющие государства немедленно прекратить боевые действия и собраться на мирный международный форум [1, с. 40].

29 декабря генералу Табуи предоставили новые полномочия «Комиссионера Французской Республики в Правительстве Украинской Республики». Он и его британский коллега Багге пообещали основную программу «финансовой и технической помощи» [15, 325].

После провозглашения III Универсала и постепенного выхода Украины на международную арену началось создание центральной внешнеполитической службы во главе с министром международных дел А. Шульгиным. 26 декабря 1917 г. глава правительства УНР В. Винниченко официально сообщил о создании Ведомства международных отношений [3, с. 14].

С конца декабря 1917 г. международное ведомство Украины разрабатывало проект закона «Об учреждениях для охраны интересов украинских подданных за пределами Украинской Народной Республики». Проект предлагал такие обязанности консульских учреждений: выдать гражданам удостоверения для возвращения в Украину; оформить паспорта для выезда в иностранные государства; оказать материальную помощь гражданам Украины за границей; принять и выполнить особые поручения правительства УНР [1, с. 45]. Основные положения упомянутого законопроекта нашли отражение, и более детальную конкретизацию, в созданном позже специалистами международного ведомства Украины «Уставе о консульских учреждениях УНР».

Постепенно Украина становилась полноценным представителем международного сообщества. К началу января 1918 французская миссия в Киеве взяла на себя основную ответственность за формирование военных сил на Украине и создала общий призывной пункт и комиссию по поддержке Украинских, Польских, Чехословацких и Румынских войск в регионе. 3 января 1918 г. генерал Ж. Табуи подал генеральному секретарю по международным делам официальное письмо о своем назначении Генеральным комиссаром (полномочным представителем) Франции при правительстве Украины [1, с. 45], а британский консул в Одессе П. Багге, 6 января 1918 подал ноту о его назначении представителем Англии в Украину [14, с. 98].

Данные назначения не были расценены как признание украинской независимости. К Украине относились с особой безотлагательностью, потому что она рассматривалась важной для союзнических операций в Румынии и сохранения блокады против Центральных Сил.

9 января 1918 г. Центральная Рада новым IV универсалом провозгласила Украинскую Народную Республику самостоятельным, ни от кого не зависимым, свободным, суверенным государством украинского народа [11, с. 175]. Уже в феврале 1918 г. правительством УНР была составлена «Инструкция Комиссарам Генерального Секретариата в деле ведения перемирия», в которой отмечалось, что «комиссары должны работать в дальнейшем в тесном контакте с этими высшими органами УНР» [1, с. 46]. Фактически, это был первый нормативный документ руководства республики о текущей работе дипломатических учреждений УНР.

Брест-Литовский мирный договор, заключенный 9 февраля 1918 г. признал УНР суверенным, независимым государством. 16 февраля правительство УНР направило кайзеру Германии Вильгельму II «Просьбу к немецкому народу в деле помощи». Рассмотрев ее, правительство Германии согласилось оказать Украине военную и политическую поддержку. В обмен на военную помощь Германии против советских войск — Украинская народная республика обязалась в срок до 31 июля поставить Германии и Австро-Венгрии продовольствие и другие товары.

Нельзя отрицать того, что Германия и Австро-Венгрия получили очевидную экономическую выгоду, которая позволила снять внутреннее напряжение в этих голодающих в то время странах.

Необходимо отметить, что делегация в Брест-Литовск, была направлена Центральной Радой только после встречи представителей Советов и спикера Центральных держав, а также соглашения иници-

ировать мирные переговоры 5 декабря 1917 года. Делегация прибыла 16 декабря 1917 года и была дружелюбно встречена представителями австрийского и немецкого правительств. После возвращения делегации 22 декабря, Центральной Радой издана прокламация всем нациям, в которой информировалось о намерении украинского правительства принять участие в мирных переговорах в качестве полноправного участника. М. Грушевский считался экспертом в политике Восточной и Центральной Европы, имел решающий голос в выборе делегатов и был единственным, кто дал делегации детальные инструкции перед ее отправлением. М. Грушевский, которого часто обвиняли в «Австрофилии» и «Германофилии», советовал делегации просить об условиях мира, которые, с точки зрения Центральных держав, были более устойчивыми, чем условия, выдвинутые Л. Троцким. Троцкий, во имя самоопределения наций и мира без аннексии, потребовал покинуть все территории, принадлежавшие Российской империи. М. Грушевский пошел за пределы довоенных границ и, также во имя принципа самоопределения, настаивал на том, чтобы населенные украинцами австро-венгерские территории – Восточная Галичина, Буковина, Карпатская Украина – должны быть переданы УНР. Как минимальную уступку, М. Грушевский рассматривал интеграцию Восточной Галичины и Буковины в единую землю австрийской короны под управлением местной украинской администрации.

Подписание мирного договора между УНР, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, которое произошло 27 января 1918 года, в целом было положительно встречено украинским руководством.

Уже 18 февраля 1918 г. между УНР, Германией и Австро-Венгрией была заключена Военная конвенция, которая предоставляла правовую основу поступления и пребывания немецко-австрийской полумиллионной армии в Украине [8, с. 34].

Задолго до подписания мирного договора М. Грушевский направил в Брест-Литовск представителя Союза за освобождение Украины, А.Скоропись-Иолтуховского, с целью определить изъявит ли немецкая сторона намерение освободить украинских военнопленных, содержащихся в Германии с целью их участия в военных действиях на стороне Рады. Когда эта задумка оказалась неосуществимой, и вместо этого, пришлось принять регулярные войска Германии, представители Союза сделали попытку ограничить немецкую военную операцию районами у границы России и Украины. Кроме того, от Германии требовалось подписание со-

глашения, по которому войска покинут Украину сразу после окончания военной операции.

Следует отметить, что присутствие иностранных войск на территории Украины ставило правительство УНР в зависимое от государств «Тройственного союза» положение, ведь этот факт предполагал наличие контроля над международными отношениями страны. Поэтому перед правительством УНР стояла первоочередная задача создания собственной внешнеполитической службы, ее аппаратной структуры, заграничных учреждений, разработка главных правовых и организационных основ их функционирования.

Ведомство международных дел УНР во время Центральной Рады возглавил В. Голубович, а с 14 марта 1918 г. – М. Любинский [1, с. 45].

Основной функцией ведомства была разработка соответствующих законодательных актов. Первым проектом Ведомства международных дел УНР стал «Проект организации Народного Министерства Дел Иностранных», который определял приоритетные направления международной политики [8, с. 34].

Делегации УНР в составе членов Центральной Рады (М. Галагана, Е. Онацкого, Л. Бич) пытались установить дипломатические отношения на Кубани и в Екатеринодаре [1, с. 61]. Встреча была лишь консультационной.

16 марта 1918 г. представители дипломатической делегации УНР были направлены в Германию, 17 марта 1918 г. – в Турцию. 18 апреля 1918 был назначен посол Украины в Вену – А. Яковлев.

В апреле 1918 г. правительство УНР осуществило попытки наладить отношения с Румынией – 5 апреля 1918 г. туда были направлены министр М. Галаган и два атташе [1, с. 61]. Но этот визит не состоялся вследствие лояльной позиции румынского правительства по отношению к странам Антанты.

Итак, международные отношения времен УНР были ограниченными в основном странами Тройственного союза. Несмотря на то, что практическая дипломатия УНР была открытой для всех стран, независимо от их блоковой принадлежности, на создание системы международных отношений влиял ряд негативных факторов. Д. Веденеев определяет следующие факторы негативного воздействия: ограниченный круг стран, признавших украинское государство; подписание Брестского договора, что прервало отношения государств Антанты с Украиной; зависимость правительства УНР от Берлина и Вены [1, с. 63]. По словам кайзера Германии

Вильгельма II, «мы пришли в Украину, чтобы получить продовольствие ... Мы не должны поддаваться иллюзиям, что Украина на долгое время может быть оторванной от Великороссии ... Они снова объединятся» [4, с. 323.].

В 1918 г. Правительством УНР был подготовлен проект закона «О зарубежных учреждениях Украинской Народной Республики», главной целью которого была перестройка внешнего дипломатического представительства. В законе были определены следующие функции дипломатических учреждений УНР: ведение политических отношений с правительствами стран аккредитации; охрана за рубежом интересов политики и торговли УНР; защита законных прав граждан Украины за рубежом [1, с. 65].

В последние дни своего существования Центральная Рада сделала попытку ввести свое дипломатическое присутствие в государствах Западной Европы. 27 апреля 1918 г. была направлена делегация к государствам Западной Европы. Главной задачей миссии был сбор соответствующей информации для дальнейшего развития дипломатических отношений со странами западноевропейского региона.

29 апреля 1918 г. правительством Центральной Рады была принята Конституция УНР, которая утвердила в Украине демократическую республику парламентского типа. Но ни этот факт, ни попытки установить международные отношения со странами западноевропейского мира и принятие соответствующих законодательных актов, не повлияли на отмену и роспуск Центральной Рады в результате государственного переворота гетмана П. Скоропадского, которого поддерживали оккупационные войска.

Итак, можно сделать выводы, что эволюция Центральной Рады в сфере международных отношений зависела от политического развития УНР и отвечала основным этапам государственного строительства в Украине. В период Центральной Рады, УНР страна прошла путь от автономии в составе федеративной России, к суверенному государству, что и обусловило выход Украины на международную арену.

За период с 1917 по 1920 гг. произошло создание первого дипломатического органа государства – Генерального Секретарства межнациональных дел, впоследствии реорганизованного в Ведомство международных дел.

Однако распространение дипломатической миссии сдерживалось негативными факторами – ограниченным кругом стран, признавших

украинское государство. Именно неблагоприятные внешние условия, по нашему мнению, привели к тому, что процесс интеграции Украины в международное сообщество не состоялся.

М. Грушевский, как глава Центральной Рады, не стал настолько сильным лидером, как, к примеру, В. Ленин. Глубокое уважение к свободе и инициативам масс, а также преданность парламентской практике в правительстве не дали М. Грушевскому использовать его популярный призыв к улучшению в целях усиления власти. После интервенции Центральных держав, его все еще считали в раде почтенной личностью, но его ограниченная власть продолжала сходиться на нет. Это было связано с присутствием и политикой иностранных военных властей, а также тем, что М. Грушевский предпочитал дистанцироваться от разногласий, возникавших в правительстве.

Итак, именно в период Центральной Рады были определены первые направления дальнейшего развития международных отношений между Украиной и странами мира.

Список литературы:

1. Веденеев Д. Становлення зовнішньополітичної служби України, 1917–1920: дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02 . К., 1994. 192 с.
2. Гомотюк О.Є. Центральна Рада в українському державотворчому процесі (березень 1917 – квітень 1918 рр.). К., 1997. 24 с.
3. Грушевський М. Українська Центральна рада і її Універсали, перший і другий. К., 1917. 16 с.
4. Дорошенко Д. Історія України 1917-1923. Доба Центральної Ради. Ужгород, 1932. Т.1. 437
5. Історія України в документах, матеріалах і спогадах очевидців / упоряд. Л.Г. Мельник, А.Г. Слюсаренко, В.А. Короткий та ін. К.: НМК ВО, 1991. 315 с.
6. Ковальова Н. А. Аграрна політика в Україні періоду національно-демократичної революції (1917 - 1921 р.): монографія. Черкаси : Ант, 2007. 279 с.
7. Кудлай О. Б. Створення та діяльність народного міністерства міжнародних справ Української Народної Республіки (червень 1917 – квітень 1918 рр.). К.: Інститут історії України, 2008. 116 с.
8. Миронець Н., Пивовар С. Мирний договір у Бресті – міжнародне визнання незалежної Української Народної Республіки // Розбудова держави. К., 1993. № 7. 34 с.
9. Скальський В.В. Українська Центральна Рада: суспільні очікування та сприйняття (березень 1917 – квітень 1918 р.): автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. К., 2011. 20 с.
10. Смолій В.А. Історичні уроки української революції // Історія України. Маловідомі імена, події, факти (збірник статей). К., 1999. № 5. С. 8-10.
11. Ухач В.З. Історія держави і права України : навчальний посібник. Тернопіль : Вектор, 2015. С. 175-177.
12. Яневський Д.Б. Українська Центральна Рада : Перші кроки національної державності (березень – листопад 1917 р.). К. : Ін-т історії АН УРСР, 1990. 27 с.
13. Ярош Д.В. Універсали Української Центральної Ради – Конституційні акти Української держави 1917–1918 рр. : їх зміни та історичне значення // Університетські наукові записки. К., 2006. № 3-4. С. 36-43.
14. Rudnysky I. Essays in modern Ukrainian history. Edmonton, 1987. P. 98-99.
15. George A. Brinkley Allied Policy and French Intervention in the Ukraine, 1917-1920. The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution, Distributed by Harvard University Press for Harvard Ukrainian Research Institute, 1977. P. 323-351.

Некрасов А.С.

*Кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
Российского университета транспорта (МИИТ).*

Образ – ментальный код социально-ценностной информации

Понятие «образ» обозначает разные объекты как материального, так и идеального характера. Обладая таким всеохватом, оно скрывает за собой множество смысловых акцентов. Если попытаться проанализировать эти смыслы, то понятие образ можно разделить на следующие смысловые группы.

Первую смысловую группу составляют любые объекты, которые предстают как прообразы. Сторонником такой трактовки понятия образ был Платон. В диалоге «Кратил» он отмечал, что столяр при создании нового челнока вместо расколовшегося, необходимо сначала представить образ старого челнока, по которому он первоначально его создавал. Так, Платон стал родоначальником традиционной трактовки образа как прообраза или образа для подражания, который может иметь как материальную, так и духовную природу [9].

Вторую смысловую группу трактовки понятия образ представляют любые объекты как репрезеденты, то есть здесь «образ» и «репрезедент» равнозначны. В этом случае понятие образ как бы стирает грань между ним и понятием «знак», «символ», «модель» и т.п. «В современной философии образ понимается не только как продукт сознания, но и как то, что формируется в социальности в виде знака или даже, выходя за «границы поля» сознания в форме симулякра, становится силой, порождающей изменения и различия» [6, с. 166]. Такой подход был заложен в научный обиход В.А. Штоффом, предлагая все языковые средства информации рассматривать как образы [10, с. 17]. «Образ – это чувственная форма психологического отражения, имеющая в идеальном плане пространственную организацию и временную динамику» [3, с. 160].

Третью группу определений образа предоставляют его трактовки как

психического явления. При этом одна группа исследователей ограничивает образные представления границами чувственных аналогов объектов. Образ здесь рассматривается как копия предмета, которая формируется в результате его отражения человеческой психикой в виде чувственного аналога объекта.

Вторая же группа учёных образами считает только те психические явления, которые обладают структурным соответствием с ним. По нашему мнению, наиболее продуктивным является определение образа как отражение структурно соответствующее объекту. Так, Л.О. Резников, предложил определять образ как объединённую в систему совокупность чувств, сигналов, структурно соответствующую объекту отражения [11]. Подобное определение образа как возникающее в психике человека отражение объекта представлено в «Полном энциклопедическом справочнике»: «Образ есть форма визуального выражения информации, обладающая структурным соответствием с выражаемым в нём предметом и переживаемая человеком в качестве реально существующего объекта» [9, с.35].

Однако трактовка образа как изображения с формированием парадигмы конструктивизма начала подвергаться сомнению классическим рационализмом. Начиная с Дж. Локка, и доведённое до совершенства И. Кантом понимание образа как копии, перестаёт устраивать научную мысль: представлять объект вовсе не означает быть его копией.

Такой подход стал основным для позитивизма, который объявлял соответствие образа оригиналу лженаучной проблемой. А А.Н. Леонтьев утверждал, что ни запахов, ни цветов, ни звуков вне психики не существует оригинал-амодален [4]. Эту идею поддерживали и представители отечественной науки и философии. Так, М. Мамардашвили писал: «У меня нет, во-первых, объективного мира, а объективный мир - это те представления о нем, которые есть. Не сам по себе мир, а те знания, которые у нас есть о мире. И вторая вещь: эти знания, кроме всего прочего, не обязательно объективны. Они могут быть и мифологическими, помещающими меня, как мыслящее и сознающее существо, в мифологический мир» [5 с. 95]. Действительно, как утверждал В.Ф. Петренко: «мир наполнен красками, звуками, запахами, но все эти качества производны от органов восприятия субъекта. Физика не «знает» красного, но описывает электромагнитные волны определенной длины (частоты), которые при воздействии на сетчатку глаза человека вызывают соответствующее ощущение» [7, с. 128]. На

основании подобных трактовок образа нидерландский психолог РФ. Анкерсмит предложил вообще убрать из научного обихода слова «подобие» и «копия» [1, с. 234].

Таким образом, образ – это чувственный феномен человеческой психики, который, обладая свойством интенциональности, переживается человеком в качестве предмета материального мира, находящегося вне его психики. Уточняя это свойство образа, А.Н. Леонтьев пишет: «Капитальный психологический факт состоит в том, что в образе нам даны не наши субъективные состояния, а сами объекты. Гак, например, световое воздействие вещи на глаз воспринимается как объективная форма вещи, находящейся вне глаза. Для субъекта образ как бы наложен на вещь» [3, с. 44].

Социальный образ как философская рефлексия представляет собой способ отражения и объяснения реальных социальных явлений, постоянно меняющегося состояния общества, синтезируя в себе чувственное ощущение социальной реальности. Таким образом, социальный образ – это способность обыденного коллективного сознания воспринимать мир при помощи таких социальных механизмов как общественное мнение, идеологические установки, нравственные ориентации, национальные традиции и др. Поэтому можно сказать, что образы правят обществом благодаря силе своей выразительности, задавая членам общества образ действий, стандарты поведения, имиджевые стратегии, которые приняты в данном культурном сообществе, то есть, представляя собой определённый социальный императив.

Выступая как высокоорганизованные ментальные структуры социальные образы, с одной стороны, отражают социальное бытие, а с другой – несут информацию о нём в качестве кодов. Насыщенные интересными коммуникациями, социальные образы сохраняют, воспроизводят и транслируют отношение к определённым событиям, ситуациям, объектам, выступая репрезентантами социальной реальности. Таким образом, социальный образ – это форма социального освоения мира и познания.

Понятие «социальный образ», как фундамент социально-культурной парадигмы, обладает огромным потенциалом, который основан на возможности с его помощью исследовать устойчивые структуры коллективного сознания, раскрывать социальную направленность, выполняя предпосылочные функции. Можно утверждать, что понятие «социальный образ», обладая универсальностью, предстаёт в качестве теоретического

и методологического феномена, а также в роли социального императива социальной цели, социальной ценности и ментальной модели поведения.

Социальный образ – императив (руководящая идея) – это средство рационального осмысления социальных проблем и идеальная форма, которая превращается в установку социально-культурного мышления для решения этой проблемы.

Социальный образ – образец (идеал) – это ментальная мыслительная модель наиболее предпочтительных и желаемых форм наиболее оптимального государственного устройства и социальной жизни, отражённая в общественном сознании.

Социальный образ – цель – это идеальное (мысленное) предвосхищение нужного результата любого вида человеческой деятельности, которое помогает организовать и направить индивидуальную и общественную жизнь, разумно распределив ресурсы и время для актуализации желаемого.

Социальный образ – ценность – это ориентир мыслительного процесса постижения смысла предмета с позиции оценки его на основе общечеловеческих ценностей или придания ему нового смысла бытия креативно мыслящим субъектом, выступая в роли установки на социально ориентированную деятельность.

Ценностные ориентации – это мировоззренческие убеждения индивида и компоненты его внутреннего мира, закреплённые его жизненным опытом и чувственными переживаниями, ограничивая значимое для него от незначимого. Они выступают признаком зрелости человека: чем мощнее их сила и значимость, тем более он социально целенаправлен.

Рассмотрим формирование образа как ценности на примере трансформации ментальных проявлений в российском обществе. Менталитет как система ценностей российского этноса проявляется в психике (в виде образа) и в мышлении (в виде сознания) формировался на основе особенностей его геополитических и природных условий, которые характеризуют самобытность российской цивилизации.

Современные исследователи выделяют такие сущностные черты российского менталитета, как духовность, коллективизм (соборность), государственность, а к несущественным – слабую нацеленность на систематически ритмический труд, стремление к уравнительности и политическая пассивность. Но наибольшая значимость из сущностных черт российского менталитета выступает государственность (держав-

ность), на формирование которой оказали большое влияние географические и геополитические факторы.

Российский суперэтнос оформился в единую общность на огромной территории с суровым климатом (две трети территории России расположены в холодном климатическом поясе, которые слабо заселены). Обеспечить целостность и жизнеспособность российских этносов в таких сложных условиях могла только сильная государственная власть, поэтому, как пишет В.О. Ключевский: «каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство, то есть кормить тех, кто его обороняет» [2, т с. 372].

Своеобразие государственного устройства сформировало психологический образ народа – образ державности (или государственности) как базовой сущностной характеристики российского менталитета – сакрального отношения к своему государству как высшей ценности. Поэтому в советское время внедрялся в сознание многонационального народа образ государственного как приоритетного над личностным, коллективного над индивидуальным, что отражалось в психике людей как основе духовного образования.

В настоящее время, в отличие от государственности, такие сущностные характеристики россиян, как коллективизм и духовность перестали быть социальной ценностью. Это связано с тем, что в условиях переходного периода в российском социуме под воздействием проводимых реформ развернулся активный пересмотр системы ценностей, что привело к распаду ценностно-смыслового ядра российского менталитета – духовные ценности и их приоритетная иерархия. В российскую ментальность при помощи средств массовой информации начали проникать ценности западной цивилизации, лежащие в основе западного образа жизни и ментальности.

В контексте продолжающихся социально-экономических и политических преобразований в России традиционные ментальные ценности этноса и новые ментальные установки социума привели к кризису менталитета, который является выражением распада устойчивых ранее социально-политических образований, которые определили поведение людей, структуру их сознания и психики. Это отразилось на формировании нетрадиционных образов российского менталитета, отражается прежде в разрушении духовно-нравственных традиций и образов душевного человека – страдающего, сопричастного и безразличного к другим людям и обществу.

Список литературы:

1. Анкерсмит Р.Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 399 с.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: Яуза-пресс, 2018. 1150 с.
3. Лейбин В.М. Краткий психоаналитический словарь-справочник. М.: Когито-Центр. 192 с.
4. Леонтьев А.Н. Эволюция, движение, деятельность. М.: Смысл, 2012. 559 с.
5. Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. 2-е, доп. и испр. изд. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 812 с.
6. Марков А.В. От знака к знанию: четыре лекции о том, как семиотика меняет мир. – М.: РИПОЛ КЛАССИК. 2018. 171 с.
7. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 3-е изд. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
8. Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2015. 766 с.
9. Полный энциклопедический справочник: замена десяткам специальных справочников, обновленные данные по всем основным наукам, простота и удобство в использовании. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 1150 с.
10. Проблемы методологии науки и научного творчества / Под ред. В.А. Штоффа и А.М. Мостепаненко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 179 с.
11. Резников Л.О. Понятие и слово. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 124 с.

Bibliography

1. Ankersmith R.F. History and tropology: the rise and fall of metaphor. M.: Canon +, 2009. 399 p.
2. Klyuchevsky V.O. The course of Russian history. M.: Yauza-press, 2018. 1150 p.
3. Leibin V.M. Brief psychoanalytic dictionary reference. M.: Kogito-Center. 192 p.
4. Leontiev A.N. Evolution, movement, activity. M.: Sense, 2012. 555 p.
5. Mamardashvili M.K. Conversations about thinking. 2nd, add. and rev. ed. M.: Merab Mamardashvili Foundation, 2015.812 p.
6. Markov A.V. From sign to knowledge: four lectures on how semiotic changes the world. - M.: RIPOL CLASSIC. 2018. 171 p.
7. Petrenko V.F. The basics of psychosemantics. 3rd ed. M.: Eksmo, 2010. 480 p.
8. Plato. Dialogs. M.: Eksmo, 2015. 766 p.
9. A complete encyclopedic reference book: replacing dozens of specialized reference books, updated data on all basic sciences, simplicity and ease of use. M.: Olma Media Group, 2008. 150 p.
10. Problems of the methodology of science and scientific creativity / Ed. V.A. Stoff and A.M. Mostepanenko. L.: Publishing house Leningra. University, 1977. 179 p.
11. Reznikov L.O. Concept and word. L.: Publishing house Leningra. University, 1958. 124 p.

Политика и религия в современном российском социуме: взаимобусловленность и взаимовлияние

Взаимосвязь политики и религии прослеживается исторически, однако, стоит отметить, что характеру этих взаимоотношений присуща изменчивость. Так, до XVII века религия выступала важнейшим фактором, определяющим структуру и организацию политической власти, регулируя вопросы войны и мира. Развитие централизованных государств, начиная с Западной Европы, а затем благодаря европейской колонизации и в остальных частях света, привело к снижению политической значимости религии, как во внутренней, так и во внешней политике¹.

Процессы снижения политической значимости религии не означают изоляцию политики и религии. Политика и религия продолжают пересекаться, однако связь является односторонней, ведущее место стало принадлежать политике, наряду с другими ключевыми сферами экономики, которая оказывает влияние на религию. В то время как религия используется в роли объекта различных манипуляций, в частности, инструментом для принятия государством решений внутри- или внешнеполитических задач. В случаях, когда религии все же удавалось сохранить влияние на политику, ее роль, по сути, сводилась к риторическим украшениям светских политических ритуалов, не подразумевая никакой существенной реальности.

Вопрос о влиянии религии на политику изучался многими социологами и экономистами. Одностороннее влияние политики на религию, неспособность воздействовать религии на ключевые сферы социума предстают нам очевидными и хорошо обоснованными фактами. Обратимся к тезису Макса Вебера о том, как влияет протестантская этика на дух капитализма: «Грандиозный космос» «современного хозяйственного устройства, связанного с техническими и экономическими предпосыл-

¹ История международных отношений и внешней политики России (1648-2000). Учебник для вузов. / Под ред. А.С. Протопопова – М.: Аспект Пресс, 2001. 344 с.

ками механического машинного производства», отбросил свои христианские подпорки и превратился в «железную клетку», которая «в наше время подвергает неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль, причем, не только тех людей, которые непосредственно связаны с ним своей деятельностью, а вообще всех ввергнутых в этот механизм с момента рождения»².

В своей работе М. Вебер излагает прокладывание реформацией пути к рациональной промышленной капиталистической системе, которая становится определяющей силой современного устройства мира. В тоже время, свое исследование он заканчивает невеселыми размышлениями о капиталистической системе, которая отныне покоится на «механической основе» и уже не нуждается ни в каких идеалистических подпорках – ни со стороны протестантизма с его мирским аскетизмом, ни со стороны какой-либо другой религиозной традиции.

Положения веберовской рефлексии прочно закрепились в воображении ученых и стали неотъемлемой составляющей теории секуляризации, которая преобладала в социологии религии на протяжении практически всего XX века. Точнее всего выводы М. Вебера обобщены американским социологом религии Питером Бергером, провозгласившим тезис о христианстве, которое стало «своим собственным могильщиком»: оно взрастило монстра, влиять на которого отныне не в силах и который медленно подрывает социальные корни, как самого христианства, так и любой другой религии. Религия – зависимая переменная, «надстройка», если воспользоваться марксистской терминологией, – которая испытывает постоянное влияние – или лучше сказать давление – «базиса», то есть экономики, но также и политики, рихтующей религию в зависимости от текущей конъюнктуры³.

Однако, аспекты подобной догмы были существенно поколеблены в конце 1970-х годов вслед за произошедшими несколькими событиями, заставившими поставить вопрос о переосмыслении соотношения политики и религии в контексте влияния религии на политику. Первое знаковое событие связано с иранской революцией 1979 года, приведшей к власти силы, которые взяли курс на создание Исламской республики. Благодаря событиям в Иране было доказано, что политическая духовность выступает серьезным фактором, который невозможно не принимать во внимание. Настроения подобного рода были обобщены французским философом

2 Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ). / М. Вебер. / Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. С. 78-308.

3 Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. 216 с.

фом Мишелем Фуко, внимательно следившим за иранскими событиями, акцент ставился на то, что модернизация западного типа необратима и любое модернизирующееся общество будет со временем напоминать европейские прототипы – в том числе и в отношении секуляризации, то есть снижения социальной значимости религии: «Происходящая на наших глазах агония иранского режима – это последний этап процесса, начавшегося почти шестьдесят лет назад: модернизация исламских стран по европейскому образцу». Далее он пояснял: ислам, который «является не только религией, но и образом жизни, частью истории и цивилизации, рискует стать для огромного числа людей гигантской пороховой бочкой. Начиная со вчерашнего дня в любом мусульманском государстве можно ждать революции, основанной на вековых традициях»⁴.

Вторым знаковым событием, перевернувшим представления о взаимной связи политики и религии, стало становление и расцвет движения «новых христианских правых» в США, превратившись во второй половине 1970-х годов во влиятельную общественную и политическую силу. Движение «Новые христианские правые» были продолжением американских «культурных войн», столкнувших социальных прогрессистов и консерваторов в отношении вопросов традиционной семьи, применения аборт, получения религиозного образования, развития нравственности в искусстве и средствах массовой информации и т.д. Таким образом, обеспокоенные моральным упадком американского общества консервативные христиане (прежде всего – протестанты) пошли в политику, используя лозунг возрождения «духовно-нравственных ценностей» Америки, которая, по их мнению, покоится на фундаменте иудео-христианской культуры. Объединение под своими знаменами миллионов американцев позволило новым христианским правым быстро превратиться в хорошо организованную электоральную силу, приведя Рональда Рейгана и Республиканскую партию к победе на президентских выборах 1980 года.

Следовательно, рассмотренные события, играющие важную роль для взаимоотношений политики и религии, несли с собой не финальную агонию для религиозных традиций, которые пытались в последний раз донести миру о былом своем могуществе, а свидетельствовали о начале новой эпохи, когда религия снова превращается в определяющую силу принятия ключевых решений. С распадом Советского Союза про-

⁴ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / М. Фуко; Составление, пер. с франц., комментариев и послесловие С. Табачниковой.; общ. ред. А. Пузыря. – М.: Касталь, 1996. 448 с.

исходит «религиозное возрождение» как на территории постсоветского пространства, так и в Восточной Европе, выступая в качестве символа глубокого падения секулярных идеологий и став крахом самой идеи о построении атеистического строя, основывающегося на вытеснении религии из жизни человека.

Тенденции, обозначившиеся в конце 1970-х годов в настоящее время не просто не потеряли силу, но, наоборот, показали дальнейшее углубление. Фактор политического ислама, ранее определяющий жизнь отдельных «мусульманских государств», трансформировался в транснациональное движение, которое затронуло не только территорию всего Ближнего Востока, но и распространилось даже на регионы, в которых ислам никогда не имел особого значения, – в частности, пришел в современную Западную Европу. Движение американских христианских правых остается очень влиятельной силой, которая связана с Республиканской партией и часто упоминается в связи с президентством Джорджа Буша-младшего, а теперь и Дональда Трампа, расширив свои масштабы до глобального транснационального пространства и став фундаментом альянсов правых религиозных сил во всем мире.

По нашему мнению, политизация религии не заключается только в обозначенных выше контекстах. Подобные процессы коснулись практически всех значимых религиозных традиций мира – индуизм (например, индуистский национализм), буддизм (в частности, конфронтация с Китаем по поводу Тибета), иудаизм (определение роли раввина в израильской политике) и т.д. Таким образом, религиозный фактор все отчетливее превращается из элемента «надстройки» в одну из основных составляющих структуры современного общества.

Принятию религии как полновесного фактора, влияющего на политические процессы, происходящие в обществе, мешает наличие «секулярной предвзятости» интеллектуалов, призванных осмысливать ключевые трансформации современного социума. Термин «секулярная предвзятость» в нашем понимании определяет не отсутствие личной религиозной практики, а отказ воспринимать религию со всей серьезностью. Здесь речь идет о засевшем глубоко убеждении, что религия и религиозность, в лучшем случае, является «надстройкой» над более серьезными элементами общественно-экономической основы, которая впечатляет суеверное старшее поколение, но не способна стать силой, оказывающей влияние на такую «серьезную» сферу жизни общества, как политика.

Рассуждая о возрастающем влиянии религиозного фактора на политику, необходимо затронуть вопрос, каковы же причины происходящих процессов. Сейчас, в период трансформации и политических изменений российского общества, наблюдается кризис секулярных политических идеологий и снижение веры в то, что использование секулярных политических проектов способно предложить убедительные решения вопросов, стоящих перед современными социумами. Отказ от религии сегодня не принимается в роли значимого конкурентного преимущества, провозглашая которое можно обойти конкурентов, борясь за экономическое благополучие или разрабатывая методы более эффективной работы общественных структур.

Как нам кажется, новейшая история российского общества прекрасно контактирует с такой логикой: путь социалистического общества привел к провалу, но также попытка перехода к демократическому транзиту и создание либерального демократического общества не ознаменовались успехом. В результате российское общество вспомнило о своих вековых устоях и «традиционных ценностях», прекрасно отражая всеобщую растерянность и непонимание о вариантах развития, учитывая, что наиболее очевидные из них уже были применены.

Необходимо отметить и влияние моральных стимулов политики и религии на поведение людей. Православные традиции не избежали всеобщего вовлечения в политические процессы – стоит отметить крушение коммунистических режимов и последующие социальный и политический транзит. Специфический характер политизации православия обусловлен историческими особенностями данной традиции, заключающимися в стремлении полагаться на имеющую могущество светскую власть; отсутствии политической теологии и социальной этики; склонности к консервативной позиции и неприятие политических инноваций; сакрализация нации и этноса. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что динамику политизации православия определяют не столько внутренние особенности данной традиции, сколько исторические обстоятельства конкретного государства в определенный период времени.

Как видим, чрезвычайную важность в современном социуме приобретают вопросы, направленные на изучение средств воздействия религии на политику и наоборот.

Процесс политизации религии характеризуется логикой напряжения, которое появляется на фоне глобализации и поддержания принципов

национального суверенитета. Благодаря стиранию границ и развитию коммуникаций происходит миграция религиозных идей и движений. В результате ощущается перекраивание религиозного ландшафта, способствуя появлению транснациональных религий, использующих каналы глобального мира для распространения своих идей и эффективного поиска единомышленников.

В процессе либерализации религиозного законодательства и благодаря присутствию транснациональных веяний, происходит детерриториализация и деконфессионализация, выражающиеся в ослаблении связи между территорией и конфессиональной принадлежностью. Так, быть русским уже не ассоциируется с непременно православным вероисповеданием, сегодня происходит преобладание принципа религиозной свободы и приветствуется индивидуальный выбор, который можно сделать в пользу буддизма или протестантизма.

Такое положение способствует возникновению проблемы традиционных и нетрадиционных для конкретной территории идей и движений религиозной направленности. Так, конфессии, которые считают определенную территорию своей, рассматривают транснациональные влияния в роли угрозы для выживания и утрату привилегированного статуса. Все это приводит к росту запросов на ужесточение законодательства в религиозном плане и попыткам укрепить свои границы, препятствуя проникновению нетрадиционных духовных направлений.

Религиозные организации традиционной направленности пытаются активно защитить свои канонические масштабы и духовный суверенитет. Но осуществить это возможно лишь обратившись за поддержкой к светской власти. В свою очередь, государство начинает испытывать беспокойство из-за глобализационных процессов, подрывающих государственный суверенитет. Помимо этого, рост социальной значимости религии выводит контроль над религией в одно из ключевых направлений государственной политики, то есть к секьюритизации религии и поддержанию национальной безопасности. Результатом становится содействие государства традиционным религиозным движениям и ужесточение законодательного регулирования для нетрадиционных организаций религиозного направления наряду с ограничением воздействия внешних религиозных течений. В сущности, можно наблюдать частичную ретерриториализацию и реконфессионализацию сферы религиозных отношений. В обмен государству со стороны патронируемых религиозных сил оказывается поддержка с использованием имеющегося у них символи-

ческого капитала с целью сакрализации существующей власти. Взаимосвязь ретерриториализации и секьюритизации религии приводит к хорошо знакомой реальности борьбы за сохранение традиционных нравственных ценностей, духовной безопасности и поддержания культурного наследия, используя противостояние насаждению чуждых социальных ценностей, которые распространяются вкуче с насаждением нетрадиционных религий.

Процесс политизации религии не обошел и Западную Европу, не поддерживающую секуляризацию. Парадокс процесса политизации религии на фоне преобладания равнодушия к вере и религии заключается в принятии только той религии, в которую веришь, отрицая ту, которую не исповедуешь. Получается, человек, не исповедующий ислам, не то же самое, что человек, не верящий в христианство.

Список литературы:

1. История международных отношений и внешней политики России (1648-2000). Учебник для вузов. / Под ред. А.С. Протопопова – М.: Аспект Пресс, 2001. 344 с.
2. Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ). / М. Вебер. / Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. С. 78-308.
3. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. 216 с.
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / М. Фуко; Составление, пер. с франц., комментарий и послесловие С. Табачниковой.; общ. ред. А. Пузыря. – М.: Касталь, 1996. 448 с.
5. Фонд «Общественное мнение» // URL: https://fom-gk.ru/polls.html?pk_vid=0c08ada38f10970a15709039885849b0. (дата обращения: 12.10.2019).
6. Исследовательская служба «Среда» // URL: <http://sreda.org/#>. (дата обращения: 12.10.2019).
7. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия» // URL: <https://www.sedmitza.ru/text/8461499.html>. (дата обращения: 12.10.2019).

Bibliography

1. The history of international relations and foreign policy of Russia (1648-2000). Textbook for high schools. / Ed. A.S. Protopopova - Moscow: Aspect Press, 2001. 344 p.
2. Weber M. Sociology of Religion (Types of Religious Communities). / M. Weber. / Weber M. Favorites. The image of society / per. with him. - M.: Lawyer, 1994. P. 78-308.
3. Berger P. The Sacred Veil. Elements of the sociological theory of religion. - M.: New Literary Review, 2019. 216 p.
4. Foucault M. The will to truth: on the other side of knowledge, power and sexuality. Works of different years. / M. Foucault; Compilation, trans. with the French., commentary and afterword by S. Tabachnikova.; total ed. A. Bubbles. - M.: Castal, 1996. 448 p.
5. The Public Opinion Foundation // URL: https://fom-gk.ru/polls.html?pk_vid=0c08ada38f10970a15709039885849b0. (10.12.2019).
6. Research service "Environment" // URL: <http://sreda.org/#>. (10.12.2019).
7. Church and Scientific Center "Orthodox Encyclopedia" // URL: <https://www.sedmitza.ru/text/8461499.html>. (10.12.2019).

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дагестанский государственный университет

Потенциал музеев Уфы в формировании идентичностей посетителей

Введение.

Изначально слово музей обозначало «храм музыки». Александрийский мусейон изначально создавался как научно-исследовательский центр, школа и библиотека, был оборудован жилыми комнатами, помещениями для чтения, столовой, обставлен предметами искусства.¹ Со временем значение слова менялось. С XVIII века, оно включает в себя также здание, где располагаются экспонаты. С XIX века добавилась научно-исследовательская работа, проводимая в музеях. А с шестидесятых годов XX века началась педагогическая деятельность музеев (специальные проекты для детей, подростков и взрослых).² В современном обществе музеи не только вырабатывают интерес к прошлому, но и формируют ценностное отношение к культурному наследию, обладая выработанной системой критериев. Поэтому в начале XXI в. вновь встает отнюдь не новый вопрос о функциях или миссии регионального музея на современном этапе развития общества.³

Музейная экспозиция призвана расширить кругозор, научить чему-то (в частности, пробудить интерес к истории), придать смысл жизни, создать или утвердить идентичность, пробудить гражданские чувства, привить моральные ценности (например, осветить проблему добра и зла), выработать эстетический вкус, а также развить фантазию.⁴ В пространстве музея происходит формирование идентичности. Идентичность как результат становления чувства самоуважения и самобытности

1 Александрийский мусейон. Википедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Александрийский_мусейон (дата обращения: 17.09.2019)

2 КАРТАСЛОВ.РУ — Карта слов и выражений русского языка // URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/музей> (дата обращения: 17.09.2019)

3 Никонова А.А. Роль музея в формировании культурной идентичности. Вопросы музеологии. 2010. № 2. 121 с. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-muzeya-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti> (дата обращения: 17.09.2019)

4 В.А. Шнирельман Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход. Этнографическое обозрение 2010. № 4. С. 8-9

поддерживается через связь с прошлым, но важна в этом случае не сама констатация связи, а осознание и осмысление, и одновременно включенность во множество смыслов прошлого через умение и понимание образно-чувственного мира музейного пространства.⁵

Музейная экспозиция и мероприятия могут ориентировать на разные идентичности. В соответствии с государственной национальной политикой во многих музеях по всему миру этнические группы презентуются в контексте единой общенациональной общности. В Национальном музее Мадрида традиционная крестьянская культура показана как «испанская» без каких-либо более дробных членений, связанных с региональными особенностями. Музей Нигерии, открытый в Лагосе в 1957 г., призван был выковать общенигерийскую национальную идентичность. Поэтому на этикетках давались не племенные названия, а только названия городов и поселков, откуда происходили музейные экспонаты. Помимо выделения общенациональной возможна акцентация региональной или этнической идентичности. В СССР (и в последствии в России) этот уклон зависел от региона: республиканские музеи сознательно выковывают этническую идентичность, а региональные (в областях и краях) делают акцент на региональной идентичности, не связанной с этничностью. Этничность подчеркивалась в региональных музеях только у нерусских групп, которые либо являлись коренными жителями края, либо переселились туда в какую-то историческую эпоху.⁶

Вопросом, на который мы попытались найти ответ, является возможность музея влиять на формирование идентичностей посетителей в многонациональной республике Башкортостан (в том числе общенациональной, региональной и этнической). Формирование идентичности - это не быстрый процесс, который происходит в ходе социализации, в которую вовлечены родители, друзья, СМИ, институты образования и культуры и т.д. Не стоит как преувеличивать роль музея в формировании идентичности, так и принижать её. Интересная экспозиция, выставка, рассказчик на мероприятии может всколыхнуть струны души ребёнка, подростка или даже взрослого, ранее не задумывавшегося над какими-то вопросами, либо смотревшего на проблему под другим углом зрения. Кроме того, на усвоение, например, государственно-гражданской идентичности влияет регулярность мероприятий. Одно дело, если

5 Никонова А.А. Роль музея в формировании культурной идентичности. Вопросы музеологии. 2010. № 2. 122 с. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-muzeya-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti> (дата обращения: 17.09.2019)

6 В.А. Шнирельман Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход. Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8-9

человек один раз услышал в музее несколько слов о России, единой российской нации, патриотизме, другое, если подобные мероприятия проходят на постоянной основе и дублируются в школе, техникуме или ВУЗе. Также необходимо принимать в расчёт, что знания, усвоенные в музее, могут входить в противоречие с уже усвоенным опытом человека, взглядами его семьи или друзей. Семья может ставить на первое место религиозную принадлежность («ты в первую очередь мусульманин»), этническую принадлежность («ты в первую очередь татарин») и тогда принятие гражданских ценностей и идентичности может наталкиваться на объяснимые препятствия. Таким образом, за одну встречу в музее проблематично сформировать позитивную идентичность, и тем более воспитать в человеке деятельностный патриотизм, но повторение, когда оно ложится на благодатную почву, может принести плоды.

Выбор спикеров также может оказывать влияние на взгляды посетителей мероприятий и в последствии на выраженность и тип формируемой идентичности. Однако и на мероприятии нейтральной направленности (например, на экологическом форуме) выступающий в силу характеристик своей личности и жизненного опыта может больше внимания уделить одному из типов идентичности: российской – с любовью рассказывая о природе России, региональной (башкортостанской) – акцентируя внимание на местных особенностях, или же этнической (башкирской, татарской, русской и др). Таким образом, важную роль играет позиция выступающего, его способность донести информацию до слушателей.

Методика.

В качестве основных источников информации для анализа нами изучались сайт Национального музея республики Башкортостан (<https://museumrb.ru/>), картинной галереи им. Нестерова (<http://museum-nesterov.ru>), музея Аксакова (<http://aksakovufa.ru/>) и музея Худайбердина (<https://vk.com/shagitkhudaiberdin>). Проводился контент-анализ сайтов за период с марта 2018 г. по март 2019 гг. Также использовались данные, собранные в ходе экспертных интервью с сотрудниками музеев (4 шт.) и круглого стола, проведённого сотрудниками Центра исследования межнациональных отношений ФНИСЦ РАН в Башкортостане⁷.

В процессе контент-анализа сайтов музеев мы выделяли основные виды идентичностей, которые могли формироваться на мероприятиях:

⁷ Сразу стоит оговорить, что Музей Башкортостана является музейным комплексом, состоящим из 9 филиалов. Нами исследовался центральный филиал в сравнении с другими филиалами музея и галереи им. Нестерова.

1. российская (гражданственность, патриотизм, российская идентичность, единство народов России и т.д.);
2. региональная (история, культура и традиции, сложившихся в регионе, природа, экономический ресурс и местные жители);
3. городская (любовь к городу, героика, памятные места, улицы, площади и т.д.);
4. этническая (русская, башкирская, татарская и т.д., национальные чувства и культура народов);
5. религиозная (вопросы религии (православия, ислама, других), на встрече присутствовали священнослужители).

В случае, если хотя бы одна из тем присутствовала, мероприятие заносилось в список, потенциально формирующих один или несколько типов идентичности.

Перед посещением музеев и проведением контент-анализа мероприятий сайтов нами были сформулированы гипотезы, которые мы проверяли:

- 1) в музеях Башкортостана и Худайбердина будет превалировать башкортостанская и башкирская идентичности,
- 2) в музеях Аксакова и картинной галерее Нестерова будет превалировать русская идентичность.

Основные результаты.

Музей Башкортостана был создан в 1864 году. На данный момент Национальный музей включает 9 филиалов: дом-музей Ш. А. Худайбердина (г. Уфа), Мемориальный дом-музей С. Т. Аксакова (г. Уфа), Абзелиловский историко-краеведческий музей, Дюргюлинский историко-краеведческий музей, Темясовский историко-краеведческий музей, Туймазинский историко-краеведческий музей, Музей Салавата Юлаева, Музей Ахмет-Заки Валиди и Музей семьи Аксаковых.

Национальный музей Республики Башкортостан работает не только как музей, но и как методический центр музейного дела республики, предоставляет консультации работникам государственных и муниципальных музеев по различным профессиональным вопросам, таким как улучшение хранения и представления экспозиции, переподготовка, повышение квалификации и пр. В качестве научно-исследовательского образования музей активно сотрудничает не только с российскими исследователями, но и с учёными из других стран, что может работать на повышение узнаваемости Башкортостана и интереса к нему в стране и в мире.

Музей Башкортостана по своей специфике является краеведческим. Это означает, что основной упор идёт на ознакомление с Башкортоста-

ном, а также с его ролью в истории СССР и России. В музее представлена как государственная (национальная) символика, так и региональная. Информация подаётся на русском и башкирском языках. Этнографическая коллекция музея располагается сразу в шести залах, рассказывает об особенностях материальной и духовной культуры народов Башкортостана. Большинство экспонатов характеризуют быт и культуру населения. Здесь можно увидеть украшения, особенности убранства дома, наборы для охоты, увидеть национальные костюмы и платья. Несмотря на преобладание башкирских элементов в экспозиции, также представлены и другие народы: чуваша, татары, марийцы и удмурты.

Отдельно стоит отметить качественное оформление сайта музея и простоту его использования. Помимо регулярно обновляемой новостной ленты и общей информации для посетителей обширно представлены данные о научно-исследовательской работе музея, мероприятиях (концертах, конкурсах и пр.), проводимых как в стенах музея, так и при его поддержке в других учреждениях. Исторические справки, выложенные на сайте, рассказывают не только об истории музея, но и об истории Уфы. Также есть раздел, посвященный памятным датам и известным личностям России и республики Башкортостан. Представляется, что сайт также играет важную роль в привлечении посетителей и формировании национальной и региональной идентичностей, используя современные технологии и историю.

В целом заметно активное участие музея в культурной жизни Башкортостана. Всего за год музеем было организовано 64 мероприятия⁸. Из них 45 (70%) были ориентированы на развитие идентичности у посетителей, 19 (30%) были нейтральными (см. табл. 1).

2019 год богат на юбилейные памятные даты: «100 лет образования республики Башкортостан», «30 лет со дня вывода советских войск из Афганистана», «75 лет снятия блокады Ленинграда». Именно этим событиям сейчас уделяется основное внимание в музейных экспозициях как самого Национального музея, так и его филиалов. Такие мероприятия призваны не только рассказывать посетителям об истории, но и формировать общую национальную и региональную идентичность, чувство патриотизма и сопричастности к судьбе малой и большой родины. Эти памятные даты определяют фокус деятельности музея в изучаемый период времени, что с одной стороны не противоречит основному направлению работы краеведческого музея; с другой стороны, это может в некоторой степени исказить результаты анализа.

8 В данном анализе специально не учитывались мероприятия филиалов музея.

Таблица 1. Результаты контент-анализа сайтов мероприятий музеев Уфы за год.

Тип идентичности	Музей Башкортостана (центральный филиал)	Музей Худайбердина	Музей Аксакова	Музей Нестерова
1. гражданская идентичность (гражданственность, патриотизм, «российскость», символы России и т.д)	9	2	7	30
2. региональная идентичность (культура и традиции, сложившиеся в Башкортостане, природа и люди, обитающих на территории региона)	19	3	4	31
3. городская идентичность (о любви к городу, его памятных местах, улицах, площадях и т.д)	4	0	11	40
4. этническая идентичность (русская, башкирская, татарская, хантыйская/мансийская, другие, национальные чувства и культура народов)	15 (башкирская)	1 (башкирская)	9 (русская)	10 (разные)
5. религиозная идентичность (православная, мусульманская и другие; на встрече выступали священнослужители)	0	0	4	5
6. советская идентичность (ВОВ, Октябрьская революция, выставки советского быта и т.д.)	11	0	1	1
7. нейтральные мероприятия	19	16	21	49

Многие мероприятия, проводимые музеем, одновременно влияют на формирование у посетителей как региональной, так и этнической идентичности. Учитывая очевидную неразрывную связь башкир и Башкортостана, мероприятия, направленные на формирование башкортостанской идентичности, наряду с историческим и природным аспектами так или иначе включают в себя и этнические элементы.

В феврале прошла фотовыставка «Мой край, возлюбленный навеки», приуроченная к празднованию 100-летия образования Республики Баш-

кортостан. На ней были представлены отобранные по решению жюри работы обучающихся и педагогов образовательных учреждений республики. Основной упор при отборе работ делался на уникальность Башкортостана. «В представленных композициях отражены: уникальность нашего края, достопримечательности города, связь поколений, природные объекты, флора и фауна региона и этнографические портреты, отражающие многонациональность Башкортостана».⁹

Этническая идентичность. В интервью заместитель директора музея отметил: *«Надо честно сказать, что (этническая культура) восстанавливается: на праздниках, культурных мероприятиях девушки выступают в национальных костюмах. В быту обычно не одевают. Музей представляет этнографию народов республики Башкортостан. У нас в республике проживают более 160 национальностей (больших и малых). Более крупными являются: русские, татары, башкиры, потом идёт чувашаи, марийцы, мордва. В одном из залов зале мы распределили три группы: тюркская (татары, башкиры, чувашаи), финно-угорская (удмурты, мордва, марийцы) и славянская группа (русские, белорусы, украинцы). Тюркские народы и в хозяйстве, и в культуре очень близки. В славянской группе мы представляем сословную Россию - в Уфе с 18-19 века, было много дворян, представляем купечество, рабочих - южный Урал с 18 века становится центром металлургической промышленности России, далее представлено крестьянство. У нас есть постоянная экспозиция, а также проходят временные выставки, например, сейчас проходит выставка, посвящённая Японии, была выставка о кружевах (всероссийская выставка - вологодские кружева, например), тут у нас самовары - с границы (Франция), есть российские. Какой-то одной направленности нет. То, что мы выставаем сложилось у нас веками».*¹⁰ То есть в экспозиции работники музея стремятся представить все этнические группы, проживающие в республике. Тем не менее в мероприятиях наравне с башкортостанской, особый акцент сделан на башкирской культуре.

Для формирования башкирской идентичности, работниками музея на регулярной основе проводится мероприятие «Бабушкин сундучок» с воспитанниками дошкольных образовательных учреждений. Оно проходит в формате мастер-классов с демонстрацией предметов быта, музыкальных инструментов, национальных костюмов башкир.¹¹ Ярким

9 В Национальном музее Республики Башкортостан открылась фотовыставка «Мой край, возлюбленный навеки» // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/3045/> (дата обращения: 16.03.2019).

10 Заместитель директора музея РБ.

11 В Национальном музее РБ прошли занятия «Бабушкин сундучок» с воспитанниками дошкольных образовательных учреждений // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/2954/> (дата обращения: 16.03.2019).

событием марта стали культурно-образовательные мероприятия серии «Халкым моңо» – «Мелодия народа», во время которых посетители могли услышать старинные народные мелодии, исполненные на национальных башкирских музыкальных инструментах домра (думбыра), а также познакомиться со знаменитыми кураистами, поучаствовать в мастер-классе по изготовлению башкирского национального музыкального инструмента курай из уральского реброплодника. Мероприятия, которые могли бы формировать в посетителях другие этнические идентичности (русскую, татарскую и пр.) при анализе обнаружены не были.

Советская идентичность прослеживалась в мероприятиях, посвящённых 75-летию снятия блокады Ленинграда, которые проводились в начале февраля. Специально к этой дате была организована выставка с показом предметов, посвящённых блокаде Ленинграда. При этом неизменно присутствовала отсылка к башкортостанской идентичности. Так, вторая часть выставки прошла в постоянной экспозиции музея «Башкортостан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». «Здесь были отмечены прямые связи между Башкортостаном и осаждённым Ленинградом. <...> Также было проведено сравнение между снабжением и распределением продовольствия в Башкирии и Ленинграде на примерах оригинальных продовольственных карточек и специально приготовленного муляжа блокадного пайка.»¹²

Другим примером неразрывности национального и регионально-го может стать экспозиция «Революция 1917 года. Гражданская война и образование Башкирской Республики». Она затронула такие темы как Февральская революция, политическая активность между Февралем и Октябрем, установление власти Советов, события Гражданской войны, деятельность Уфимской директории, военные операции на Восточном фронте между двумя диктатурами. «Важное место в экспозиции занимает тема национального движения и создания Башкирской автономии, формирования Башкирского войска и деятельность Башкирского правительства в 1919–1920 годах, территориально-административные реформы.»¹³

Российская идентичность в мероприятиях музея неразрывно связана как с советской, так и с башкортостанской. Несмотря на то, что основное внимание уделяется построению регионального самосознания, оно, тем

¹² Мероприятие к 75-летию снятия блокады Ленинграда. // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/2961/> (дата обращения: 16.03.2019)

¹³ В рамках празднования 100-летия образования Республики Башкортостан 19 марта 2019 года в Национальном музее Республики Башкортостан состоялось открытие экспозиции «Революция 1917 года. Гражданская война и образование Башкирской Республики» // URL: <http://museumrb.ru/2019/03/4261/> (дата обращения: 16.03.2019).

не менее, не противоречит общенациональному. Практически во всех мероприятиях можно проследить то, как Башкортостан вписывается в историю России, какую роль республика играла и играет в стране. В музее и его филиалах проходит большое количество мероприятий, посвящённых 100-летию образования республики Башкортостан в составе РФ. По словам заместителя директора музея *«надо понимать, что республика Башкортостан не отдельно, она в составе России, поэтому, когда мы говорим о республике Башкортостан, мы подразумеваем Российскую Федерацию. Говорить об отдельной части абсолютно неправильно. Оренбургская область, Челябинская область – не Россия? Поэтому, когда мы представляем наш компонент, региональный, это и есть Россия. Пожалуйста, здесь индустриализация, строительство заводов, вся история СССР. Конечно, бывают отдельные тематики: берём отдельные общероссийские, а потом говорим, как происходило в Башкортостане. Новая экономическая политика затрагивает не только отдельный регион, Великая отечественная война – по всей России»*.¹⁴

Уфимской идентичности в мероприятиях музея уделялось значительно меньше внимания. Она прослеживалась в выставке фотографий А. Зираха с видами дореволюционной Уфы. Также в конце января прошла презентация книги «Архитекторы, инженеры и подрядчики Уфы конца XVIII – начала XX столетия» краеведа и исследователя истории Уфы В. Н. Буравцова.¹⁵ В экспозиции музея она отражается в собрании личных архивов известных деятелей науки и культуры.

При анализе мероприятий музея религиозная идентичность не была выявлена, однако на сайте можно найти записи, приуроченные к памятным датам, связанным с религиозными деятелями республики.¹⁶

Здание **музея имени Ш.А. Худайбердина** было воздвигнуто еще в 1890-е годы по распоряжению военного чиновника. В начале XX века дом купили купцы Султановы. Во время первой мировой общественный деятель и меценат М.Т. Султанова вела в доме врачебную практику. В 1923 году руководство Башкирии отдало дом в дар народному деятелю и одному из партийных работников Ш. Худайбердину. Сам он в нем прожил всего лишь год, а его супруга и дочка – вплоть до 1960 года. Еще в 1959 году вдова хотела передать его в качестве выставочного центра, посвященного памяти ее мужа. Однако сделать это удалось лишь в 1991-м. Официальное открытие состоялось в десятую годовщину провозглаше-

14 Заместитель директора музея РБ

15 В Национальном музее РБ состоялась встреча с известным краеведом и исследователем истории Уфы В.Н. Буравцовым // URL: <http://museumrb.ru/2019/01/2720/> (дата обращения: 16.03.2019).

16 Например: <http://museumrb.ru/2019/02/2944/> (дата обращения: 16.03.2019).

ния независимости Башкортостана.

Дом-музей Ш.А. Худайбердина интересен не только как памятник деревянного зодчества XIX века, но и как хранилище культурно-исторического наследия Уфы. В первую очередь благодаря деятельности Худайбердина – выдающегося политического деятеля и писателя, внесшего значительный вклад в становление республики Башкирии. Архитектурный облик музея вполне типичный для деревянных особняков XIX века. Он представляет собой двухэтажный большой дом с надстройкой посередине (мезонином). Изначально к нему примыкали конюшни, амбары и собственный сад. Внешний облик дома чудом сохранился со времен его постройки, включая оригинальные ажурные резные элементы, наличники, подзоры, причелины и другие части строения. Чего только стоит ажурный декор на главных воротах, ведущих во внутренний двор. Сегодня, когда архитектурная ткань города почти не сохранилась, старинное поместье сильно выделяется среди современной застройки. Будучи полностью вырванным из исторической среды, он остаётся одним из немногих оазисов русской дореволюционной архитектуры в Уфе. Является историко-архитектурным памятником.

По словам директора, большинство посетителей музея Худайбердина оказались в нём случайно. Сама фигура Хадайбердина не является известной для подрастающего поколения, герои которого сменились. 90% посетителей - это люди которые проходили мимо. *«Народ приходит, интересуется, «что в таком красивом доме находится».* Целенаправленно приходит 10% - в основном детсадовцы и школьники, для которых организуют экскурсии. В день музей посещает 10-15 человек. В месяц приходит около 600 – 900 человек. Когда мероприятия проводятся мероприятия собирается 30-50 человек. За этот квартал проведено 5-6 крупных мероприятий со студентами, с детьми, со школьниками.¹⁷

Музей поделен на несколько тематических залов. Один из них посвящен непосредственно Шагита Худайбердину, другой зал – участникам войны в Афганистане. Есть зал, посвященный дочери Худайбердина - Тамаре. К материалам экспозиции относятся: различные планы национального и государственного устройства республики; документы революционного совета; формирование Татаро-Башкирской Республики, Урало-Волжского аппарата и Башкирской Республики. На выставочной площади в 103,5 квадратных метра собрано около 900 экспозиционных материалов. Они охватывают практически все периоды существования правления Башкирии, начиная с истоков и заканчивая настоящим моментом. В до-

¹⁷ Интервью с директором музея Худайбердина.

кументах повествуется о значимости основных организаций Советского правительства, а также о том, какую значимую роль сыграли в становлении Башкирской АССР такие люди как Валидова, Манатова, Халикова и другие. В документах отражен процесс становления советской власти.

Тем не менее, в самом музее посетители прикасаются к истории башкирского народа, прикасаются к советскому периоду истории республики. По словам директора Худайбердин при должном внимании мог бы стать в том числе героем нашего времени: *«такие люди всегда должны вызывать восхищение потому что именно такие люди всегда лидерами были. Худайбердин был лидером башкирского революционного движения, поэтому не случайно его назначали на такие посты, потому что он был башкиром, и он мог на родном языке обратиться к башкирам, ведь русский язык не понимало большинство башкир. И он на доступном языке объяснял политику партии: что такое советская власть, как надо работать, к чему стремиться. К нему доверия было больше со стороны местных людей»*.¹⁸

Несмотря на то, что Худайбердин был башкиром, в музее нет преобладания башкирской идентичности. Хотя в официальной группе музея во Вконтакте есть посты только на башкирском языке и мероприятия с людьми в национальных башкирских костюмах.¹⁹ Это связано с тем, что Шагит Ахметович был интернационалистом-революционером, борющимся за утверждение советской власти. Его музей является отражением ранней советской эпохи, нашедшей отражение в оформлении залов, фотокарточках и документах. При этом музей не отказывается от своей роли в социализации молодёжи.

Из 21 мероприятия, большинство с точки зрения формирования идентичности относятся к нейтральным. Это такие мероприятия как, экскурсия для дома престарелых, презентации книг, семейные дни, мастер-классы по составлению родословных, выставка бабочек и др. Однако на этих мероприятиях ставится цель – *«показать, что у людей должен быть интерес, глаза должны гореть, претворять что-то в жизнь. Пушкин говорил «пока ты молод... давай отчизне посвятим души прекрасные порывы»*. Нужно показывать детям, подрастающему поколению, что такие люди жили, что они достойны. Они должны быть похожи - не просто так жизнь прожить, а у каждого человека должна быть цель. Пример Худайбердина показывал, что человек из простой семьи, который в 11 лет остался сиротой, сумел сам себя сделать, получить образование, в годы войны

18 Интервью с директором музея Худайбердина.

19 „Өләсәйем һандығы,, (Остабикәләр төркөмө) // URL: https://vk.com/wall-129710645_447 (дата обращения: 16.03.2019).

не потерялся, выдвинулся, получил командира дивизии. Он из тех людей, которые своим упорством и трудолюбием сумели достичь многого».²⁰

Музей также проводит мероприятия, направленные на формирование государственно-гражданской идентичности, к которым следует отнести, например, урок мужества, приуроченный к 30-й годовщине вывода Ограниченного контингента советских войск из Афганистана²¹ и урок в честь Дня Российской конституции. В последнем принимали участие обучающиеся МБОУ Школа № 95 городского округа город Уфа. В дружественной атмосфере прошла беседа о государственных символиках. Детям больше всего понравилось изучение герба. Сотрудники музея призвали учеников всегда интересоваться тем, что происходит в нашей стране, не быть безучастными к ее истории.²² Кроме того, присутствуют мероприятия, формирующие региональную идентичность, в основном, сфокусированные на днях, посвященных чествованию деятелей культуры, которые жили и творили в Башкортостане.

Специального сотрудничества между музеем и религиозными учреждениями не налажено, но по словам директора *«если придут, мы всегда рады. Даже идея была устроить поминки Худайбердина. Он же ведь тоже человек - живая душа. Все будем в одном месте»*.²³

Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова – памятник архитектуры конца XVIII века. Внешний вид здания и интерьер сохранён в духе той эпохи. В каждой комнате музея наблюдается обилие антикварной мебели, картин и предметов декоративно-прикладного искусства, принадлежащих семье Аксаковых, либо относящихся к концу XVIII века. Периодические выставки могут содержать предметы, не связанные с музеем исторически, но имеющие общую тематику.

Мемориальный Дом-музей С.Т. Аксакова открыт в 1991 году к 200-летию со дня рождения С.Т. Аксакова в родовом имении писателя, являющемся памятником архитектуры середины XVIII века. Здесь с 1795 по 1797 проживала семья писателя. За годы существования Аксаковский музей постепенно завоевал негласное почетное звание одного из культурных центров города Уфы и Республики Башкортостан. Благодаря активности и постоянной работе аксаковского движения, в центре которого Мемориальный музей С.Т. Аксакова, и ежегодным Международным

20 Интервью с директором музея Худайбердина.

21 Урок Мужества «Живая память». Группа музея Худайбердина Вконтакте // URL: https://vk.com/wall-129710645_478

22 Воспитательный урок, посвященный Дню Российской Конституции. Группа музея Худайбердина Вконтакте // URL: https://vk.com/wall-129710645_422

23 Интервью с директором музея Худайбердина.

Аксаковским праздникам есть возможность постоянного сотрудничества с университетами, библиотеками, аксаковскими местами, в том числе с музеем-заповедником «Абрамцево». Кроме того, музей остается центром притяжения для краеведов и коллекционеров, историков города, во-первых, потому что музейные экспонаты воссоздают дворянскую атмосферу, а во-вторых, потому что постоянно проходят выставки, связанные с историей города, республики, страны

Напротив музея расположился живописный сад им. Салавата Юлаева с беседками, мостами, а главное - открывающийся вид на реку Белую. К музею ведет спокойная аллея, прозванная Софьюшкиной - в честь Софьи Александровны Аксаковой. В нескольких шагах от музея располагается сад им. С.Т. Аксакова с прудом, в котором плавают лебеди. Часть города, в которой находится музей, является парковой. В саду им. С.Т. Аксакова для самых маленьких - кукольный театр «Аленький цветочек».²⁴

Посетители музея разнообразны. По словам экскурсовода *«очень много студентов. Иногородних очень много посещают нас. Иностранцев много приезжает, в основном из наших бывших социалистических стран. Но в основном русские. Всем в музее очень нравится. До 1991 года здесь была библиотека, до библиотеки был кожный диспансер. Много организаций и хозяев разных было. В 1919 году хотели снести. Краеведы Гудковы сохранили. Они долго боролись за этот дом. Наши сотрудники – фанаты своего дела, очень много внимания уделяют: ведут кружки всевозможные, преподают этикет, детский сад, много школьников, балы устраивают».*

Темы мероприятий в Музее С.Т. Аксакова достаточно разнообразны: *«не только по Аксакову, по другим поэтам и писателям. И краеведы у нас любят собираться в нашей гостиной. С религией у нас тоже много связано. Есть церковь. Из неё часто приходит библиотекарь, выставки делает. Из церкви приходят, вот на этом пианино божественные песни поют. Настоятель приходит. С Рождества Богородицы Никоном у нас большая дружба. Он ходит к нам, общается».*²⁵

Музей Аксакова формирует свои постоянные экспозиции в рамках культуры русского дворянства конца XVIII – XIX века, что оказывает внимание на тематику мероприятий. Сравнение количества нейтральных мероприятий и мероприятий, направленных на формирование идентичности, показало, что большую часть составляют последние. Анализ показал, что мероприятий, связанных с формированием городской

24 Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова // URL: <http://www.museum.ru/M1827> (дата обращения: 16.03.2019)

25 Интервью со смотрителем музея Аксакова.

идентичности, было больше всего (11). В значительной мере это связано с идеей создания музея как памятника семье Зубовых-Аксаковых, неразрывно связанной с Уфой и историей этого города. Среди «городских мероприятий» лишь одно было связано с историей семьи Аксаковых – выставка «О духа единственный меч – Свободное слово», посвященная 195-летию И.С. Аксакова.

Превалирование русской этнической культуры и православной религии ощущалось в общении с сотрудниками музея, спикерами на мероприятиях, другими посетителями. Музей - является островком традиционной русской культуры в Уфе. Ни в одном другом из посещённых во время командировки мест, это столь отчетливо не ощущалось. В связи с этим в значительной мере оказалась представлена в мероприятиях этническая идентичность. Музеем было организовано таких 9 мероприятий, и все они связаны с русской/ славянской культурой и обычаями. Многие мероприятия рассчитаны на детей: например, праздник встречи весны «Мартинички», «Каникулы по-аксаковски». Мы побывали на одном из мероприятий аксаковского музея, где говорилось о связи Аксакова с традиционной русской культурой и православной религией: *«Аксаков показывает пример, как можно в собственной стране в 19 веке, когда запрещали бороду, при Николае I запрещали в русский национальный костюм одеваться, жить в России по-русски, воспитывать своих детей. При этом посмотрите, какое знание языков, иностранной культуры, как они ездили по всему миру. Ведь что такое славянофильство? Это то, чего потом в 20 веке достигли японцы. Ведь японцы сохранили свою национальную традицию, как основу и взяли лучшее из материальных достижений культур других цивилизаций. Но основу свою японскую сохранили: общины, большой семьи. Вот это и был путь славянофильства – сохранить своё национальное и взять лучшее материальное из других культур. Вот по какому пути мы не пошли, нам не дали по нему пойти. Этот путь предлагала семья Аксаковых. Когда видели таких людей, за ними хотелось идти, потому что у них мощь генетическая была, а мы сейчас, к сожалению, ну что далеко ходить... Многие мужики на баб похожи, бабы на мужиков, у нас всё перемешано, не пойми, что. За 20 век ушло самое главное – семья, как основа, ячейка общества. У Нестерова посмотрите семья – 12 человек, сам Нестеров – десятый. Вот это семьи!»*²⁶ Реакция посетителей на лекцию была исключительно положительной, все тезисы были поддержаны собравшимися. Люди живо интересовались, каким образом организовать православную школу в Уфе, чтобы дети сызмаль-

²⁶ Лекция по православному образованию в доме-музее Аксакова.

ства изучали нормы морали, устои традиционной культуры и религии.

Малопредставленной оказалась советская идентичность. Было проведено одно мероприятие 9 мая, посвящённое Дню Победы. У музея, почти все экспонаты относятся к культуре русского дворянства XIX века, нет необходимости организовывать мероприятия, направленные на формирование советской идентичности. Также отсутствовали мероприятия, посвящённые башкирам и татарам, проживающим в республике.

Башкирский государственный художественный музей имени М.В. Нестерова – один из старейших музеев России: основан 5 ноября 1919 года. В 1954 году музеем присвоено имя его основателя – уроженца Уфы, заслуженного деятеля искусств РСФСР Михаила Васильевича Нестерова (1862–1942). Музей расположен в исторической части города, в особняке, который был построен в 1913 году по проекту самарского архитектора А.А. Щербачёва (1858–1912). До революции усадьба принадлежала купцу-лесопромышленнику М.А. Лаптеву (1845–1919). Основание музея связано с даром М.В. Нестерова 1913 года. Художник подарил родному городу коллекцию русской живописи и графики второй половины XIX – начала XX века: 102 произведения, среди которых – полотна и графические листы И.Е. Репина, И.И. Шишкина, Н.А. Ярошенко, В.Д. Поленова, В.Е. Маковского, И.И. Левитана, К.А. Коровина, А.Я. Головина, А.Н. Бенуа, Н.К. Рериха и других выдающихся мастеров.

Экспозиция классического искусства размещается в особняке, а выставки – в новом здании музея, построенном в 2014 году. На счету у музея более 12 тыс. экспонатов. Уникальна в собрании музея и коллекция футуриста Давида Давидовича Бурлюка (1882–1967): 37 произведений, датированные 1915–1918 годами. Коллекция древнерусского искусства включает в себя уникальные памятники Московской и Новгородской иконописных школ конца XV–XVII веков, так называемых северных писем XVI века, палехского письма конца XVIII века, церковной меднолитой пластики XII–XIX веков и церковного серебра XVIII–XIX веков. Русская живопись XVIII века представлена парадными портретами кисти Д.Г. Левицкого, В.Л. Боровиковского и И.-Б. Лампи, коллекция русского искусства первой половины – середины XIX века – пейзажами П.В. Басина, С.Ф. Щедрина, Л.Ф. Лагорио, П.П. Дюжина, И.К. Айвазовского, портретами О.А. Кипренского, В.А. Тропинина, рисунками К.П. Брюллова, акварелями А.О. Орловского, произведениями скульптуры и фарфора. В коллекции изобразительного и декоративно-прикладного искусства Башкортостана – уникальные образцы ткачества, вышивки, резьбы по дереву, ювелирного искусства и костюма башкир XVIII – начала XX века, живо-

пись, графика, скульптура, керамика, текстиль XX – начала XXI века.²⁷

Региональные власти оказывают поддержку молодым художникам и музыкантам. Об этом говорит число музыкальных выступлений и выставок художников, конкурсов на республиканском (Республиканский конкурс графики им. Э.М. Саитова) и городском уровне (Конкурс детского художественного творчества им. Ю. Насырова), музейных выставок, проведение форумов (Республиканский музейный форум).

Анализируя новости на сайте галереи за последний год, мы пришли к выводу, что 40 (или треть мероприятий) направлены на городскую идентичность, 31 (27%) направлены на республиканскую (башкортостанскую) идентичность, 30 мероприятий (26%) на гражданскую идентичность, 9 процентов направлены на этническую идентичность, 5 (3%) – на религиозную идентичность и лишь одно мероприятие было направлено на советскую идентичность.

Ряд мероприятий музея был направлен на несколько идентичностей. Довольно часто были связаны мероприятия, ориентированные одновременно на общероссийскую гражданскую идентичность и русскую культуру (например, выставки картин русских художников). Примером такого мероприятия может служить акция «День в музее для российских кадет», состоявшаяся 9 октября в музее. Кадеты прослушали лекцию «В.В. Верещагин: «1812». осветившую творчество В.В. Верещагина, был проведен исторический экскурс по ретроспективе работ художника, подвиг русского народа в войне 1812 года, описанный в картинах В.В. Верещагина.²⁸

Русская идентичность и её представление не является самоцелью музея. Если в музее Аксакова русская культура занимает центральное место (Аксаков – позиционируется как русский писатель), то в музее Нестерова этническая культура оказывается представлена либо совместно с российской, либо оказывается вписана в экспозицию в целом (как, например, в иконах или картине «Видение отроку Варфоломею»). Нестеров позиционируется как общероссийский художник, чьи картины достойны всех людей.

Основные выводы:

На современном этапе развития общества музей меняется. Это уже не просто хранилище исторических реликвий, а место досуга, обще-

²⁷ Башкирский государственный художественный музей имени М.В. Нестерова // URL: <http://museum-nesterov.ru/about/> (дата обращения: 19.09.2019)

²⁸ Всероссийская ежегодная акция «День в музее для российских кадет» // URL: <http://museum-nesterov.ru/news/vserossiyskaya-ezhegodnaya-aktsiya-den-v-muzee-dlya-rossiyskikh-kadet>

ственный институт, участвующий в социализации нового поколения. И от того, чему будут учить в стенах музеев (в рамках стратегии государственной национальной политики) также будет зависеть единство российского общества и состояние межнациональных отношений в разных регионах России. Особенно актуальным вопрос идентичности является для национальных республик, таких как Башкортостан. К сожалению, не во всех музеях состоялся переход к музейному делу новой формации, организованного как в лучших российских образцах (музей Ельцина в Екатеринбурге, музей Толерантности в Москве). Музеи Уфы чаще всего встречали исследовательскую группу запустением, а некоторые (как музей Худайбердина выключенным светом). Интерес к музеям не так высок, как этого можно было бы ожидать. Местные жители посмотрели музей один или несколько раз и считают, что этого достаточно. В результате основными посетителями являются иногородние, иностранцы, школьники и студенты (приходящие по принуждению). Музеи Башкортостана нуждаются в дальнейшем реформировании в сторону интерактивности, чтобы за счёт современных технологий обеспечивать взаимодействие посетителей с экспозицией без экскурсовода. Второе на что должен делаться акцент – это мероприятия, которые являются «душой музея». Судя по данным официальных сайтов музеев Уфы, в столице Башкортостана проходит много мероприятий, нацеленных на формирование определённых видов идентичностей. Перед началом исследования были выдвинуты гипотезы, что в музеях русских авторов (Аксакова и Нестерова) будет акцент на русскую идентичность, подчеркиваться их национальность. В Национальном музее Башкортостана и музее Худайбердина же предполагалось превалирование башкортостанская и башкирская идентичности. Наши гипотезы отчасти подтвердились, но лишь отчасти. Музей Аксакова действительно оказался островком традиционной русской культуры и православия, а мероприятия в музее Башкортостана действительно ориентированы на башкир (и посещаются башкирами), в то время как мероприятия для представителей других этносов проводятся реже. В то же время не подтвердилось, что в музее Нестерова представлена в основном русская идентичность – художник является фигурой общероссийского масштаба, а в музее Худайбердина отчасти имеется уклон в башкирскую культуру советского периода, но он не переходит в национализм. Помимо музея Аксакова, в других музеях религиозные идентичности оказались практически не представлены на мероприятиях.

Список литературы:

1. „Әләсәйм һандығы,, (Остабикаләр төркөмө) // URL: https://vk.com/wall-129710645_447 (дата обращения: 16.03.2019).
2. Александрийский музейон. Википедия // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Александрийский_музейон (дата обращения: 17.09.2019)
3. Башкирский государственный художественный музей имени М.В. Нестерова // URL: <http://museum-nesterov.ru/about/> (дата обращения: 19.09.2019)
4. В Национальном музее РБ прошли занятия «Бабушкин сундучок» с воспитанниками дошкольных образовательных учреждений // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/2954/> (дата обращения: 16.03.2019).
5. В Национальном музее РБ состоялась встреча с известным краеведом и исследователем истории Уфы В.Н. Буравцовым. // URL: <http://museumrb.ru/2019/01/2720/> (дата обращения: 16.03.2019).
6. В Национальном музее Республики Башкортостан открылась фотовыставка «Мой край, возлюбленный навеки» // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/3045/> (дата обращения: 16.03.2019).
7. В рамках празднования 100-летия образования Республики Башкортостан 19 марта 2019 года в Национальном музее Республики Башкортостан состоялось открытие экспозиции «Революция 1917 года. Гражданская война и образование Башкирской Республики» // URL: <http://museumrb.ru/2019/03/4261/> (дата обращения: 16.03.2019).
8. Воспитательный урок, посвященный Дню Российской Конституции. Группа музея Худайбердина Вконтакте // URL: https://vk.com/wall-129710645_422
9. Всероссийская ежегодная акция «День в музее для российских кадет» // URL: <http://museum-nesterov.ru/news/vserossiyskaya-ezhegodnaya-aktsiya-den-v-muzee-dlya-rossiyskikh-kadet>
10. КАРТАСЛОВ.РУ — Карта слов и выражений русского языка // URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/музей> (дата обращения: 17.09.2019)
11. Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова // URL: <http://www.museum.ru/M1827> (дата обращения: 16.03.2019)
12. Мероприятие к 75-летию снятия блокады Ленинграда // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/2961/> (дата обращения: 16.03.2019)
13. Никонова А.А. Роль музея в формировании культурной идентичности. Вопросы музеологии. 2010. № 2. 121 с. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-muzeya-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti> (дата обращения: 17.09.2019)
14. Никонова А.А. Роль музея в формировании культурной идентичности. Вопросы музеологии. 2010. № 2. 122 с. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-muzeya-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti> (дата обращения: 17.09.2019)
15. Урок Мужества «Живая память». Группа музея Худайбердина Вконтакте // URL: https://vk.com/wall-129710645_478
16. Шнирельман В.А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход. Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8-9.

Bibliography

1. „Әләсәйм анданығы,, (Ostabikalär törkömö) // URL: https://vk.com/wall-129710645_447 (accessed March 16, 2019).
2. The Alexandrian Museion. Wikipedia // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Alexandria_Museyon (09.17.2019)
3. Bashkir State Art Museum named after M.V. Nesterova // URL: <http://museum-nesterov.ru/about/> (09.19.2019)
4. At the National Museum of the Republic of Belarus, classes “Grandmother’s Chest” were held with pupils of preschool educational institutions. // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/2954/> (March 16, 2019).
5. In the National Museum of the Republic of Belarus, a meeting with the famous local historian and researcher of the history of Ufa V.N. Buravtsov. // URL: <http://museumrb.ru/2019/01/2720/> (16.03.2019).
6. In the National Museum of the Republic of Bashkortostan, a photo exhibition “My land, my beloved forever” was opened // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/3045/> (03.16.2019).
7. As part of the celebration of the 100th anniversary of the founding of the Republic of Bashkortostan on March 19, 2019, the exhibition “The Revolution of 1917. Civil war and the formation of the Bashkir Republic” // URL: <http://museumrb.ru/2019/03/4261/> (03.16.2019).
8. Educational lesson dedicated to the Day of the Russian Constitution. The group of the Khudayberdin Museum of VKontakte // URL: https://vk.com/wall-129710645_422
9. The All-Russian annual action “A Day at the Museum for Russian Cadets” // URL: <http://museum-nesterov.ru/news/vserossiyskaya-ezhegodnaya-aktsiya-den-v-muzee-dlya-rossiyskikh-kadet>
10. KARTASLOV.RU - Map of words and expressions of the Russian language // URL: <https://kartaslov.ru/value-words/museum> (09.17.2019)
11. Memorial house-museum of S.T. Aksakova // URL: <http://www.museum.ru/M1827> (03.16.2019)
12. Event for the 75th anniversary of the lifting of the siege of Leningrad // URL: <http://museumrb.ru/2019/02/2961/> (03.16.2019)
13. Nikonova A.A. The role of the museum in the formation of cultural identity. Questions of museology. 2010. № 2. 121 p. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-muzeya-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti> (September 17, 2019)
14. Nikonova A.A. The role of the museum in the formation of cultural identity. Questions of museology. 2010. № 2. 122 p. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rol-muzeya-v-formirovanii-kulturnoy-identichnosti> (September 17, 2019)
15. Courage lesson “Living memory”. The group of the Khudayberdin Museum of VKontakte // URL: https://vk.com/wall-129710645_478
16. Shnirelman V.A. Museum and construction of social memory: cultural approach. Ethnographic review. 2010. № 4. P. 8-9.

Узденова Б.Х.

*Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры информатики и информационных технологий,
Северо-Кавказская государственная академия.*

Семенова А.Н.

*Старший преподаватель кафедры информатики
и информационных технологий,
Северо-Кавказская государственная академия.*

Казиева М.Х.

Магистрант Северо-Кавказской государственной академии.

Роль информационных технологий в формировании информационного общества

Развитие информационных технологий проходило в несколько этапов. На первом этапе, вплоть до второй половины XIX века, существовали «ручные» информационные технологии (перо, чернила, бумага и книга). Связь осуществлялась вручную, с помощью почтовых писем, посылок, с целью предоставления информации в нужной форме. Для второго этапа, начиная с конца девятнадцатого века, характерно применение типичных «механических» технологий (пишущая машинка, телефон, магнитофон) и более эффективных средств доставки почты, с целью представления информации в нужной форме, но более удобными средствами. Для третьего этапа, 1940-1960-х годов, «электрической» технологии, было свойственно появление портативных магнитофонов, электрических пишущих машинок, копировальных аппаратов, больших компьютеров с соответствующим программным обеспечением и достижением цели в представлении информации и формировании ее содержания, с отличительным фактором в проявлении роли информационных технологий во всех сферах жизни человека. Четвертый этап, начиная с начала 1970-х годов, характеризовался развитием электронных технологий, основными инструментами которых являются компьютеры, затем персональные компьютеры с набором широкого спектра стандартных программных продуктов различного назначения и созданных на их основе автоматизированных систем управления и ин-

формационно-поисковой системы, которые были оснащены широким спектром базовых и специализированных программных комплексов, позволяющих формировать контентную сторону среды управления информацией в различных сферах общественной жизни, организовывать аналитическую работу [1, с. 75]. Кроме того, произошла автоматизация систем управления процессом персонализации, которая проявляется в создании систем, которые имеют встроенные функции, анализ и аналитику для разных уровней управления для поддержки принятия решений, определенными специалистами, реализуемые на персональном компьютере и использующими коммуникацию. Переход на микропроцессорную базу, существенно подверженную изменениям и техническому оснащению бытовых, культурных и других назначений, привел к использованию глобальных и локальных компьютерных сетей. Рассматривая информационное общество как цивилизацию, основой развития и существования которой является особая субстанция, условно называемая «информация», следует отметить, что она обладает свойством взаимодействия с духовным и материальным миром, и это свойство особенно важно для понимания сущности нового общества, в котором, с одной стороны, информация формирует материальную среду человеческой жизни, выступая в роли инновационных технологий и компьютерных программ, с другой стороны, она служит основным средством межличностных отношений, постоянно возникая, трансформируется и видоизменяется при переходе от одного человека к другому. При этом свойство информации может быть как конструктивным так и деструктивным, она одновременно определяет социокультурную жизнь человека, перспективы его развития или гибели.

Информационное общество характеризуется такими чертами, как: увеличение роли информации и знаний в жизни общества; повышение доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте; развитие глобального информационного пространства, которое обеспечивает эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах; ускорение научно-технического прогресса и превращение научных знаний в реальный фактор производства, повышение качества жизни и общества; участие значительной части трудоспособного населения в производственной деятельности, связанной с созданием и использованием информационных технологий, информации и знаний; существенное расширение возможностей граждан по поиску, по-

лучению, передаче, производству и распространению информации и знаний; глобализация экономической, политической и духовной сфер жизни общества [2, с. 120].

Информатизация общества представляет глобальный социальный процесс, с преобладающим видом деятельности в сфере общественного производства с обеспечением сбора, накопления, продуцирования, обработки, хранения, передачи и использования информации, осуществляемых на основе современных средств микропроцессорной, вычислительной техники и разнообразных средств информационного обмена. Информатизация общества обеспечивает: активное использование постоянно расширяющегося интеллектуального потенциала общества, сконцентрированного в печатном фонде, и научной, производственной и других видах деятельности его членов; интеграцию информационных технологий в научные и производственные виды деятельности, инициирующую развитие всех сфер общественного производства, интеллектуализацию трудовой деятельности; высокий уровень информационного обслуживания, доступность любого члена общества к источникам достоверной информации, визуализацию представляемой информации, существенность используемых данных. Применение открытых информационных систем, рассчитанных на использование всего массива информации, доступной в данный момент обществу в определенной его сфере, позволяет усовершенствовать механизмы управления общественным устройством, способствует гуманизации и демократизации общества, повышает уровень благосостояния его членов. Применение современных информационно-коммуникационных технологий обеспечивает информационный обмен, позволяет осуществлять оперативный контроль, анализ и оценку результатов проведенных работ.

Задача информационных технологий состоит не только в отборе и автоматизировании трудоемких, регулярно повторяющихся рутинных операций переработки большого количества данных, но и в получении принципиально новой информации. Исследуя процесс формирования рынка информационных продуктов и услуг в России, выделим его такие важнейшие элементы, как: техническая и технологическая составляющая, включающая современное информационное оборудование, мощные компьютеры, развитая компьютерная сеть и соответствующие им технологии переработки информации; нормативно-правовая составляющая, содержащая юридические документы: законы, указы, постановления, которые обеспечивают цивилизованные отношения на

информационном рынке; информационная составляющая, охватывающая справочно-навигационные средства и структуры, помогающие находить нужную информацию и организационная составляющая, охватывающая элементы государственного регулирования взаимодействия производителей и распространителей информационных продуктов и услуг. О владении информационной культурой – знаниями и умениями в области информационных и коммуникационных технологий, юридическими и этическими нормами в этой сфере пишет В.Ф. Баромыченко [3, с. 25].

Активное вхождение в жизнь общества новейших информационных технологий способствовало развитию средств массовой коммуникации, широкому распространению персональных компьютеров, построению информационных сетей, разработке технологий всемирных информационных сетей, технологий виртуальной реальности и другими технологическими инновациями, содействовало созданию качественно новой информационной среды социума, обеспечивающей развитие творческого потенциала индивида, формированию информационного общества.

Список литературы:

1. Михайлов Л.А. Основы национальной безопасности. - М.: Издательский центр «Академия», 2008. 176 с.
2. Кулябцева В.Н., Казиева М.Х., Узденова Б.Х., Чотчаева А.Н. Роль информационно-коммуникационных технологий в современных условиях развития гражданского общества. Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 11 (113). С.118-123.
3. Баромыченко В.Ф. Развитие информационных и коммуникационных технологий на современном этапе: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции: Наука, образование, общество. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. С. 24-25.

Bibliography

1. Mikhailov L.A. Fundamentals of National Security. - M.: Publishing Center "Academy", 2008. 176 p.
2. Kulyabtseva V.N., Kazieva M.Kh., Uzdenova B.Kh., Chotchaeva A.N. The role of information and communication technologies in modern conditions of development of civil society. Ethnic society and interethnic culture. 2017. № 11 (113). P.118-123.
3. Baromychenko V.F. The development of information and communication technologies at the present stage: a collection of scientific papers on the materials of the international scientific-practical conference: Science, education, society. Tambov: LLC "Consulting company Ucom", 2017. P. 24-25.

Hanco M.B.

*Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Северо-Кавказской государственной академии.*

Особенности реализации право индивида и право народа на самобытность в условиях глобализации

Множественные глобализационные угрозы (нивелирование и унификация культур, интересов, потребностей, масштабные миграции и активные процессы смещения населения, довлениe информационных технологий и т.п.) в первую очередь затрудняют процесс сохранения и воспроизведения этносов как отдельных социальных групп, являющихся носителями своеобразных культур. Растущая диаспоризация социальных процессов создает общества, состоящие из множества традиций, которые перестали быть привязанными к определенной территории и представлять собой единое целое – культура стала фрагментарной, представленной большим числом диаспор, оторванных от национального ядра и разбросанных по всему миру. А это снижает этнические возможности по, как это принято говорить, организации пространства и времени, их «склеиванию» посредством общей идентичности, солидарности и коллективной памяти. Всё это представляет реальную и наибольшую опасность в первую очередь для этнонациональной самобытности, которая имеет исключительную важность для этнического развития и самочувствия, для существования этнической общности как таковой.

Главная сложность заключается в соединении доминант модернизации и политико-правового, историко-культурного, нравственно-идеологического контекста модернизирующихся обществ. Истинно национальные (государственные) и этнонациональные интересы лежат не только в плоскости сохранения исконной духовно-культурной парадигмы общества, но и утверждения в новых условиях. Поэтому этнонациональные интересы в условиях глобализации имеют ярко выраженный противоречивый, антиномичный характер: с одной стороны, они призваны выполнять защитную функцию, с другой, - проектную, заключающуюся

в необходимости, готовности и способности адаптироваться к новым условиям и быстро, постоянно изменяющимся реалиям.

Этой новой реальностью является постмодерн. Глобализация, по мнению многих российских и западных философов и социологов, есть наступление эпохи постмодерна. Чтобы проиллюстрировать, насколько сложно вхождение и пребывание этнонационального в пространстве постмодерна, приведем его некоторые характеристики:

- «самым ценным качеством становится *гибкость*: все компоненты должны быть легкими и мобильными, так чтобы их можно было мгновенно перегруппировать...Прочность - это проклятие, как и постоянство в целом, теперь считающееся опасным признаком плохой приспособляемости к быстро и непредсказуемо меняющемуся миру...» (З. Бауман) [1, 562-563];

- «*турист*...центральная фигура постмодернистской эпохи. Он пересекает континенты, желая вкусить культурной экзотики, которая не более чем любопытна. Здесь не предполагается ангажированность теми смыслами и ценностями, которыми насыщена инокультурная среда. Напротив, чувство отстраненности от нее...» [2, 18];

- макдональдизация представляет собой новый тип рациональности: эффективность, предсказуемость, калькулируемость и контроль, но без непосредственного участия человеческого фактора, т.е. дегуманизация человеческих отношений (сведение контактов между людьми, общения до минимума), а значит, усиление отстраненности и уменьшение созидательности (Дж. Ритцер);

- играизация – новый стиль жизни, предполагающий «парадоксальное сочетание реального и виртуального», «посредством саморефлексии *успешные* игровые и эвристические практики социально конструируются, а затем включаются в хозяйственно-экономические, политические, культурные структуры»; играизация «не знает правил, напротив, она их постоянно корректирует, что предполагает изменение...сознания и, соответственно, постоянное создание новых алгоритмов поведения» (С.А. Кравченко) [3, 584-585];

- превращение потребительского общества в общество, потребляющее знаки, символы; нет таких символов, которые не стали бы товаром: символический обмен не обеспечивает неразрывную связь с прошлым, а разрушает ее, равно как и прежнюю систему социальных отношений, власть современных СМИ как раз-таки и основана на манипулировании кодами, в которых в концентрированном виде нашли выражение те или иные символы (Ж. Бодрийяр);

- постепенно - посредством серии последовательных отстранений символов от сущности реальности - символический обмен приводит к утверждению гиперреальности (сначала символ маскирует реальность, затем искажает ее, потом скрывает отсутствие сущности, затем и вообще перестает с ней соотноситься, переходя в состояние подобия или видимости) – так формируется мир симулякров, т.е. знаков и образов, оторванных по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, являющихся фальсифицированными «копиями копий», подделками, утратившими идентичность образа, и симуляций, т.е. знаков, образов символов, приобретших самостоятельную реальность (Ж. Бодрийяр) [3, 564-571].

В мире симулякров и симуляций, где массовое и масштабное распространение суррогатных продуктов заменяют собой реальные знаки и утверждают иллюзию реальности, труда, творчества, нравственности, политической деятельности и т.п., этнонациональные интересы, процесс их формирования и защиты оказываются в большой опасности превратиться в одну из форм их проявлений. И это грозит постепенным разрушением исконных духовно-культурных основ общества.

В условиях растущей взаимозависимости государств, сообществ, народов возможности одностороннего выбора форм, методов действий ограничиваются. И ограничиваются не только необходимостью взаимодействия, учета особенностей, прав, интересов других субъектов общественных отношений (особенно в отношении возможных последствий), морально-этическими нормами, но и установленными демократическими стандартами. А именно: «а) каждый человек должен обладать всеми основными правами и свободами; б) каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной; в) воля народа должна быть основой власти правительства. Эта воля находит выражение в регулярных демократических выборах; г) должно быть обеспечено верховенство права». Коренные интересы этнонационального развития перестали быть не только личным делом народов, этносов, но и внутренним делом государств и поставлены в зависимость, как видим, от соблюдения прав человека, признания приоритета принципов демократии и верховенства закона. Следовательно, не только государства, но и народы «суверенны в своих демократических правах и обязанностях в условиях демократического правопорядка» [4, 145].

И, наконец, удовлетворение этнонациональных интересов находится в зависимости от интересов международного сообщества и интересов

государства. Следует принять во внимание и тот факт, что сейчас интересы международного сообщества перешли из плоскости государствоцентризма в гомоцентризм, т.е. на первый план вышли функции международной защиты прав и свобод человека, что ведет к расширению сфер и интенсификации внешнего регулирования. Как в свое время заметила Г.В. Старовойтова, в истории политико-правовой мысли, начиная со времен Французской революции и до идей двадцать восьмого президента США Вудро Вильсона, коллективное право рассматривалось как второстепенное или даже третьестепенное в сравнении с правами индивида и государств [5, 191].

Именно предпочтение прав гражданина правам человека-представителя определенной национальности, на наш взгляд, есть то противоречие, которое лежит в основе противостояния национального глобализации. Такой подход действителен лишь на определенном этапе, но он создает лишь иллюзию гомогенного состояния общества: равенство в демократических правах и свободах не заменяет другого, данного от рождения, права – права национальной принадлежности. Но зависимость между развитостью первых и успешностью реализации второго вполне очевидна. Этнонациональное всегда требует своей ниши и стремится сохранить себя как *особое* единение, а не как простая совокупность граждан. Для этого вовсе не обязательны автономия, суверенитет, самостоятельность, территориальная прикреплённость и т.п. – зачастую это стремление заявить о себе и быть признанным как самобытное сообщество, имеющее право на ее сохранение (что особо актуально для малочисленных народов и национальных меньшинств). Показателен пример Канады в решении этой проблемы. Если раньше национальные меньшинства практически выбирали, с какой культурой – английской или французской – им интегрироваться, то сегодня правительство страны, отказавшись от навязывания того или иного выбора, пошло по пути поддержки культурного своеобразия самых разных этнокультурных меньшинств [6, 187].

Нужно отдать должное российским ученым, которые всегда отмечали явную односторонность как решения национальных проблем через провозглашение приоритета прав человека (западная модель) особенно для полиэтничных сообществ, так и опасность упрощения национального, его низведения до уровня культов, обрядности (так называемая редукция национального), равно как и его определенной элиминации (изъятия) из правотворчества. Многие убеждены, что защита этнонационального

есть особая роль государственного суверенитета.

Культурные различия определяют специфику жизненных потребностей, обусловленных историческими, географическими, политическими и иными особенностями, и степень их удовлетворения зависит от множества факторов, среди которых особую роль играют исконность происхождения, особость связи с территорией происхождения, численность этнической группы, проживание в государстве происхождения или за его пределами, компактное или дисперсное расселение, доминирующее или недоминирующее положение, уровень этнической солидарности, наличие или отсутствие причин, ухудшающих положение той или иной этнической общности. Уже стало традиционным признание особых коллективных прав за коренными народами и теми этническими общностями, которые находятся в численном меньшинстве, в недоминирующем положении за пределами государства происхождения, в худших - с точки зрения реализации прав и в особенности права на собственную самобытность условиях, - т.е. меньшинствами. Безусловность коллективного и индивидуального права на культурные различия международное право признает именно за такими этническими группами и их представителями.

При этом продвижение коллективных прав по пути их признания началось с признания значимости национальных чувств, понимания «вечности» стремления этнической общности к самосохранению и самоутверждению. И осознания того, что индивидуальное право человека идентифицировать себя с определенной общностью не может быть полностью реализовано без наличия аналогичного права у этнической общности: самобытность есть свойство этнической группы, защита самобытности предполагает защиту этнической группы как таковой, а не каждого ее представителя отдельно взятого. Нельзя не согласиться с выводом В.В.Кочаряна о том, что «только группа может обладать правом на самобытность, ибо только ей как таковой может быть присущ комплекс этнических, культурных, религиозных, языковых признаков, составляющих содержание ее идентичности, отличающей ее от других групп... Такой компонент самобытности, как культура, создается и является продуктом коллективной активности, язык как средство общения тоже функционирует только в группе...» [7]. И с мнением С.С. Юрьева: «Проблема противопоставления индивидуальных и групповых прав во многом искусственна, ибо по своей социальной природе культурные или языковые права не могут не быть коллективными... Многие

обязанности государств направлены на поддержку культуры, религии, языка, т.е. таких форм проявления самобытности, которые реализуются исключительно в относительно устойчивой социальной группе. В связи с этим представляется, что отсутствие в международных актах характеристики тех или иных прав как принадлежащих именно этнической общности, а не индивиду, обусловлено, скорее, политическими..., чем правовыми соображениями» [8, 243]. Права и Ф.А. Ахметшина, говоря, что «отдельный человек не может быть «самобытным» в том смысле, какой мы придаем обычно этому понятию. Самобытна может быть культура, образ жизни какого-либо социального коллектива, например, меньшинства. Нельзя нанести ущерб самобытности этнической группы в целом, нарушив право одного из членов этой группы на использование родного языка. И напротив, повсеместное запрещение использования языка в местности, населенной меньшинством, может повредить этой самобытности. Таким образом, самобытность – это ценность, принадлежащая социальной общности, а не индивидам, и право на уважение этой ценности является правом меньшинства, т.е. коллективным правом» [7]. Поэтому в основе регламентации права на самобытность должна лежать не столько защита культуры, языка, традиций, верований, а *защита прав самих носителей* – групп и индивидов, что в одинаковой мере относится и к вопросу соблюдения прав человека, народов, отдельных этнических групп (национальных меньшинств, коренных народов).

Право индивида на самобытность защищает не саму самобытность, а индивида в его сущностном выражении, так и коллективное право на самобытность есть защита самой этнической общности. Ее право на существование как самобытной этнической общности не менее важно, чем право на существование в физическом смысле. При всей важности последнего заметим, что утрата таких этнических признаков, как язык, территория, традиционная культура, историческая память крайне губительно действует на этническое самосознание, которое является, как мы уже говорили, важнейшим элементом правосубъектности этнических групп: отсутствие развитого этнического самосознания значительно уменьшает возможности этнической группы выступать субъектом правоотношений, формировать осознанные интересы, выдвигать и защищать их. В условиях глобализации и в эпоху постмодернизма со свойственным им активным замещением традиционных культурных ценностей на искусственные конструкты, символы и си-

мулякры коллективные этнические права можно рассматривать как институциональный механизм защиты самих этнических общностей. М.Ю. Мартынов, говоря о необходимости соединить сложившиеся два подхода к решению проблем этнических меньшинств – культурный и политический, которые не могут существовать изолированно друг от друга, так объясняет особую роль права на самобытность: «Подлинными гарантиями прав этнических меньшинств могут быть только гарантии политические, но в значительной степени реальным обеспечением прав меньшинств являются права в сфере культуры, воспитания, образования, традиций. В поддержании и развитии самосознания именно культура и язык играют решающую роль» [10, 28-29].

Нельзя забывать об особой связи этнонационального и территории. Как известно, коллективная идентичность народа основывается на законе трех (или четырех) единств: единстве территории, истории как источнике коллективной исторической памяти, ценностной нормативной системы и языка, посредством которого такое единство постоянно актуализируется в сознании народа. В условиях глобализации все элементы этого единства подвергаются серьезным рискам: территория перестает быть исключительно этнонациональным и государственным достоянием (она легко «взламывается» внетерриториальными факторами глобализации, о чем мы говорили в предыдущих параграфах), история активно пересматривается, морально-этические нормы утрачивают свои былые позиции регуляторов общественных отношений, значительно ограничивается сфера применения национальных языков, происходит активное замещение национальных культурных кодов. Поэтому-то этнонациональные интересы, которые направлены именно на сохранение коллективной идентичности, и входят в противоречие с процессами глобализации и глобальными интересами.

Особую опасность представляет процесс отрыва этнонационального от территории. Этническая культура всегда территориально укоренена: «Этничность – это приспособление к деятельности на определенной территории; этническая культура – символическая кодификация такой деятельности. Отсюда следует, что культура не может существовать автономно от породившей ее деятельности, а соответственно – и в отрыве от территории... Практически нет экстерриториальных культур...» [11, 177]. Именно наличие собственной территории, гарантированное существование на ней и ее использование в собственных интересах, как ничто другое, способствуют сохранению идентичности, в особенно-

сти когда остальные ее элементы подвергаются активному изменению. Поэтому усиление тенденции государствообразования в современных условиях в значительной степени обусловлено стремлением легитимировать свое право на территорию как на источник воспроизводства культуры.

Не в меньшей мере это обусловлено и тем, что эта культурная составляющая территории входит в прямое противоречие с экономической, когда территория представляет интерес исключительно с точки зрения эксплуатации природных ресурсов. В силу приоритета экономической эффективности многие современные производства и технологии, приносящие сверхприбыль, не нуждаются в населении, привязанном к территории, напротив, они заинтересованы в *мобильной* рабочей силе и в территории, абстрагированной от ее населения. Этнонациональные интересы требуют пересмотра такого критерия успешности развития: экономика территории должна быть ориентирована на ее собственное население, собственные силы (что предполагает постоянное профессиональное совершенствование, повышение уровня знаний, всемерное развитие творческого потенциала, использование передового опыта и его приспособление к местным условиям), на экологическую защиту этой территории, возложение и несение ответственности за ее использование, на предоставление этой территории и для ведения национальных форм хозяйствования.

Однако суверенизация периода глобализации не ведет автоматически к удовлетворению истинных этнонациональных интересов. Последовательные противники глобализации видят в этнонациональной фрагментации результат целенаправленной деятельности по разрушению единых крупных национальных пространств, по превращению больших наций в горстку «карликовых этносuverенитетов», обладающих иллюзорной независимостью, по освобождению *территорий* от этнокультурного единства, общности исторических судеб, единства исторического времени. Демонтаж единого национального пространства, его замена «новым именованным и региональным местничеством» создают качественно иное глобальное пространство, в котором «элиты глобализируются», а «массы «парцеллизируются», погружаясь в архаику примитивного местничества, изоляционизма, трайбализма и натурального хозяйства», скатываясь в новое средневековье [2, 20.15.16.26.134.135]. Такое «возрождение старой этнической и трайбалистской памяти изменит убеждения огромных масс и соответственно может привести к образованию в новом столетии

множества этнически и цивилизационно особых государств» [13, 174]. Утрированность этой позиции позволяет наглядно продемонстрировать риски современной суверенизации и опасность «индивидуалистского» удовлетворения интересов, без их естественной взаимосвязи с интересами близких (в разных смыслах этого слова) народов, территорий, государств. В условиях неравномерности глобализационного развития это ведет к тому, что защита национальных (государственных) и этнонациональных интересов становится для одних *привилегией*, для других - *правом*, для третьих - *борьбой за право*.

И эта борьба за право быть этнонационально выраженным зачастую обретает характер бескомпромиссного этнического самоутверждения (то, что принято называть балканизацией, жесткой радикализацией этнонационального проекта), направленного, главным образом, на распад многонациональных государств и механическое приращение территорий. Ускоренное (да еще и под внешним воздействием) продвижение процесса этнонационального самоутверждения на полиэтнических пространствах «начинено» большим зарядом конфликтогенности еще и потому, что сопровождается обоснованием собственной значимости и неприятия иных, эксплуатацией чувства обиды и несправедливости понесенных потерь, массовым поворотом к старым, архаичным ценностям, превращением этноистории в «золотой век чистоты и благородства», этнокультуры – в проявление национальной гениальности. Таким образом заново открытая традиционная этничность все больше разделяет единые этнопространства на дискретные образования. Эта участь постигла СССР, Югославию, она, вполне возможно, уготована Китаю, раздираемой сепаратизмом Индии, Индонезии, Бирме, Африке, где на огромной территории от Судана и Эфиопии до Анголы и Конго, в Нигере, Мали, Либерии, Чаде конфликты могут вспыхнуть в любой момент. В таких условиях – этнодистанцирования, отягощенного конфликтом, - появление правовых норм, ограничивающих иноэтническое присутствие (под предлогом преодоления засиления) либо наделяющих аборигенное население привилегиями, вполне закономерно (как это происходит, например, в государствах Прибалтики, на Украине, в Грузии). Как закономерна и массивованная «информационная» дискредитация народов, с которыми происходит размежевание (руссофобия в странах бывшего СССР, сербофобия на Балканах), начинающаяся с развенчания деятельности отдельных лидеров, их режимов и заканчивающаяся уничтожением целых народов, искусственным снижением их

этностатусов. В самую пору говорить о правовых механизмах защиты чести и достоинства народов.

В вопросе о защите этнонациональных интересов стало общим местом утверждение о необходимости конституционно-правовым путем обеспечить учет интересов коренного населения, в особенности коренных малочисленных народов, национальных меньшинств (которые стали толковаться расширительно как представители того или иного народа, проживающие в окружении инонационального большинства, независимо от того, имеют ли они на территории государства свою автономию), и, наконец, диаспор (этнических групп, проживающих вне своей этнической родины на территории иных государств). Внешняя простота этого тезиса требует сложнейшей и скрупулезнейшей работы в определении правовых механизмов защиты интересов названных групп не только в отдельности, но и в их совокупности, а также с учетом интересов большинства населения и государства в целом, что находится в прямой зависимости от специфики отдельно взятого региона.

Очевидно, что характер защиты этнонациональных интересов коренных народов, ставших на своей территории малочисленными народами и проживающих в инонациональном большинстве, и коренных народов, составляющих большинство (подавляющее большинство) либо являющихся достаточно многочисленными, будут изрядно различаться. Если для первых установление тех или иных привилегий (в силу наибольшей актуальности проблемы самосохранения перед угрозой ассимиляции) вполне приемлемо, то для вторых - вряд ли: политико-правовое закрепление особых прав с большой долей вероятности может обернуться дискриминацией всех остальных по национальному признаку. Как видим, процесс правового обеспечения этнонациональных интересов затрудняется тем, что носителями этнонациональных интересов являются многочисленные (родственные и нет) этнические сообщества и образования, различающиеся по степени целостности, а также территориально, экономически, демографически, социально, культурно, религиозно, ментально, т.е. имеющие множество отличий (и нюансов отличий), – следовательно, наибольшую сложность будет представлять механизм обеспечения правовых принципов и норм. Приходим к выводу о том, что внутригосударственным и международным правом должен быть предусмотрен самый широкий спектр форм, позволяющих отстаивать не только различные этнонациональные интересы, но и интересы различных народов и этнических групп. И модель их конкретной реализации должна быть постав-

лена в зависимость от специфики того или иного региона.

Кроме того, реализация «принципа гарантизма» (обеспечение официального статуса языкам, преподавание языка своей национальности, доступ к СМИ и т.д.) не должна нарушать баланса индивидуальных и групповых прав, «сталкивать» права человека с правами народов (интересы разных народов), создавать между ними конкуренцию. Это актуализирует проблему использования правовых ограничений, определяющих объем регулирования, границы имеющихся прав (по С.С. Алексееву), рассчитанных на сдерживание противоправного поведения (по А.В. Малько), на удержание общественных отношений в ограниченных рамках (по Ф.Н. Фаткуллину), тем самым создающих условия для удовлетворения интересов всех участников общественных отношений [14, 96, 97]. Тем более что позитивная энергия этнической мобилизации и консолидации может превратиться в этническое подстрекательство, в конфликт.

Весьма актуальной в условиях глобализации и наиболее сложной является проблема защиты этнонациональных интересов малых этносов (на территории почти 150 многоэтничных государств их более трех тысяч), постоянно находящихся в состоянии страха растворения в более многочисленной этнической среде. Возможности политического самоопределения на этнической основе для них объективно ограничены, политика этнического размежевания неплодотворна. Однако это не означает отсутствия права на саморазвитие, достойное существование и собственную идентичность – просто оно реализуется в условиях сосуществования, обеспечиваемого посредством институт федерализма. Именно федерализацию полиэтничных государств вполне справедливо считают наиболее оптимальным методом полнокровного функционирования единого государства: она естественным образом объединяет разнородность территорий и сообществ, соединяет две главные тенденции глобального развития - интеграцию и регионализацию («этнонационализацию»).

Международный и российский опыт свидетельствует о том, что рано или поздно полиэтничные государства неизбежно приходят к необходимости децентрализации власти, федерализации и их конституционному закреплению. Очевидно, что главной проблемой для многонационального государства становится создание эффективных конституционно-правовых механизмов, которые обеспечивали бы, с одной стороны, самостоятельность организации жизнедеятельности

отдельных этнических сообществ (реализацию этнонациональных интересов), с другой, - их включенность в решение задач общегосударственного масштаба (учет этнонациональных интересов), в-третьих, целостность государства (единство общенациональных и этнонациональных интересов). Другим не менее важным моментом является выбор того или иного типа общегосударственного устройства: федерации как единства 1) государственно-территориальных образований, 2) национально-территориальных автономий или 3) национально-культурных автономий. С.А. Авакьян считает, что выбор зависит «не только от наличия различных национальностей, но и от их численного соотношения, исторических корней и связи с территорией (на ней они жили всегда или же когда-то сюда переселились) и т.д. Если в государстве есть различные более или менее соразмерные национально-этнические общности и территории их традиционного проживания, может создаваться федерация по национальному признаку как союз национальных государств. Но если есть одна большая нация, проживающая на всей территории государства, и есть небольшие – относительно этой нации – национально-этнические общности, территории которых своеобразно «вкраплены» в единую территорию, то вполне допустимо создание национально-территориальных автономий для соответствующих национально-этнических групп» [15, 7]. Но все не так просто и однозначно: содержание таких критериев, как аборигенность, исконность, древность происхождения, территориальная принадлежность, общность (территории, корней, истории и т.п.) и даже численность всегда пересыщено национальным субъективизмом, национальными чувствами, этностатусными представлениями, мифами и этноавтостереотипами.

В современных условиях можно вполне определенно говорить о выраженном стремлении этносов заявить о себе как о государствообразующей нации, о своем праве на создание государства, преимущественно мононационального. Не в последнюю очередь это связано с тем, что образование национального государства позволяет поднять этнонациональные интересы до уровня государственных, соединить их с собственно-государственными в единое целое, в совокупность общественно-публичных интересов, а также выразить их и в международном праве. Последнее - наличие явных преимуществ, связанных со статусом субъекта международного права, в том числе и в отстаивании этнонациональных интересов, - играет главную роль во «всеобщем стремлении» к обретению государственной независимости. «...В

процессе образования национального государства наиболее важная роль принадлежит факту внешнего, международного признания, даже независимо от внутреннего состояния и уровня национальной идентичности. Можно согласиться с утверждением И.С. Тарасова о том, что сегодня каждый новый субъект международного сообщества автоматически получает статус национального государства. И, как утверждает А.М. Салмин, «нацией становятся в силу признания» [16, 38-39]. Известный американский юрист-правовед Т. Франк замечает: «Может показаться странным, но международная система, признавая статус, голос и блага лишь за теми этническими и племенными общностями, которые достигли государственности, поощряет активный сепаратистский национализм». Но приведший эту цитату И.И. Лукашук высказывает несогласие и утверждает, что «...сепаратизм и национализм стимулируются не международной системой, а соответствующей общественно-политической системой государств, которая не обеспечивает законных прав и интересов национальных меньшинств. Чем более крупным и единым является государство, тем больше его возможности обеспечить интересы своего населения, включая меньшинства» [17, 57]. При всей справедливости точки зрения И.И. Лукашука, практика современной глобализации доказывает справедливость и мнения Т. Франка.

Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что глобализация проходит под знаком иммиграционного (миграционного) общества, которое уже становится правилом, а не исключением. Гетерогенность как следствие иммиграций, миграций отличается от гетерогенности как результата этногенеза. Поэтому проблема защиты этнонациональных интересов иммигрантов, мигрантов приобретает весьма актуальный характер и является одной из самых сложных: в основу легитимации их права быть национально выраженными не могут быть положены ни аборигенность, ни исконность территории, ни автохтонность культуры – все то, к чему обычно апеллируют коренные этносы. В такой ситуации особую ценность приобретает институт гражданства, содержание которого все больше пересматривается: с ним связывают не только наличие экономических, социальных, политических прав, но и этнокультурных.

Массовые миграции, экономическая интеграция, размывающие политические и этнокультурные границы, создают поликультурные пространства нового типа, и этим реалиям должен соответствовать иной *modus vivendi*, который смог бы, с одной стороны, сохранить культурную идентичность местных народов и их территорий, с другой, - обеспечить

возможности социальной мобильности и роста многообразия. Следовательно, вопрос вопросов, как соединить объективно необходимые автономию и интеграцию, столь же объективно противостоящие друг другу. «Автономия и интеграция предлагают институциональные возможности на основе равенства подойти к культурным различиям. Только тогда, когда различные культуры рассматриваются как легитимные, возможна поликультурность. Признание различия делает необходимой определенную автономию в практике государственной жизни. Однако остается поле напряжения между автономией и интеграцией, препятствуя, с одной стороны, ассимиляции, а с другой – ползучему геттоизированию». Многие видят выход в целенаправленном развитии гражданской, политической идентичности, политической лояльности, лояльности к своему гражданству, двойной идентичности – политической и культурной (например, афроамериканец, испаноамериканец, немецкошвейцарец). В такой амбивалентности находят выражение связь происхождения и гражданства, сочетание интересов частной и коллективной природы. Высказывание Ю.Хабермас о том, что политическое общество может требовать от своих граждан политической лояльности, но не культурной ассимиляции, хорошо известно [18, 314, 315, 318].

Как видим, соразвитие глобализации и национального мира - процесс сложный и болезненный. Еще на заре XX века испанский философ Х. Ортега-и-Гассет писал об объединении Европы не только как о шансе преодолеть «комплекс малых наций», комплекс европейцев-провинциалов, разрушить оковы замкнутого национального существования, но как и о «грандиозной драме» преодоления самих себя [19, 135-136]. Поэтому уже в наши дни Ж.-Л. Амсельль пишет, что «парадокс современной глобализации заключается в том, что, отнюдь не размывая идентичности..., она ... заново проявляет и ужесточает в такой степени, что они принимают форму этнического национального...» [20, 92]. С одной стороны, глобализация – активный процесс интернационализации всех сфер общественной жизни, позволяющий преодолеть узость и ограниченность национального, с другой, - взаимопроникновение культур, делающих идентичность более гибкой и открытой, с третьей, – это утверждение самобытных культур в новых условиях. М. Кастельс прав, утверждая, что в условиях глобализации идентичность отнюдь не обречена быть только идентичностью сопротивления, она сохраняет за собой свое главное предназначение – помогать людям определять свое «я». И это вкупе с новой идентичностью, дающей возможность ориен-

тироваться в сферах экономики, политики, образования, потребления и т.п., позволит индивиду, группе, обществу включиться в новый мир, осознать свою современность, при этом сохранив свою автономную идентичность [21, 300].

Список литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество // Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. – М., 2004.
2. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М., 2003.
3. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. – М., 2004.
4. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000.
5. Султанов И.Р. Соотношение норм внутригосударственного и международного права в реализации права народов на самоопределение: методологический аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. – М., 2002.
6. Опальски М. Проблемы мультикультуральности // Политические исследования. 1996. № 4.
7. Ахметшина Ф.А. Право на самобытность и решение вопроса средствами высшей школы // URL: [http:// globkazan.narod.ru/2003/a19.htm](http://globkazan.narod.ru/2003/a19.htm)
8. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). – М., 2000.
9. Мартынов М.Ю. Политика государств Европы // Этнические проблемы и политика государств Европы. – М., 1998.
10. Юшкова-Борисова Ю.Г. Россия и ее население // Политические исследования. 2005. № 3.
11. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2001. 174 с.
12. Тутинас Е.В. Права личности и межнациональные конфликты. – Ростов-н/Д., 2000.
13. Авакьян С.А. Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. – М., 2001.
14. Блинов А.С. Национальное государство в условиях глобализации: политико-правовой аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
15. Лукашук И.И. Субъекты права международных договоров // Государство и право. 2004. № 11.
16. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М., 2000.
17. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 4.
18. Амсель Ж.-Л. Глобализация: большой дележ или плохое упорядочение? // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 2002. Том 5. № 3.
19. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999.

Bibliography

1. Bauman Z. Individualized society // Kravchenko S.A. Sociology: paradigms through the prism of sociological imagination. - M., 2004.
2. Panarin A.S. The temptation of globalism. - M., 2003.
3. Kravchenko S.A. Sociology: paradigms through the prism of sociological imagination. - M., 2004.
4. Lukashuk I.I. Globalization, state, law, XXI century. - M., 2000.
5. Sultanov I.R. Correlation of norms of domestic and international law in the realization of the right of peoples to self-determination: methodological aspect // Questions of national and federal relations. - M., 2002.
6. Opalski M. Problems of multiculturalism // Political studies. 1996. № 4.
7. Akhmetshina F.A. The right to identity and the solution of the issue by means of higher education // URL: [http:// globkazan.narod.ru/2003/a19.htm](http://globkazan.narod.ru/2003/a19.htm)
8. Yuriev S.S. The legal status of national minorities (theoretical and legal aspects). - M., 2000.
9. Martynov M.Yu. The policy of European states // Ethnic problems and the policy of European states. - M., 1998.
10. Yushkova-Borisova Yu.G. Russia and its population // Political studies. 2005. № 3.
11. Utkin A.I. Globalization: process and reflection. - M., 2001. 174 p.
12. Tutinas E.V. Human rights and ethnic conflicts. - Rostov-n / D., 2000.
13. Avakyan S.A. The national question and state building: problems of Russia and the experience of foreign countries // The national question and state building: problems of Russia and the experience of foreign countries. - M., 2001.
14. Blinov A.S. The nation state in the context of globalization: political and legal aspect: Dis. ... cand. legal sciences. - M., 2003.
15. Lukashuk I.I. Subjects of law of international treaties // State and law. 2004. № 11.
16. Altermatt W. Ethnonationalism in Europe. - M., 2000.
17. Ortega y Gasset H. Rise of the masses // Questions of philosophy. 1989. № 4.
18. Amstell J.-L. Globalization: big sharing or poor ordering? // Journal of Sociology and Social Anthropology. - SPb., 2002. Volume 5. № 3.
19. Castells M. The power of identity // New post-industrial wave in the West. Anthology. - M., 1999.

Омаров М.О.

*Доцент кафедры теории и истории социальной работы
Дагестанского государственного университета,
кандидат политических наук.*

Насухов Н.Ч.

*Студент 3 курса социального факультета
Дагестанского государственного университета.*

Сравнительный анализ форм и методов социокультурной работы с вынужденными мигрантами в России и за рубежом

Сегодня, несмотря на все многообразие форм и методов работы с вынужденными переселенцами и беженцами по социокультурной адаптации к новым условиям жизнедеятельности и разношерстности участников данного процесса, базовыми регуляторами, в рамках которого происходит вышеназванные процессы остаются Федеральные законы РФ «О Беженцах» и «О вынужденных переселенцах» от 19 февраля 1993 г.

Так, в этих Федеральных законах дается четкое толкование категориям «беженец», «вынужденный переселенец», «члены семьи вынужденных переселенцев» и т.д., что в значительной степени упрощает процедуру идентификации тех или иных категорий граждан, нуждающихся в специализированной поддержке со стороны, как государства, так и общественных организаций.

Также в законах, в достаточной степени конкретизирована процедура признания лица вынужденным переселенцем или беженцем на территории РФ, обозначены формы обращения лиц, нуждающихся в соответствующем признании, ответственные органы по принятию, регистрацию и рассмотрению обращений со стороны вынужденных переселенцев, сроки обращения, рассмотрения и выдачи удостоверения о признании лица вынужденным переселенцем или беженцем на территории РФ или. Отражены в вышеназванных законах и основания для отказа в признании лица вынужденным переселенцем или беженцем на территории РФ

и сроки уведомления о принятом таком решении.

Интересными на наш взгляд, являются положения статьи 2 Федерального закона «О беженцах», которые наравне с очевидными и обоснованными основаниями для отказа в рассмотрении ходатайства о признании статуса беженца, такими как совершения преступления против мира, человечности и т.д., на территории своего прежнего проживания, отмечены пункты, согласно которым данный Федеральный закон не действует относительно тех лиц, которые пользуются защитой других органов Организации Объединённых Наций, за исключением Военного комиссариата ООН по делам беженцев¹.

Таким образом, как мы видим, основные формы и методы социокультурной работы с вынужденными мигрантами и масштаб охвата этой деятельности проистекают из соответствующих Федеральных законов и подзаконных актов РФ. Основные формы и методы работы с вынужденными мигрантами тесно переплетаются с положениями статьи 6 Федерального закона «О беженцах».

Начинается конкретная работа с вынужденными мигрантами с процедуры определения страны происхождения, выяснения носителем какого языка является данное лицо, информирования о порядке признания беженцем и т.д., так как подпункт 1 пункта 1 статьи 6 закона обязывают соответствующие органы РФ удовлетворить беженца в праве «получения переводчика и получении информации о порядке признания беженцем, о своих правах и обязанностях, а также иной информации в соответствии с настоящей статьей»².

Следует отметить, что ответственными органами, с которыми контактируют беженцы в самом начале их пребывания на территории РФ являются дипломатические представительства, пограничные органы федеральной службы безопасности, территориальные органы федеральных органов исполнительной власти в сфере внутренних дел. Беженец или вынужденный переселенец, если пожелали признать за собой соответствующие статусы должны лично, или через уполномоченные лица, обратиться в вышеназванные органы государственной власти с ходатайством о признании их соответствующим статусами в письменной форме в течении суток с момента пересечения границ. Однако по независящим от лица обстоятельствам человек не может обратиться с ходатайством письмом о признании статуса, «срок обращения может

1 Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. N 4528-1 «О беженцах» (с изменениями и дополнениями) статья 2 // Гарант. Информационно-правовое обеспечение. // URL: <https://base.garant.ru/10105682/>

2 Там же. Статья 6. П. 1.

превышать одни сутки но не более чем период действия возникших обстоятельств»³.

В ключе рассматриваемого вопроса, необходимо обратиться к другой статье Федерального закона «О беженцах» а именно статье 8, в которой отражены основные права и обязанности лиц признанных беженцами на территории РФ, подробно проанализированы те виды услуг и благ на которые имеют претендовать беженцы на территории РФ наравне с обычными гражданами страны.

Так, наравне с гражданами РФ в соответствии с этим законом беженцы имеют право на медицинскую и лекарственную помощь, получение содействия в направлении на профессиональное обучение или в трудоустройстве, работу по найму или предпринимательскую деятельность.

Беженцы имеют право на получение социальной защиты, в том числе социальное обеспечение, наравне с гражданами РФ, получение содействия в устройстве детей в государственные или муниципальные дошкольные образовательные организации и общеобразовательные организации, профессиональные образовательные организации и образовательные организации высшего образования.

Отдельно следует отметить право лиц признанных беженцами на территории РФ на участие в общественной деятельности на территории РФ, за исключением случаев предусмотренных законодательством РФ и другими международными нормативно-правовыми документами и договорами.

В этой связи, многое зависит от того, какие конкретные меры принимаются компетентными органами государственной власти для создания необходимой инфраструктуры и условий для плодотворного включения беженцев в интеграционные процессы. Для интенсификации процесса интеграции необходимо рассмотреть возможности участия мигрантов в этих процессах, необходимо их мотивировать к участию во взаимодействующих явлениях, так как в «связи с обозначенной выше недостаточной мотивацией иностранных граждан к участию в интеграционном процессе актуализируется тема отношения принимающего сообщества к существующему положению вещей, определении стратегии государства по регулированию общественных отношений в данной сфере, о подходах, демонстрируемых при осуществлении государственной политики в сфере интеграции мигрантов»⁴.

³ Там же. Статья 4. П. 1.

⁴ Омельченко Н.А. Свобода или порядок (к вопросу о консервативной и либеральной традиции в России) // Власть. 2009. № 4. 18 с.

В этой связи, обозначились несколько подходов относительно методов интеграции вынужденных переселенцев в новых условиях жизнедеятельности.

В.С. Малахов рассматривает проблему интеграции, применяя либеральный подход, полагая, что «интеграция должна строиться исключительно на добровольных началах. Государство приема обязано учесть многочисленные нюансы жизнедеятельности сообщества мигрантов при разработке интеграционных практик, обеспечить возможности для интеграции, но, обязанность мигрантов участвовать в этих практиках исследователем не артикулируется. Мигрант не включен в перечень акторов политики интеграции наряду с государственными институтами, социальными партнерами государства (частный бизнес) и организациями гражданского общества»⁵.

В.И. Мукомель, также, видит наилучшую стратегию политики интеграции в создании условий для интеграции, но не в навязывании выбора⁶.

Другое видение этого вопроса представлена в диссертационном исследовании Т.Н. Дмитриевны, которая придерживаясь иного подхода отмечает, что «интеграция – не «клуб по интересам», а условие стабильности и безопасности принимающего общества. Следовательно, если иностранец желает жить и работать в другой стране, он обязан доказать свою лояльность принимающему социуму»⁷. Данный подход больше отражает консервативные аспекты политики интеграции беженцев в инокультурной среде. Действительно, необходимо признать, что решение властей принимающей стороны о социокультурной интеграции беженцев в новых условиях жизнедеятельности должно быть продиктовано желанием мигрантов освоить культурные коды принимающей страны, что с точки зрения простой общечеловеческой оценки является элементарным требованием к людям, желающим жить и работать в России⁸.

Сегодня в большинстве стран Западной Европы эксперты обращаются к консервативным методам интеграции мигрантов на своих территориях, так как в условиях доминирования мультикультурализма преобладаю-

5 Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2014. 17 с.

6 Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2013. 5 с.

7 Дмитриева Т.Н. Политика адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: потенциал национальных объединений. Дис. на соиск. уч. степ. к. полит. н.. 78 с.

8 Путин В.В. Россия: национальный вопрос // URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.

щей тенденцией стала все расширяющиеся представления о либерализации гражданских прав личности, что приводило к тому, что вынужденные переселенцы попадали в общества, где давление, побуждающее их уподобляться местным жителям, по мнению с. Бенхабиба, значительно ослабевало и это приводило к неприятию мигрантами новых условий жизнедеятельности и актуализировались у них свои этнокультурные аспекты самоидентификации. Это в значительной степени и влияло на возникновение конфликтных ситуации беженцев с представителями коренного населения⁹.

Таким образом, проанализировав различные подходы методов и форм социокультурной адаптации мигрантов и определив преимущества и недостатки имеющейся вариации интеграции последних в новых условиях жизнедеятельности, можно сделать вывод о том, что наиболее оптимальной с точки зрения эффективности стратегией интеграции мигрантов является создание необходимых условий для успешного включения мигрантов во взаимодействующие явления в купе стимулирования их выбора на конструктивный диалог на основе доминирующих в обществе культурных кодов.

Выбор методов приоритетной государственной политики социокультурной адаптации мигрантов связано с сочетанием вызовов либерализма, как идеологии нового времени, предполагающий свободу и независимость личности по отношению к государству и консерватизма, который направляет курс государственной политики на сохранение и поддержание исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни.

Рассмотрение данного вопроса в исторической ретроспективе показывает, что если в 1990-е гг. власти субъектов РФ разрабатывали и реализовывали независимые концепции миграционной политики, то уже с 2000-х гг. идет планомерное объединение усилий всех уровней власти и централизация политики социокультурной адаптации мигрантов, выражающееся в соподчиненности регионального уровня власти федеральному. Последующее усиление механизмов взаимодействия органов власти на всех уровнях было связано с тем, что происходило согласование задач миграционной политики с общефедеральными программами социально-экономического развития страны, межэтнического общения, воспитания толерантности и профилактики экстремизма, на всех уровнях власти. А также такая политика сочеталась с информационным обеспечением

⁹ Бенхабиб С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 217 с.

нием миграционной политики, финансирования образовательных программ в СМИ, экспертизой публикаций прессы, преодоления «языка» вражды и фобий в отношении мигрантов, подготовкой кадров государственных служащих в сфере миграционной политики и урегулирования миграционных конфликтов.

Однако, подобная политика не может быть одинаковой и универсальной на всей территории России так как наблюдается значительное расхождение регионов Росси по социально-экономическим показателям. В частности в условиях развития Юга России, по мнению В.В. Бобылева, приоритетными должны оставаться вопросы обеспечения национальной безопасности, предотвращения и регулирования конфликтов, целевого селективного подхода к миграционному регулированию¹⁰.

Таким образом, проанализировав различные подходы методов и форм социокультурной адаптации мигрантов и определив преимущества и недостатки имеющейся вариации интеграции последних в новых условиях жизнедеятельности, можно сделать вывод о том, что наиболее оптимальной с точки зрения эффективности стратегией интеграции мигрантов является создание необходимых условий для успешного включения мигрантов во взаимодействующие явления в купе стимулирования их выбора на конструктивный диалог на основе доминирующих в обществе культурных кодов.

Подводя итог, необходимо определить из всего многообразия критериев эффективности социокультурной адаптации беженцев и вынужденных переселенцев какие из них необходимо отметить.

В этой связи соответствующим органам государственной власти в организационном единстве негосударственных институтов нужно заниматься обеспечением необходимой инфраструктурой и условиями для успешной социокультурной адаптации мигрантов, отсутствие которых в значительной степени оказывает большее негативное воздействие на процессы взаимодействия, чем неудовлетворительное состояние материального обеспечения.

Уровень удовлетворенности мигрантов своим социально-экономическим положением в новых условиях своего проживания зависит также от наличия или отсутствия желания у коренного населения для полноценного общения и взаимодействия с мигрантами. В условиях отсутствия такого желания со стороны коренного населения это может привести к чувствам отчужденности, ненужности и бесполезности. В этой связи

10 Бобылев В.В. Региональная миграционная политики в постсоветской России (по материалам краев и областей Южного федерального округа) // Автореферат. 2009. 31 с.

через имеющиеся в руках правительственных органов медиаресурсов, усилий институтов гражданского общества и других заинтересованных субъектов социальной политики, следует вести активную просветительскую работу по насаждению в рядах простых граждан чувства солидарности с теми, кто оказался в трудной жизненной ситуации. То есть предполагается формирование толерантного климата вообще и толерантного отношения к этнокультурному разнообразию в частности. «Здесь крайне важны совместные усилия государства и гражданского общества. Шельмование толерантности как ценности, навязанной России извне, - тревожный симптом. Не стоит забывать, что альтернативой толерантности является нетерпимость, а последняя влечет за собой агрессию и насилие. В такой атмосфере взаимодействие старожилов с приезжими неизбежно будет принимать конфронтационные формы»¹¹.

Практически никто, будучи в здравом уме и ясной памяти по своему желанию не покидает места исконного проживания и действительно обстоятельств угрожающие жизни и смерти граждан по признакам расы, вероисповедания, гражданства национальности принадлежности к определённой социальной группе или политическим убеждения вынуждают людей совершать подобные перемещения.

Так, постепенно, при соблюдении вышеотмеченных правил и установок у мигрантов на новом месте проживания может зародиться чувство принадлежности к определённой социальной группе и осознанное соотнесение себя с этой группой.

Значение такой выверенной государственной политики социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в новых условиях жизнедеятельности с точки зрения отражения в этой политике интересов и мигрантов и государства заключается в том, что на выходе общество получает заинтересованного и добросовестного в труде личности, сознательным отношением к труду, включающегося в работу инициативно и стремящегося к наибольшей реализации своих возможностей. Такие люди во все времена находились в основе эффективного развития экономики государств.

При другом истечении обстоятельств и бесконтрольном развитии процессов адаптации мигрантов со стороны государств и институтов гражданского общества в частности этнокультурных образований близких по своим культурным основаниям с мигрантами общество рискует столкнуться с психически неуравновешенными лицами.

¹¹ Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., фонд «Либеральная миссия», 2015. 219.

Все перечисленные критерии Н.В. Прокушева «объединяет в пять групп:

1. Социальное самочувствие мигранта;
2. Идентификация мигрантов с новой средой;
3. Степень реализации внутреннего потенциала мигранта;
4. Характер отношений со средой;
5. Способность повышения культуры адаптирующийся среды»¹².

Важное значение имеет разработка и внедрение в государственных структурах настольной книги мигрантов на примере Европейских стран. «Во многих странах ЕС издаются подобного рода руководства. В них кратко изложены основные сведения, касающиеся принимающейся стороны, и приведена жизненно необходимая информация, от адресов госучреждений до номеров телефонов организаций, прямо или косвенно занимающихся обустройством мигрантов»¹³.

Таким образом, интеграционная политика предполагает развитие культурного капитала иммигрантов, за счет:

- обучения языку, то есть необходимо наладить запуск интеграционных курсов, в рамках которых изучается русский язык и приобретаются базовые знания о стране

- работы с местными сообществами, направленными на снижение предрассудков и формирование положительного отношения к мигрантам;

- обеспечения доступа к школьному образованию для детей;

- обучения учителей для эффективной работы с учениками – мигрантами;

- включения в школьную программу специальных курсов, посвященных разъяснению гражданских прав и обязанностей, пониманию своей ответственности за участие в жизни нового общества;

- расширения возможностей неформального обучения детей в молодежных, спортивных, культурных организациях;

- программ развития навыков, необходимых для дальнейшей социализации и развития;

- расширения возможностей для более специализированного профессионального обучения и переподготовки, обеспечивающей возможности на рынке труда;

12 Прокушева Наталия Васильевна. Социальная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в современном российском обществе (на материалах Республики Бурятия). Автореферат. Улан-Удэ. 2007. 15 с.

13 Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., фонд «Либеральная миссия», 2015. 219 с.

- развития и упрощения процедур оценки навыков и признания квалификации мигрантов;
- вовлечения в горизонтальные социальные связи, в том числе посредством участия в общественной, культурной, спортивной и даже политической деятельности;
- борьбы с проявлениями ксенофобии, расизма, вербальным насилием (hate speech), продвижения позитивной установки к этническому разнообразию.

Как можно видеть, предполагаемая интеграционная политика направлена не только на самих мигрантов, но и на принимающее общество, в соответствии с пониманием интеграции как двустороннего процесса. Социокультурный аспект политики проявляется, прежде всего, в различных мерах по развитию культурного капитала мигрантов и, в частности, скорейшего формированию репертуара социально-культурных навыков, знаний и практик, которые обеспечивают возможности их самостоятельного решения повседневных проблем и включения в общественную жизнь новой страны. Исключительная значимость уделяется аккультурации детей, направленной на их как можно более раннее принятие новой культуры. Стремление воздействовать на как можно более ранних стадиях адаптации проявляется и в наличии целого комплекса мер по подготовке будущих мигрантов, еще находящихся в своей стране. Наконец, представляет интерес идея развития горизонтальных связей и вовлечения мигрантов через неформальные институты. Предполагается, что это позволит расширить социальный и культурный капитал мигрантов и переложит часть интеграционных усилий на общественные организации, обычных жителей и самих мигрантов, в том числе из числа «старожилов».

Рассмотрим некоторые примеры, демонстрирующие практику интеграционной политики на локальном уровне и ориентированные преимущественно на социокультурные аспекты адаптационно-интеграционного процесса.

Так, во многих европейских городах особое внимание уделяется созданию общих пространств, позволяющих взаимодействовать мигрантам с основным населением, способствуя формированию позитивного опыта социальных интеракций и снижению взаимного предубеждения. В Афинах такую роль выполняет программа «Вместе» – формат детских садов, создающий условия для общения не только детей мигрантов и местных жителей, но и их родителей.

В Париже и Амстердаме используется релокация деятельности местных предпринимателей ближе к местам проживания мигрантов. Так, в Амстердаме здание старой тюрьмы было преобразовано в центр размещения беженцев, при котором местные предприниматели создали общее пространство и разместили часть своего рабочего пространства. Это позволило беженцам не только устанавливать контакты с местным бизнес-сообществом, но и получать возможность непосредственно наблюдать и знакомиться с трудовыми практиками и трудовой культурой.

В Швейцарии и Шотландии реализуется другая стратегия, направленная на повышение качества тех школ, в которых большая доля детей мигрантов. В Барселоне для классов с большим числом детей мигрантов проводятся специально разработанные занятия, в дополнение к стандартной программе. В Германии и Нидерландах действуют механизмы, облегчающие подтверждение образования мигрантов и поступление в вуз, а также организуются специальные курсы для беженцев перед поступлением.

В 70% городов действуют программы профессиональной подготовки, бесплатные или частично субсидируемые для мигрантов¹⁴. Как уже отмечалось, профессиональное образование – та часть культурного капитала, которая позволяет наиболее естественным образом совместить интересы мигрантов и принимающего общества. Это особенно ярко проявляется на примере Германии, которая, с одной стороны, является крупнейшим реципиентом мигрантов в Европе, а с другой – испытывает потребность в рабочей силе на фоне экономического роста. В недавнем отчете Института миграционной политики отмечается, что резкий рост числа мигрантов, в том числе беженцев, в 2015-2016 гг. стал причиной активных экспериментов с новыми формами социальной интеграции¹⁵.

Как можно видеть, современная интеграционная политика ЕС направлена не только на самих мигрантов, но и на принимающее общество, в соответствии с пониманием интеграции как двустороннего процесса. Социокультурный аспект политики проявляется, прежде всего, в различных мерах по развитию культурного капитала мигрантов и, в частности, скорейшему формированию репертуара социально-культурных навыков, знаний и практик, которые обеспечивают возможности их самостоятельного решения повседневных проблем и включения в

14 Красина Я.С. Факторы успешной социокультурной адаптации иммигрантов: зарубежный опыт. 60 с. // URL: http://xn--80alhidkjhqo.xn--p1ai/?PAGEN_1=3

15 Там же.

общественную жизнь новой страны. Исключительная значимость уделяется аккультурации детей, направленной на их как можно более раннее принятие новой культуры. Стремление воздействовать на как можно более ранних стадиях адаптации проявляется и в наличии целого комплекса мер по подготовке будущих мигрантов, еще находящихся в своей стране. Наконец, представляет интерес идея развития горизонтальных связей и вовлечения мигрантов через неформальные институты. Предполагается, что это позволит расширить социальный и культурный капитал мигрантов и переложит часть интеграционных усилий на общественные организации, обычных жителей и самих мигрантов, в том числе из числа «старожилов».

Список литературы:

1. Бенхабиб С. Притязания культуры: равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003.
2. Бобылев В.В. Региональная миграционная политики в постсоветской России (по материалам краев и областей Южного федерального округа) // Автореферат. 2009.
3. Дмитриева Т.Н. Политика адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: потенциал национальных объединений. Дис. на соиск. уч. степ. к. полит. н.- М., 2019 г.
4. Красина Я.С. Факторы успешной социокультурной адаптации иммигрантов: зарубежный опыт // URL: http://xn--80alhidkjhfqo.xn--p1ai/?PAGEN_1=3
5. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы России: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2014. С.17.
6. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., фонд «Либеральная миссия», 2015.
7. Мукомель В.И. Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски: рабочая тетрадь. М.: Спецкнига, 2013.
8. Омельченко Н. А. Свобода или порядок (к вопросу о консервативной и либеральной традиции в России) // Власть. 2009. № 4.
9. Прокушева Наталия Васильевна. Социальная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в современном российском обществе (на материалах Республики Бурятия). Автореферат. Улан-Удэ. 2007.
10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
11. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. N 4528-I «О беженцах» (с изменениями и дополнениями) статья 2 // Гарант. Информационно-правовое обеспечение // URL: <https://base.garant.ru/10105682/>

Bibliography

1. Benhabib S. Claims of culture: equality and diversity in the global. era / Per. from English under the editorship of V.L. Inozemtseva. M.: Logos, 2003.
2. Bobylev V.V. Regional migration policy in post-Soviet Russia (based on materials from the territories and regions of the Southern Federal District) // Abstract. 2009.
3. Dmitrieva T.N. The policy of adaptation and integration of migrants in the Russian Federation: the potential of national associations. M., 2019
4. Krasina Ya.S. Factors of successful socio-cultural adaptation of immigrants: foreign experience // URL: http://xn--80alhidkjhfqo.xn--p1ai/?PAGEN_1=3
5. Malakhov V.S. Integration of migrants: European experience and prospects for Russia: a workbook. M.: Special book, 2014.S. 17.
6. Malakhov V.S. Migrant Integration: Concepts and Practices. M., the Liberal Mission Foundation, 2015.
7. Mukomel V.I. Migrant Integration Policy in Russia: Challenges, Potential, Risks: Workbook. M.: Special book, 2013.
8. Omelchenko N. A. Freedom or order (on the issue of conservative and liberal traditions in Russia) // Power. 2009. № 4.
9. Prokusheva Natalia Vasilievna. Social adaptation of refugees and internally displaced persons in modern Russian society (based on the materials of the Republic of Buryatia). Abstract. Ulan-Ude. 2007.
10. Putin V.V. Russia: the national question // URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
11. Federal Law of February 19, 1993 N 4528-I "On Refugees" (as amended and supplemented) Article 2 // Guarantor. Legal support // URL: <https://base.garant.ru/10105682/>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Московский Государственный Институт
Международных Отношений Министерство иностранных дел
Российской Федерации (МГИМО)*

День Независимости

10 октября на Кубе отмечают национальный праздник «Día de la Independencia» - «День Независимости»

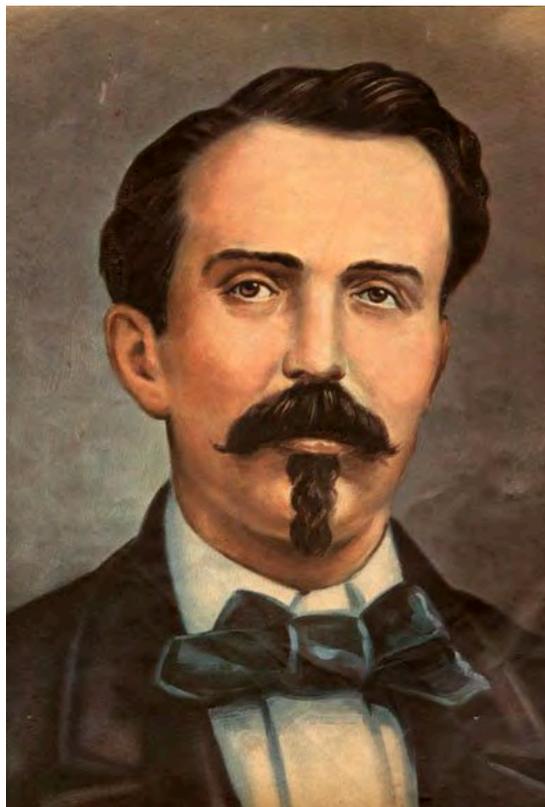
Памятник Карлосу Мануэлю де Сеспедес в Гаване

В 1866-1867 годах на Кубе произошёл экономический кризис.

В результате экономического кризиса положение кубинского населения стало очень трудным. Производство кофе стало не выгодным, цены на сахар значительно снизились. Долги помещиков перед своими работниками значительно возросли. Многие рабочие, ремесленники, предприниматели покидали Кубу. Большинство из них уехали в США. В этих условиях, испанская колониальная администрация извлекала из эксплуатации Кубы огромные доходы, не вкладывая в развитие острова необходимые средства и усиливая репрессивные меры. Например, в 1862 году из бюджета Кубы 44% пошло на содержание испанской армии и флота, 41% составили расходы на административные нужды, 12% от сборов и налогов было направлено в Испанию и лишь 3% были потрачены непо-

средственно на развитие Кубы. Эта картина повторялась из года в год с небольшими изменениями. Испанцы, численностью составляя не более 8% населения острова, присваивали свыше 90% доходов Кубы и управляли страной по своему усмотрению. Большинство местного населения не имело самых элементарных прав, их судили и казнили без суда и следствия. Кубинцам приходилось подчиняться и молчать. Система пошлин и единый налог не давали возможность кубинским производителям покрывать свои расходы и являлись причиной полного разорения. Бесчисленные чиновники, как саранча, захватили остров и пожирали состояние кубинцев и продукты их труда. Испанское правительство не допускало к управлению страной и к государственным должностям лучших представителей кубинского народа. Огромные расходы на содержание испанской армии и флота опустошали бюджет и истощали источники поступления доходов в государственную казну и в частные накопления. Недовольных кубинцев изгоняли за пределы Родины, запрещалась иммиграция белых, процветало рабство.

В восточной части острова положение было наиболее критическим.

В июле 1867 года в городе Баямо, расположенном на середине пути между городами Сантьяго-де-Куба и Ольгин, был создан Революционный комитет, во главе которого стал с один из крупнейших собственников Кубы Франциско Висенте Агилерой. Это был отважный, самоотверженный и культурный человек. Позже он стал вице-президентом Республики. Революционные настроения охватили главные города провинции Орьенто, особенно Мансанильо и Баямо. Руководителем повстанческого движения стал Карлос Мануэль де Сеспедес-и-дель Кастильо, владелец сахарных плантаций и адвокат.

Карлос Мануэль де Сеспедес родился в Баямо 18 апре-

ля 1819 года в семье плантатора. Получил юридическое образование в Барселоне, был человеком большой культуры. Любитель музыки и поэзии, он также прекрасно фехтовал и ездил верхом на лошади. Много путешествовал по Европе. В 1851 году он написал сатирические стихи, направленные против испанского правительства, поддержал кубинцев, восставших против Испании, за что был арестован. Его положение в Баямо было сложным и Сеспедес переехал в Мансанильо. Он приобрел поместье с сахарным заводом «Ла Демахагуа» и открыл адвокатскую контору. В Мансанильо Сеспедес стал руководителем революционеров, действовавших на этой территории. В ответ на его революционную деятельность испанцы захватили сына Сеспедеса Оскара и предложили сохранить жизнь сыну, если Сеспедес примет их условия. Сеспедес ответил: «Оскар не единственный мой сын. Я отец всех кубинцев, погибших за революцию». Оскара расстреляли, а Карлоса Мануэля де Сеспедеса на Кубе стали называть Отцом Родины.

В начале октября 1868 года испанские власти узнали о подготовке к

Карлос Мануэль де Сеспедес призывает к борьбе за независимость.
Провинция Орьенте. Октябрь 1869 год.

восстанию и отдали приказ арестовать Сеспедеса и других руководителей повстанцев. Но Сеспедес успел опередить испанцев и на рассвете 10 октября в своём поместье «Ла Демахауга» перед рабочими сахарного завода он зачитал «Манифест», в котором он объяснил причины восстания и провозгласил независимость Кубы от Испании. Здесь же Сеспедес объявил своих рабов свободными и призвал их присоединиться к борьбе за свободу Кубы. В Манифесте говорилось: «Мы считаем, что все люди равны и хотим освобождения рабов». Документ обличал Испанию, установившую на Кубе деспотичный, невыносимый режим.

11 октября Карлос Мануэль де Сеспедес во главе небольшого отряда патриотов направился в ближайший небольшой город Яра, рассчитывая захватить его. Однако их встретила хорошо вооружённая испанская колонна. В результате сражения повстанцы понесли большие потери. Здесь прозвучал «Призыв из Яра» («Грито де Яра») и начался первый этап освободительной войны.

Сеспедес, собрав оставшихся в живых патриотов, произнёс пророче-

Колонна Освободительной армии на марше.
Снимок периода Десятилетней войны. 1868-1878.

ские слова: «У нас ещё осталось двенадцать человек. Этого достаточно, чтобы сделать Кубу независимой».

Восстание развивалось по всей провинции Орьенте.

13 октября повстанцы заняли восемь селений. Всё больше людей вливались в ряды Освободительной армии, увеличивался запас оружия и повышался авторитет. Сеспедес стал главнокомандующим и продолжил вооружённую борьбу.

Так началась война кубинского народа против испанского колониального господства, продолжавшаяся десять лет. Повстанцы воевали под лозунгом «Независимость или смерть!» Освободительное движение росло. Во главе Повстанческой армии кроме Сеспедеса встали Максимо Гомес и Антонио Масео.

Колониальное правительство объявило войну на истребление, издавало множество декретов, насаждая террор. Эти декреты влекли за собой бесчисленные преступления и выполнялись буквально. Все попавшие в плен повстанцы и все люди, оказывающие им помощь, расстреливались без суда и следствия. Мужчины в возрасте пятнадцати лет и старше, оказавшиеся за пределами своих усадеб и мест проживания и не сумевшие объяснить причины, должны быть расстреляны. Любая усадьба, которая не вывесила белый флаг, будет сожжена. Любая женщина, находившаяся вне предела своего дома или усадьбы, будет схвачена и вывезена для следствия. Корабли, застигнутые в свободных водах неподалеку от Кубы, будут захвачены, а люди с оружием и боеприпасами будут расстреляны. Испанцы обещали сохранить жизнь тем повстанцам, которые сложат оружие, а вместо этого их расстреливали.

Сеспедес был захвачен в горах Сьерра-Маэстро в плен испанцами и 27 февраля 1874 года расстрелян.

Война завершилась через десять лет в 1878 году. 10 февраля 1878 года руководством Освободительной армии был подписан с испанцами компромиссный Санхонский пакт, по условиям которого повстанцы прекращали вооружённую борьбу, а колониальная администрация обязалась со своей стороны внести изменения в административную систему Кубы, не преследовать участников вооружённой борьбы и предоставить свободу рабам.

Десять лет кровопролитных сражений не прошли даром и принесли свои плоды. В боях за свободу Кубы героически сражались вместе белые, негры, креолы, метисы, мулаты. Идея борьбы за независимость Родины объединила самых разных людей - представителей всех рас и всех национальностей. Так укреплялось у кубинцев чувство национального самосо-

знания и формировалась кубинская нация.

В память о начале борьбы за свободу Кубы, о тех, кто сражался за кубинский народ 10 октября на Кубе без развлечений и увеселительных мероприятий отмечается патриотический праздник - День независимости. В этот не рабочий, выходной день по стране проходят шествия и парады. В отличие от аналогичного праздника во многих странах, эта дата означает не обретение независимости, а начало войны за свободу и независимость.

Николай Мануйлов
9 октября 2019 года
Память начинается с зари —
над ее багряным стягом
патриоты клялись драться до конца.
Вся Демахагуа взяла винтовки.

Яра, Яра!
Это имя разрезает глыбу ночи,
это хор многоголосый говорит:
Свободу Кубе!

Память — это звон мачете непокорных,
десять лет борьбы и гнева.
И тогда проснулись горы,
и раздалось всюду: Байре!

И на грозный зов мачете
встала сомкнутая Куба.
Гордый клич: Свободу Кубе!—
тридцать лет, как знамя, реял.

Янки в свой кулак железный
сжали непокорный остров,
но однажды на рассвете
голоса борцов погибших зазвучали снова.

Яра, Байра и Сантьяго.
Так столетье миновало.
Наша Родина свободна!

Пабло Армандо Фернанде

Терновая Л.О.

Профессор кафедры социологии и управления
МАДИ (Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет).

Политический nepoтизм в национальном и глобальном измерениях

Чем сложнее структура мироустройства, тем больше искушений у исследователей упростить картину международных отношений, объяснить ее посредством простых и понятных категорий социальной реальности, в которой отношения между игроками подчиняются четко прописанным правилам. Именно на таких основаниях всегда выстраивались связи между членами семьи. И эти модели транслировались на более высокие уровни общения, сначала местного, потом национального, а сейчас — глобального. Легкость переноса семейного опыта на другие сферы объяснялась тем, что в них часто были задействованы родственные, семейные связи. За такой практикой закрепился термин «nepoтизм» (от лат. *nepos*, род. п. *nepotis* — внук, племянник), отражающий привилегии, предоставляемые родственникам без учета их профессиональных качеств.

У nepoтизма исключительно глубокие корни, передающие энергию самых ранних родовых форм организации людей следующим эпохам. Слово «род» идет от праславянского *rodъ, имеющего близкие понятия древнеиндийском и в древнегреческом языках. Ими передавали смыслы, связанные не только с кровной близостью людей, но и урожаем, ростом, набирающейся силой, а также с тем, что является правильным и истинным. Это отражало прочность родовых союзов и их готовность противостоять другим, как писал в XII в. монах Киево-Печерского монастыря Нестор в «Повести временных лет»: «И восстал род на род, и были среди них усобицы, и начали сами воевать друг против друга...»¹.

Родовые связи составляли ткань ранних обществ. Выпадение из рода было значимо исключением из социума. В древнеримской традиции принадлежность к роду (лат. *gens*) была основанием для римского гражданства. При этом уже в то время род формировался из более четких струк-

¹ Повесть временных лет (Прозаический перевод на современный русский язык в переводе Д.С. Лихачева) // URL:<http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest1.php>.

тур — фамилий (лат. *familia* — домочадцы, челядь, от *famulus* — слуга, служитель). То была не семья в современном понимании, а общность людей по рождению или праву, находящихся под властью *Pater familias* (отец семейства). Включение в римскую *familia* свободных и рабов, людей и имущества создавало основу для особых правоотношений, определяющих границы собственности *familia* и способы ее защиты. Такая общность людей и владений составляет суть представлений об объеме ответственности современных *Pater familias*, которыми могут быть главы и семейств, и корпораций, и государств.

Имеющееся в некоторых славянских языках древнее слово «сѣмь», так же как и *familia*, означало «челядин» или «домочадец». Образованное от него понятие «семья» на каждой новой ступени эволюции социума вбирало новые смыслы и избавлялось от прежних представлений о назначении самой семьи, ее членов, а также от их обязанностей. Мысль о европейской семье народов» можно встретить в договоре о создании Священного Союза (1815), в котором Россия, Австрия и Пруссия названы «триединого семейства отраслями»². Ощущение сплоченности народа в одну семью всегда акцентируется накануне войн и после их окончания. В России соотнесение подданных империи с семьей получает широчайшее распространение в 1914 г. После Февральской революции 1917 г. оно служит агитации на сплочение и по окончании войны. Этот же оборот применялся в советской пропаганде. Он был закреплен юридически в разделе 1 Конституции СССР 1924 г., где говорилось об объединении советских республик в одну социалистическую семью³. Сюжет семейного единства поднимается не только во внутривполитическом контексте, но и международном. В 1963 г. оказался популярным мотив свадьбы двух национальных символов: французской Марианны и немецкого Михеля, как аллегории на Елисейский договор между Францией и ФРГ, означавшим послевоенное примирение этих государств.

Любые изменения социальных ролей внутри семьи очень быстро поднимались от частного до всеобщего уровня. Так, в период формирования национальных государств, когда центральная власть собирала разные народы и земли, возникает выражение «Отец народов». В начале XVII в. его применяли к французским королям Генриху IV и Людовику

2 Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. [В 15-ти т.] / По поручению Министерства Иностранных дел составил Ф. Маргенс. СПб.: Тип. М-ва Путей Сообщения (А. Бенке), 1874 – 1909. Т. 4: Ч. 1: Трактаты с Австрией. 1815 – 1849. 1878. С. 6.

3 Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1987. 265 с.

XIII. С рождением Соединенных Штатов Америки устойчивое словосочетание «отец-основатель» (англ. *The Founding Fathers*) утверждается не только в Америке, но и за ее пределами, особенно там, где состав населения отличался полиэтничностью и многоконфессиональностью. Общий отец-основатель уже одним своим образом скреплял пеструю мультинациональную картину в рамках одного государства.

В СССР начало распространения в пропаганде этого образа происходит благодаря А. Барбусу, который в книге «Сталин» (1935) вводит в политическую мифологию образы «отца народов» и «старшего брата» применительно к Ленину, который «... лежит в мавзолее посреди пустынной ночной площади... бодрствует надо всеми... Он — отец и старший брат, действительно склонявшийся надо всеми»⁴. По отношению к Сталину внедрение образа «отца народов» совпадает по времени с принятием Конституции СССР 1936 г., в которой исчезает понятие «лишенец» и декларируется всеобщее равенство в большой советской семье.

То, что обращение к образу отца происходит во время внутри- и внешнеполитического подъема государства, доказывает и пример Китайской Народной Республики (КНР), где и СМИ часто называли Си Цзиньпина «Си Дада» (дословно — Си Большой), что переводится как «Папаша Си» или «Дядюшка Си». В дополнение к такому наименованию председателя КНР обращение «гому», которое можно перевести как «мать нации», встречается по отношению к его супруге, Пэн Лиюань.

На самом деле, с идентификацией женской семейной роли в образе матери нации на государственном уровне мы встречаемся реже, чем с образом отца. Это объясняется несколькими причинами. Первая восходит к историческому образу Богини матери, известному во многих культурах. Этот образ настолько мощный, что частью его можно считать лишь символическое обращение к Родине-Матери во время суровых испытаний. Вторая причина — более прозаическая. Женщин на вершине государственного управления очень мало. Часто место там им доставалось если не в прямое наследство, то в косвенное после отцов и мужей, чей образ продолжал присутствовать в государственной политике при женщинах-лидерах⁵.

Еще реже можно встретить отсылку к представителям старшего

4 Barbusse H. *Staline. Un monde nouveau vu à travers un homme*. Paris: Flammarion, 1935 // URL:<http://militera.lib.ru/bio/barbusse/index.html>.

5 Терновая Л.О. Гендерное измерение международных отношений и внешней политики // Мир и политика. 2008. № 11. С. 79-88.

поколения в семье — дедушкам и бабушкам. В целом данные образы указывают на ценность традиций, необходимость обращения к истокам рода, чтобы выправить современную ситуацию. Именно поэтому постановка в конце 1960-х гг. на варшавской сцене романтически-драматической поэмы А. Мицкевича «*Dziady*» («Деды»), содержащей уничижительное изображение царской России и знаменитый стих «Моим друзьям-москалям», привела к подъему антисоветских настроений и антисоциалистического движения. Без отсылки к персонализации в мировой экономике известен принцип защиты инвестора от изменения законодательства принимающей инвестиции стороны, а также от различных международных санкций и торговых ограничений. Этот принцип называют «дедушкиной оговоркой» (англ. *Grandfather clause*). Его следует рассматривать как вариацию принципа «закон обратной силы не имеет» по отношению к уже имеющимся отношениям или инвестиционным проектам. История данной дефиниции связана с конституционными поправками, которые были приняты в семи южных американских штатах в период 1895 – 1910 гг. Этими изменениями были обеспечены препятствия для участия в голосовании темнокожих малоимущих и неграмотных американцев, преимущественно бывших рабов и их потомков. Сейчас к «дедушкиной оговорке» прибегают для обхода режима санкций в отношении любых стран.

В отличие от образа дедушки образ бабушки связывается с конкретным человеком — королевой Викторией, имевшей 9 детей и 42 внуков. За это ее прозвали «бабушкой всей Европы». Потомство Виктории не смогло даже на семейном уровне обеспечить мир и согласие. Начавшуюся в 1914 г. Первую мировую войну окрестили войной трех кузенов, так как Георг V, английский король, приходился двоюродным братом Николаю II, русскому императору, поскольку их матери были родными сестрами. Германский император Вильгельм II так же, как и Георг V, был прямым внуком королевы Виктории.

Войти в семью в смысле породниться с ней, можно было по-разному. Один из способов состоял в установлении братских связей, которые предполагают наличие взаимопонимания и взаимодействий на объединяющих началах и в общих интересах. Идеи побратимства востребованы во времена социальных потрясений, когда они воплощают представления о дополнительной социальной защите. Девиз «Свобода, Равенство, Братство» (фр. *Liberté, Égalité, Fraternité*), впервые озвученный Робеспьером в 1790 г., поднимал братство до

всеобщего морального закона, в отличие от побратимства в межличностных отношениях. Возможно, этические побуждения руководили президентом США У.Г. Тафтом, который в 1900 г., вскоре после Испано-американской войны, в ходе которой Соединенные Штаты захватили Филиппины, называл их «Маленьким коричневым братом» (англ. *The little brown brother*)⁶. Оба эти смысла — побратимства и братства — сливались в акциях братания как стихийного личностного порыва прекратить вражду или военные действия, заключив братский союз во время войн и революций.

В СССР с начала 1930-х гг. стало широко применяться выражение «братский народ» не в отношении тех, кто находится по другую линию фронта, а тех угнетаемых масс других государств, кому необходимо протянуть руку помощи. Задачи братской помощи отразились в политической пропаганде и агитации тех лет, их поддерживал Коминтерн, в рамках которого в 1922 г. была создана Международная организация помощи борцам революции (МОПР). Идеи международной солидарности в конце 1937 г. были советским пропагандистами перенесены на национальные процессы внутри государства, когда русский народ стал именоваться старшим братом. 30 декабря 1937 г. в «Ленинградской правде» была опубликована статья А. Садовского «Старший среди равных» Мысль, что народы Советского Союза гордятся своим старшим собратом, первым среди равных в братской семье народов — русским народом, развил ученый, журналист и партийный деятель Б. Волин в брошюре «Великий русский народ»⁷. Но пропагандируемому коммунистами братству очень ярко противостоял блестяще выведенный Дж. Оруэллом в антиутопическом романе «1984» образ Большого (Старшего) Брата (англ. *Big Brother*) — единоличного лидера государства Океания и партии «Ангсоц».

В отношении сестер наблюдается та же гендерная несправедливость, то и в распространенности образов отцов и матерей в политическом смысле. Но свою пропагандистскую нишу символ сестры нашел в искусстве. Он служил для поэтического отображения единства народов разных республик. 7 декабря 1936 г. в «Правде» было напечатано стихотворение поэта, переводчика, литературоведа А. Гатова «Одиннадцать сестер» о входящих тогда в состав СССР одиннадцати союзных республиках. В августе 1975 г. на стыке границ Белоруссии, России и Украины в честь

6 Wolff L. *Little Brown Brother: How the United States Purchased and Pacified the Philippine Islands at the Century's Turn*. New York: Doubleday, 1961.

7 Волин Б.М. *Великий русский народ*. М.: Молодая гвардия, 1938.

дружбы белорусского, русского и украинского народов устанавливается монумент «Три Сестры» (Монумент Дружбы).

Семья — это не только ближняя родня, но и дальняя. По отношению к ним и в реальной семейной жизни можно проявлять большую свободу, которая иногда позволяет выражать некоторую иронию, порой демонстрировать собственную отстраненность от данной персоны, а в некоторых случаях, наоборот, использовать эти образы для консолидации окружения. Пожалуй, лучше всего такие позиции иллюстрируются примером такого представителя семьи, как дядя. Истоком данного образа можно считать Дядю Сэма (англ. *Uncle Sam*), имя которого сложилось из начальных букв английских слов «*Un[ited]*» и «*S[tates]*». Персонафицированным образом США Дядя Сэм стал в период Англо-американской войны (1812). Есть версия, что истоком выражения послужила подпись «U.S.» на бочках с мясом, поставлявшимся на нью-йоркскую военную базу Трой мясником С. Уилсоном. Солдаты в шутку называли это мясо прибывшим от Дяди Сэма. Окончательно фигура Дяди Сэма входит в политическую символику не только США, но и остального мира во время Первой и Второй мировых войн, когда этот образ доминировал на агитационных плакатах, призывавших идти воевать или поддерживать фронт работой в тылу. В каком-то смысле переносом образа дяди из американского политического контекста в советский было прозвище Сталина «*Uncle Joe*» («дядюшка Джо»). Именно его использовали в беседах между собой У. Черчилль и Ф. Рузвельт⁸. Несколько иным был подтекст у неофициального имени основателя независимого Вьетнамского государства Хо Ши Мина, которого вьетнамцы ласково звали «дядюшка Хо». Но то, что так же во время Американо-вьетнамской войны называли американцы, может быть результатом переноса практики, применяемой по отношению к Сталину.

Любое использование образа родственников или семейных связей в политическом плане отражает не только внешний фон, но и те изменения, которые происходят в данном социальном институте. В борьбе за гендерное равенство, за права сексуальных меньшинств семья на Западе, по крайней мере, демонстративно отказалась от многих ценностей, основанных на патернализме и исторически сложившемся распределении обязанностей. Однако на наших глазах наблюдается

8 Костин А.А. «Прощая, Дядя Джо! Здравствуй, Дядя Сэм!»: роль США в развитии отношений Югославии с Западом в 1949 – 1953 гг. // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 4-1. С. 57-68.

смена одной из важнейших тенденций, характерных для западного общества. Социологи отмечают, что группы людей с традиционной сексуальной ориентацией начинают воспринимать себя как угнетенные меньшинства, а гетеросексуальность поддерживается значительным количеством населения⁹. Если вектор процесса сохранится, то и в политической символике возникнут новые импульсы для эксплуатации семейных символов.

Тем более возвратная тенденция в пользу укрепления института семьи, имеет финансовые аргументы. *Bloomberg* ежегодно представляет рейтинг самых богатых семей мира¹⁰. В 2019 г. в него вошли 25 семей, общее состояние которых оценивается в более чем 1,4 трлн. долл. На первой строчке, как и в 2018 г., оказалась семья Уолтон, которая владеет 50% акций сети супермаркетов *Walmart*. Ее состояние достигло 190,5 млрд. долл., увеличившись за год на 39 млрд. На второй позиции семья Марс — наследники основателя кондитерской компании *Mars* Ф. Марса. На третьем месте находятся братья Ч. и Д. Кохи, сыновья Ф. Коха, который в 1940 г. основал компанию, превратившуюся позже в корпорацию *Koch Industries*. На четвертое место эксперты поставили правящую династию Саудовской Аравии Аль-Сауд. Замыкают пятерку богатейших семей мира братья А. и Ж. Вертхаймеры, владеющие парфюмерным домом *Chanel*.

Устойчивости не только института семьи, но и семейных символов во многом способствует то, что исторически одним из главных инструментов власти был династический. Само понятие «династия» (др.-греч. *δυναστεία* — власть, господство) связано с властью. Однако сейчас у династии, как модели правления появился мощный конкурент в лице клана. Так в прошлом наименовались у кельтских народов группы кровных родственников, имеющих общего предка и носящих его имя. Сохранению кланового уклада во многом способствовала приверженность населения традициям, как например, в Шотландии или Англии. Несмотря на широкое распространение термина «клан» в политической лексике, он очень слабо проработан в экономической научной литературе, тогда как в некоторых экономических моделях именно кланы играют ведущую роль. Л.Я. Косалс раскрывает особенности концепции так называемого *crony capitalism*, или «капитализма для своих», разра-

9 Добрынин В. Западное общество начинает менять мнение о гомосексуалистах // «Взгляд» — деловая газета. 2019. 1 июля // URL: <https://vz.ru/world/2019/7/1/985059.html>.

10 The World's Wealthiest Family Gets \$4 Million Richer Every Hour // URL: <https://www.bloomberg.com/features/richest-families-in-the-world>.

ботанной применительно к условиям Латинской Америки, где сформировались устойчивые связи между государственными чиновниками и фирмами, которым бюрократы оказывают покровительство и предоставляют всевозможные преференции¹¹. В работах, посвященных «капитализму для своих», показывается, что эта модель менее эффективна, чем либеральная модель. Клановый капитализм подрывает стимулы к инвестициям и инновациям¹².

В этом поведении кланового капитализма заложены его противоречия не только с логикой экономического развития, но и с основами демократии и индивидуальной свободы как условия социально-политического прогресса. Стоит задуматься, почему специалисты по отношению ко многим известным семьям, оставившим след в истории США и до настоящего времени продолжающим влиять на экономику и геополитику этой супердержавы, чаще применяют термин «клан», а не «династия». К американским политическим кланам относят: Асторов, Вандербильдов, Рузвельтов, Рокфеллеров, Кеннеди, Бушей, Кохов, Адамсов, Гаррисонов, Тафтов, † Куомо, Трампов. † Дефиниция «клан» отражает положение реальной принадлежности политической и финансовой власти в США ограниченному кругу представителей этих семейств. В 1937 г. американский экономист и социолог Ф. Ландберг опубликовал книгу «60 семейств Америки». В ней он пытался доказать, прочность родственных связей в мировой политической элите, протянувшихся от династий Европы к кланам в Америке. Спустя почти век эта версия не потеряла актуальности¹³. Генеалогические изыскания позволяют заключить, что все американские президенты, включая Барака Обаму, но за и исключением восьмого президента США М. Ван Бюрена, являются потомками английского короля Иоанна Безземельного. Они также приходятся друг другу дальними и ближними родственниками¹⁴. Г. Бойд Робертс прослеживает эти связи в своей книге «Предки американских президентов»¹⁵. 34 из 43-х президентов Соединенных Штатов были генетическими потомками Карла Великого, а 19 — прямыми потомками короля английского Эдуарда III. Выборы в США каждый раз выигрывал кандидат в президенты с наибольшим процентом европейских королевских генов.

11 Косалс Л. Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас: Дебаты о культуре и политике. 2010. № 6 (50). С. 179 – 199.

12 Haber S. (Ed.). Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence. Stanford, Hoover Institution Press, 2002.

13 Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М.: Издательство иностранной литературы, 1948.

14 Почти вся мировая элита – родственники // URL: <https://gradator.ru/news/world/1177.html>.

15 Roberts G.B. Ancestors of American presidents. Boston, Massachusetts: C. Boyer, 3rd, 1989.

В отличие от сохранившихся монархических династий семьи из правящей элиты США пропитались духом кланового капитализма настолько глубоко, что династические признаки благородства, рыцарства, нравственности были замещены делячеством, корыстолюбием, стяжательством. И это уже никак не позволяет употреблять термин «династия» по отношению к большинству из таких семейств. При этом политические династии в мире не исчезли. Так, династия Неру-Ганди сохраняет влияние в Индии с объявления независимости государства. Однако у многих таких династий есть угроза перерастания в кланы в силу слабости демократических скреп политической системы, подверженности влиянию кланового капитализма. Примеры ряда стран постсоветского пространства убеждают в том, что несформированность самой династической культуры, с одной стороны, и низкая политическая культура граждан, с другой стороны, создают простор для преобразования новых политических династий в кланы с самыми печальными последствиями и для государства, и для мирового сообщества.

Анализ проявлений политического nepoтизма в национальном и глобальном измерениях позволяет глубже проникнуться в различия между тем, когда семьи как социальные акторы выступают в роли субъектов политических процессов и тем, когда их используют как инструменты решения чьих-то чужих проблем. Также можно увидеть несовпадение политического поведения в моделях, которые отражают разнообразие семейных связей и ценностей, и вариантах политических отношений, построенных на принципах старшинства и уважения жесткой силы, что свойственно клановым порядкам. Однако нельзя идеализировать и семейные символы в международных отношениях, поскольку в некоторых из них можно найти отражение карго-культы, как например, в образе доброго дядюшки. Поэтому и в национальной политике, и в мировой необходим баланс уважения к истокам, включая семейные, и решительных действий сообразно знаниям и умениям и с учетом обстоятельств без оглядки на эти истоки.

Список литературы:

1. Волин Б.М. Великий русский народ. М.: Молодая гвардия, 1938. 47 с.
2. Добрынин В. Западное общество начинает менять мнение о гомосексуалистах // «Взгляд» — деловая газета. 2019. 1 июля // URL: <https://vz.ru/world/2019/7/1/985059.html>.
3. Косалс Л. Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас: Дебаты о культуре и политике. 2010. № 6 (50). С. 179-199.
4. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. Изд. 2-е, доп. М.: Политиздат, 1987. 367 с.
5. Ландберг Ф. 60 семейств Америки. М.: Издательство иностранной литературы, 1948. 565 с.
6. Повесть временных лет (Прозаический перевод на современный русский язык в переводе Д.С. Лихачева) // URL:<http://www.brono.info/dokum/1000dok/povest1.php>.

7. Почти вся мировая элита – родственники // URL: <https://gradator.ru/news/world/1177.html>.
8. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. [В 15-ти т.] / По поручению Министерства Иностранных дел составил Ф. Мартенс. СПб.: Тип. М-ва Путей Сообщения (А. Бенке), 1874 – 1909. Т. 4. Ч. 1: Трактаты с Австрией. 1815 – 1849. 1878. XVIII, 602 с.
9. Терновая Л.О. Гендерное измерение международных отношений и внешней политики // Мир и политика. 2008. № 11. С. 79-88.
10. Barbusse H. Staline. Un monde nouveau vu à travers un homme. Paris: Flammarion, 1935. 321 pp. 1935 // URL:<http://militera.lib.ru/bio/barbusse/index.html>.
11. Haber S. (Ed.). Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence. Stanford, Hoover Institution Press, 2002. 158 p.
12. Roberts G.B. Ancestors of American presidents. Boston, Massachusetts: C. Boyer, 3rd, 1989. 306 p.
13. The World's Wealthiest Family Gets \$4 Million Richer Every Hour // URL:<https://www.bloomberg.com/features/richest-families-in-the-world>.
14. Wolff L. Little Brown Brother: How the United States Purchased and Pacified the Philippine Islands at the Century's Turn. New York: Doubleday, 1961. 383 p.

Bibliography

1. Volin B.M. Great Russian people. M.: Young Guard, 1938. 47 p.
2. Dobrynin V. Western society begins to change their minds about homosexuals // “Vzglyad” - a business newspaper. 2019.1 July // URL: <https://vz.ru/world/2019/7/1/985059.html>.
3. Kosals L. Clan capitalism in Russia // The untouchable reserve: Debate on culture and politics. 2010. № 6 (50). P. 179-199.
4. Kukushkin Yu.S., Chistyakov O.I. Essay on the history of the Soviet Constitution. Ed. 2nd, add. M.: Politizdat, 1987. 367 p.
5. Landberg F. 60 families of America. M.: Publishing house of foreign literature, 1948. 565 p.
6. The Tale of Bygone Years (A prosaic translation into modern Russian by D.S. Likhachev) // URL: <http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest1.php>.
7. Almost the entire world elite is relatives // URL: <https://gradator.ru/news/world/1177.html>.
8. A collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers. [In 15 vols.] / On behalf of the Ministry of Foreign Affairs, compiled F. Martens. SPb.: Type. M-va Ways of Communication (A. Benke), 1874-1909. Vol. 4: Part 1: Treatises with Austria. 1815-1849. 1878. XVIII, 602 p.
9. Ternovaya L.O. The gender dimension of international relations and foreign policy // World and Politics. 2008. № 11. P. 79-88.
10. Barbusse H. Staline. Un monde nouveau vu à travers un homme. Paris: Flammarion, 1935. 332 p. 1935 // URL: <http://militera.lib.ru/bio/barbusse/index.html>.
11. Haber S. (Ed.). Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence. Stanford, Hoover Institution Press, 2002. 158 p.
12. Roberts G.B. Ancestors of American presidents. Boston, Massachusetts: C. Boyer, 3rd, 1989. 306 p.
13. The World's Wealthiest Family Gets \$ 4 Million Richer Every Hour // URL: <https://www.bloomberg.com/features/richest-families-in-the-world>.
14. Wolff L. Little Brown Brother: How the United States Purchased and Pacified the Philippine Islands at the Century's Turn. New York: Doubleday, 1961. 383 p.

Иларионова Т.С.

*Доктор философских наук,
профессор Российской академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
генеральный директор Института энергии знаний.*

Русские евреи в Америке: феномен тройной лояльности

Еврейская эмиграция в США пережила несколько волн. Наиболее многочисленным был выезд из Российской империи - по разным оценкам, он достигал примерно двух миллионов человек¹, только в одном Нью-Йорке поселилось более полутора миллионов евреев из России². Однако и последующие массовые исходы евреев из СССР и позже из Российской Федерации оказали существенное влияние на формирование и развитие общин в США. Дистанции - исторические, психологические, адаптационные - между этими волнами были значительными, они изменили взгляды людей, их повседневную жизнь и отношение к потерянной и обретенной родине.

И вследствие этого вопрос, который задают в открытой печати и в Интернете люди разного социального статуса и разной профессиональной принадлежности: «Кто мы в Америке — русские или евреи?»³, остается по-прежнему актуальным.

Как же оценить самоидентификацию людей, из каких составляющих эта трудно определяемая, плохо уловимая «материя» состоит? Наверное, следует рассмотреть такие факторы, как 1) языковые предпочтения иммигрантов еврейского происхождения; 2) поселенческие традиции; 3) календарные праздники и иные повседневно сохраняемые традиции; 4) включенность в политическую жизнь страны-приема и страны-исхода, а также Израйля; 5) собственные оценки людей своего социального положения.

Языковые предпочтения иммигрантов еврейского происхождения

Евреям из России длительное время очень трудно давался английский

1 Пархомовский М., Харув Д. Сколько евреев эмигрировало из России и когда // Заметки по еврейской истории, №1. 22.01.2013 // URL: <https://litbook.ru/article/2878>

2 Ларин Ю. Евреи и антисемизм в СССР. - Москва : Государственное изд-во; Ленинград: Государственное изд-во, 1929. 29 с.

3 Апелл П. Кто мы в Америке — русские или евреи? // URL: <http://evreimir.com/89913/kt-my-v-amerike-russkie-ili-evrei>

язык, и это неоспоримый факт. Они привезли с собой идиш, этот язык поддерживается в США до сих пор, что усиливается влиянием хасидских общин (также выходцев в значительной степени из бывшей Российской империи и из СССР), имеющих свой взгляд на изучение иврита: они считают, что святой язык не может употребляться в повседневной жизни, он - для Торы, для изучения Торы. Тем самым давалось религиозное обоснование необходимости использовать идиш или русский язык - если речь шла о евреях более поздних волн иммиграции.

В то же время евреи из России привезли с собой жадное стремление учиться, которое было обусловлено историческими обстоятельствами. В России покинуть местечки в черте оседлости было возможно, только если молодым человеком была приобретена квалификация, было получено образование⁴. Это стремление - любым способом (посещая государственную гимназию или обучаясь дома) - получить образование, сдать университетский экзамен, ходить в иешиву и сделаться знатоком священных текстов, на новой родине, в Америке, превратилось в стремление и здесь освоить самые разные квалификации и науки, учить язык. И те новые поколения евреев, что уже на равных с другими этническими группами старожителей США осваивают английский, сохраняя, как возможность найти себе дополнительное применение, и русский язык, и идиш.

В Соединенных Штатах выходит большое количество изданий на русском языке, популярностью пользуются русскоязычные сайты в Интернете. С 1970-х годов эти медиа делаются по преимуществу выходцами из СССР. Потребность в газетах, радио, интернет-телевидении на русском языке сохраняется, потому что все новые и новые прибывающие из России иммигранты нуждаются в бытовой, правовой информации, хотят последние новости получать и по-русски. Так, по-прежнему издаются и находят своего читателя газеты «Русский Базар / Russian Bazaar» (с 1996 года в Нью-Йорке, издатель — Наталия Шапиро)⁵, «Горизонт» (первая и наиболее влиятельная газета, издающаяся на русском языке в штате Колорадо)⁶, «Русская жизнь» (третья по старшинству русская газета в Америке. Издаётся с 1921 года в Сан-Франциско)⁷.

4 Ларин Ю. Евреи и антисемизм в СССР. - Москва : Государственное изд-во, Ленинград: Государственное изд-во, 1929. С. 29-30.

5 https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80

6 [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D1%82_\(%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D1%82_(%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0))

7 [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C_\(%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0_%D0%A1%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D1%8C_(%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0_%D0%A1%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%BE))

Еще более разветвленной стала сеть русскоязычных журналов и рекламных изданий в Америке. В Интернете создан мощный портал «Русский город» с информацией по отдельным крупным городам США на русском языке⁸.

Русский язык жив и при организации и проведении различных массовых мероприятий. Так, США и их еврейские граждане - желанная аудитория для артистов из России, многие из которых также имеют еврейские корни. Евреи-выходцы из России в разных штатах проводят самые разные мероприятия с русским участием. Так, в Колорадо длительное время существуют «Первый Русский Фестиваль Колорадо», «Ежегодный Колорадский Европейский Фестиваль», «Ежегодный Русский фестиваль детского творчества»⁹.

Подтверждением сохранения и использования давно адаптировавшихся в Америке выходцами из Российской империи и СССР еврейскими иммигрантами служат, конечно, облики мест компактного проживания евреев. Это - местные достопримечательности и в то же время обычная среда проживания: вывески на русском языке, русская речь в магазинах и на перекрестках, указатели и граффити на русском.

Евреи уезжали из России и СССР со стойкой уверенностью, что смогут наладить национальную жизнь за океаном, забудут, откажутся от привычек и традиций старой родины. Однако, такой багаж, как язык, такие потребности, как получать новости, информацию на русском, оказались сильнее, и использование языка со временем стало представляться существенным преимуществом - он мог дать дополнительный или даже основной заработок.

Знакомство с американскими студентами в сегодняшней Москве убеждают в силе семейного и языкового воспоминания: как правило, сюда приезжают на стажировку или на учебу в магистратуре те, кто имеет какие-то русские корни, у кого бабушка или даже прабабушка были из России, кто был усыновлен родителями-американцами из России. И этот удивительный феномен лояльности только укрепляет в мысли, что есть в миграции важная скрепа - языковая память, память о месте жительства, память о стране исхода.

Однако интерес и тяга к ивриту у американских евреев-выходцев из России были всегда. У многих народов литературный отличается от обиходного языка. Но у евреев культ иврита был с момента возникновения

⁸ <http://russiantownusa.com/ru/>

⁹ [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D1%82_\(%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D1%82_(%D0%B3%D0%B0%D0%B7%D0%B5%D1%82%D0%B0))

святых книг. И если в России изучение этого языка (особенно в советское время) преследовалось, то именно в Америке люди получили богатую возможность его учить. Для еврея из СССР приобщение к ивриту в Америке стало своего рода актом идентификации с Израилем и в то же время актом принятия США, потому что именно здесь можно было учить язык, читать на нем книги. Знаменитые политики - выходцы из США, которые после Второй мировой войны приехали строить государство на святой земле, в своих воспоминаниях все время обращаются к этой теме - что значил для них иврит, как считали они важным учить его наряду с английским и русским. Такие воспоминания принадлежат, в частности Голде Меир, которая ребенком вместе с родителями покинула Российскую империю, чтобы впоследствии проникнуться сионистскими идеями и переселиться в Палестину¹⁰, где эта женщина в еврейском маскулинном обществе сделала выдающуюся карьеру, была премьер-министром страны, послом в Москве.

Поселенческие традиции

Евреи в США стремились селиться компактно. Как и в России, центром притяжения становилась синагога. Это - одна из российских особенностей. В Европе законодательно устанавливалось, в каких кварталах евреи могли проживать. Именно поэтому образуется большое количество Еврейских улиц в немецких, австрийских, чешских и других городах. В Российской империи в условиях черты оседлости люди вынужденно компактно селились в местечках на обширной территории нынешних Украины, Белоруссии, западных областей России, Молдавии, Литве и Польши. В других же городах, куда после принятых послаблений приезжали евреи, прежде всего крещеные (выкресты), но и те, кто сохранил веру, стремились селиться именно вокруг синагоги. Так, в Перми синагога была открыта в центральной части города в 1850 году, и рядом сформировался еврейский квартал, ныне уже не существующий¹¹.

Это объяснялось также и тем, что синагога была и центром образования, при ней формировались иешивы, а выходцы из России в те годы, занимая в американской социальной иерархии самые низшие ступени, фанатично стремились дать детям образование, помочь им выбиться

¹⁰ Меир Г. Моя жизнь. М.: Издательство: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017.

¹¹ Иларионова Т.С. Пермь - город для жизни национальностей // Этносоциум и межнациональная культура. - 2016. № 4. С. 60-61.

в люди¹². Кроме того, традиция благотворительности, усилившаяся в США, где и в других национальных общинах принято было поддерживать бедных, также служила мощным фактором, чтобы люди стремились жить вместе. Начальный этап формирования этих компактных поселений в США подробно описан Дж.М. Прайсом¹³.

Евреи из России остались по преимуществу городским населением (как известно, в царской России им было запрещено работать на земле). И в США (в отличие от переселенцев в Израиль) они не стремились освоить сельскохозяйственные специальности, занимая ниши ремесленников, банковских служащих, офисных работников и т.д.

В США такое поселенческое поведение привело к формированию в начале XX века многочисленных гетто. Наиболее известными стали районы Нижний Ист-Сайд, Гарлем, позже Брайтон-Бич в Нью-Йорке¹⁴. Брайтон-Бич до сих пор сохраняет свое российско-еврейское лицо. Как отмечают исследователи (в том числе и недоброжелательно по отношению к еврейской иммиграции настроенные), в этих кварталах есть все приметы советского быта. Так, здесь можно увидеть очереди в магазинах, в которых продаются несезонные товары. Здесь не составляет труда купить самогон, и он идет гораздо лучше, чем джин или виски¹⁵.

Этим в значительной степени американские евреи отличаются от тех, кто совершил алию в Израиль. Многие выходцы из России свой путь в новой стране начинали именно в кибуцах, только позже перебираясь в города, причем более привлекательными для жизни новых граждан страны оказывались небольшие города, где было легче решать проблемы с жильем, социальной адаптацией, работой. Хотя, как известно, и в Израиле сложились кварталы русскоязычных. Особенно актуальной эта проблема оказалась для пожилых, кто нуждается в домах для престарелых. В таких городах, как Ашдод, где проживает большое количество выходцев из бывшего СССР, это особенно актуально, и ряд политиков из России, например бывшая министр алии и интеграции Государства Израиль Софа Ландвер, много занималась именно этой проблемой¹⁶.

12 Американцы еврейского происхождения // URL: https://isralove.org/load/3-1-0-1642?utm_source=souru

13 Прайс, Джордж Мозес. Русские евреи в Америке: очерки из истории, жизни и быта русско-еврейских эмигрантов в Соединенных Штатах Северной Америки. С 1881 по 1891 г. - Изд. 2-е. - М.: URSS, 2016.

14 Американцы еврейского происхождения // URL: https://isralove.org/load/3-1-0-1642?utm_source=souru

15 Антропов О.К. История отечественной эмиграции: учебное пособие / М-во образования и науки РФ, Астраханский гос. ун-т. - Астрахань : Астраханский ун-т, 2011. 336 с.

16 <https://www.facebook.com/sofa.landver>

Календарные праздники и иные повседневно сохраняемые традиции

Евреи в США, конечно, включены в повседневную жизнь государства, не ходят на работу, когда отмечаются общенациональные праздники. Но, как верно заметил проживший шесть лет в США композитор А.Б. Журбин, евреи в США имеют настоящую свободу вероисповедания, а русские евреи никогда там не ставят елку, не празднуют Рождество и не верят в Христа¹⁷.

Для евреев, как в Америке, так и в Израиле, сегодня актуальным остается вопрос приверженности вере. Раскол на религиозных и нерелигиозных, на последователей традиционного иудаизма и хасидов явствен и в современной России, но еще более ощутим в Соединенных Штатах и, особенно, в Израиле.

Наличие этого раскола везде, где сегодня есть еврейские общины, парадоксальным образом подчеркивают общность самой диаспоры: на новую почву - и в Америку, и в Израиль - они принесли даже собственные разногласия, достаточно почитать дискуссии на русскоязычных сайтах обеих стран приема, чтобы убедиться в этом.

Русскоязычная иммиграция в США и Израиль - основной костяк взаимодействия с современной Россией, в том числе и в такой области, как помощь единоверцам¹⁸. Многочисленные общины Хабад из США оказывают поддержку религиозным хасидским организациям, присылая книги, проповедников, организуя благотворительные мероприятия, детский отдых, обучающие семинары для российских евреев. То же и в отношении приверженцев традиционного иудаизма: деньги не направляются напрямую, но для служб в синагоге приезжает раввин, как это, например, организовано в Перми¹⁹.

Но все же среди русских евреев много людей секулярных взглядов, хотя стремление сохранять традиции было одним из наиболее сильных мотивов выезда из России. И нельзя не согласиться с Н.Ф.Челищевым, который пишет, что для нерелигиозных русскоязычных евреев вопрос о «еврействе» создает ситуацию неопределенности. «При получении израильского гражданства приходится доказывать свое этническое, кровное еврейское происхождение, свою приверженность к иудаизму. И русско-

17 Журбин А.Б. Композитор, пишущий слова: о себе и своей работе. - М.: Композитор, 2005. 199 с.

18 Морозов В.М. Русскоязычная иммиграция в Израиль как фактор в развитии российско-израильских межгосударственных отношений: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.15 / [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. - М., 2009.

19 Иларионова Т.С. Пермь - город для жизни национальностей//Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 4. С. 60-61.

язычным евреям не просто интегрироваться в израильское общество. Я встречал в Лондоне эмигрантов из Израиля. Они просили убежища в Объединенном Королевстве»²⁰.

По этой же причине сохраняется выезд в качестве «контингентных беженцев» (Kontingentflüchtlinge) в Германию, которая принимает евреев из бывшего СССР с намерением восстановить исторически существовавшую еврейскую общину. В последнее время терминология, правда, изменилась, эта категория новожителей называется в соответствии с германским законом «Jüdische Zuwanderer» - еврейские иммигранты²¹.

Включенность в политическую жизнь страны-приема и страны-исхода, а также исторической родины

Российские евреи в массе своей, как показывает включенное наблюдение, - политически активный слой. Евреи из России в Израиле были значительным примером для других групп этнических эмигрантов из бывшего СССР, например для российских немцев и российских греков. Те длительное время не могли из-за незнания языка страны приема включиться в общественную жизнь, тогда как русскоязычные евреи и в США, и в Израиле пошли по другому пути: основывали русскоязычные союзы (например, Всеизраильская федерация русскоязычных израильтян²², Союз русскоязычных писателей Израиля²³), партии (например, «Наш дом Израиль»²⁴), для того, чтобы отстаивать на новой родине собственные интересы. И, конечно, учили иврит (в Израиле) и английский (в США), чтобы иметь лучшие шансы и в работе, и в политической карьере.

Однако интерес к происходящему в России остается большим. Это по-разному проявляет себя: и в просмотрах российского телевидения, и в посещении концертов артистов из России, и в откликах на события политической жизни в России. В значительной степени симпатии российских евреев к Президенту Российской Федерации В.В.Путину усилились после событий 2014 года в Украине²⁵: тогда многие украинские правые позво-

20 Челищев Н.Ф. Мой самиздат: (эссе и мемуары). - [London] : Anchorprint group, 2018. 132 с.

21 Jüdische Zuwanderer // URL:http://www.bamf.de/DE/Service/Left/Glossary/_function/glossar.html?nn=1363008&lv2=5831828&lv3=4552992

22 <http://www.teleor.net/news/federation/list.html>

23 На пути к истине: сборник произведений бухарских евреев - членов Союза русскоязычных писателей Израиля / [Маркиэл Фазылов - гл. ред.]. - Израиль: Междунар. ассоц. выходцев из Самарканда «Согдиана»; [Б. м.]: Междунар. акад. по развитию технологий, Американское отд-ние, 2013.

24 <http://ndi.org.il>

25 См., например, <https://flash-player.net/video/SkRJPQx2zsM/%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%B4%D1%83%D0%BC%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D0%BE-%D0%BF%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B5-%D0%B8-%D0%BC%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B5-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81>

ляли себе антисемитские высказывания, что вызвало очередную волну еврейского выезда в Израиль и другие страны.

Одним из самых значительных проявлений подобной лояльности по отношению к стране исхода было решение раввинов Израиля о включении в еврейский религиозный календарь 26 ияра - Дня Победы. По инициативе Германа Захарьяева и благотворительного фонда горских евреев СТМЭГИ²⁶ в 2016 году как День Спасения и Освобождения 9 Мая - 26 ияра - был признан наравне Песахом и Рош-га-Шана с тем, чтобы российский праздник и Победа советского народа над фашизмом никогда, по крайней мере, там, где живут евреи, не ставилась под сомнение²⁷.

Оценки людей своего социального положения

К сожалению, в последние годы не было комплексных исследований русскоязычной еврейской диаспоры ни в Израиле, ни в США²⁸. Однако, вряд ли что-то кардинально изменилось в установках людей. Они, как правило, ощущают свое положение как в связи с гражданским, государственным статусом, так и с этническим происхождением, а также в связи со страной прежнего проживания. В 2004 году автору этих строк в ходе социологического исследования в Германии профессор Берлинского Свободного университета сказал: «...Как мы себя идентифицируем? Очень просто: мы – русские евреи, которые живут в Германии»²⁹.

Есть и другие показатели лояльности государству, например, выполнение им обязанностей, какие есть у гражданина. Это касается, прежде всего, несения военной службы. Однако, в случае с евреями - это также неоднозначный фактор, поскольку для значительной части алии служба в армии - почетная обязанность, но для религиозных, напротив, она неприемлема.

%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B5%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%B8-%D0%B8%D0%B7%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BB%D1%8F.html

26 Конференция «Победа в Великой Отечественной войне как историческое событие в жизни еврейского народа»: сборник материалов, г. Москва, 15 мая 2015 г.-26 ияра 5775 г. - М.: Травант, 2016.

27 https://toldot.ru/blogs/toldotplus/toldotplus_2753.html

28 Комплексный мониторинг. Динамика политического поведения русских диаспор в государствах Евросоюза : (на примере Германии, Латвии, Румынии, Эстонии) / [В. М. Скринник и др.] ; Междунар. фонд по работе с зарубежными диаспорами «Россияне». - Москва : [б. и.], 2006; Кенигштейн М. Русское лицо Израиля. Черты социального портрета [Электронный ресурс]. - М.: Мосты культуры, 2007; История российского Зарубежья. Эмиграции из СССР-России, 1941-2001 гг.: сборник статей / Российская акад. наук, Ин-т российской истории; [сост. Тарле Г. Я.]. - М. : Ин-т российской истории РАН, 2007.

29 Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда им.А.Гумбольдта)/Под ред. Чепуренко А.Ю., Гохберга Л.М. - М.: РНИСиПН, 2005.

Проявление лояльности - это и соблюдение законов государства. Но и здесь не все так очевидно: и США, и Израиль принимали евреев, которые находились в конфликте с советскими законами, были диссидентами. Точно так же и сейчас предприниматели-евреи, на которых заводят уголовные дела, получают убежище: страны приема тем самым спасают их от преследования. Не всегда эти новожители ведут себя должным образом на новой родине: безработица, плохая аккультурация часто служат поводом для нарушения закона. Русская мафия, которая в значительной степени была русскоязычной еврейской мафией, уже стала фактом истории США³⁰. Однако переселившийся криминал только подчеркивает общие закономерности миграции: он означает, что социальная структура иммиграции сложна так же, как и ранее в стране прежнего проживания.

Тема многокомпонентной, сложной лояльности евреев из России в Америке - интересное исследовательское поле. Здесь есть что изучать и социологам, и социальным психологам, и социальным философам, и политологам, и этнологам.

Список литературы:

1. Пархомовский М., Харув Д. Сколько евреев эмигрировало из России и когда//Заметки по еврейской истории, №1. 22.01.2013 // URL: <https://litbook.ru/article/2878>
2. Ларин Ю. Евреи и антисемизм в СССР. - Москва : Государственное изд-во; Ленинград: Государственное изд-во, 1929. 29 с.
3. Аппелл П. Кто мы в Америке — русские или евреи? // URL: <http://evreimir.com/89913/kt-my-v-amerike-russkie-ili-evrei>
4. Ларин Ю. Евреи и антисемизм в СССР. - Москва : Государственное изд-во; Ленинград: Государственное изд-во, 1929. С. 29-30.
5. <https://ru.wikipedia.org>
6. <http://russiantownusa.com/ru>
7. Меир Г. Моя жизнь. М.: Издательство: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2017.
8. Иларионова Т.С. Пермь - город для жизни национальностей//Этносоциум и межнациональная культура.- 2016. № 4. С. 60-61.
9. Американцы еврейского происхождения // URL: https://isralove.org/load/3-1-0-1642?utm_source=copy
10. Прайс Джордж Мозес. Русские евреи в Америке: очерки из истории, жизни и быта русско-еврейских эмигрантов в Соединенных Штатах Северной Америки. С 1881 по 1891 гг. - Изд. 2-е. - М.: URSS, 2016.
11. Американцы еврейского происхождения // URL: https://isralove.org/load/3-1-0-1642?utm_source=copy
12. Антропов О.К. История отечественной эмиграции: учебное пособие / М-во образования и науки РФ, Астраханский гос. ун-т. - Астрахань: Астраханский ун-т, 2011. 336 с.
13. <https://www.facebook.com/sofa.landver>
14. Журбин А.Б. Композитор, пишущий слова: о себе и своей работе. - М.: Композитор, 2005. 199 с.
15. Морозов В.М. Русскоязычная иммиграция в Израиль как фактор в развитии российско-израильских межгосударственных отношений: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.15 / [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. - М., 2009.
16. Иларионова Т.С. Пермь - город для жизни национальностей//Этносоциум и межнациональная культура.- 2016. № 4. С. 60-61.
17. Челищев Н.Ф. Мой самиздат: (эссе и мемуары). - [London] : Anchorprint group, 2018. 132 с.
18. http://www.bamf.de/DE/Service/Left/Glossary/_function/glossar.html?nn=1363008&lv2=5831828&lv3=4552992
19. На пути к истине: сборник произведений бухарских евреев - членов Союза русскоязычных писателей Израиля / [Мар-

30 Русская мафия завоёвывает Америку // URL: https://news.rambler.ru/usa/41476337/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

- киэл Фазылов - гл. ред.]. - Израиль: Междунар. ассоц. выходцев из Самарканда «Согдиана»; [Б. м.]: Междунар. акад. по развитию технологий, Американское отд-ние, 2013.
20. <http://www.teleor.net/news/federation/list.html>
21. <http://ndi.org.il>
22. Конференция «Победа в Великой Отечественной войне как историческое событие в жизни еврейского народа»: сборник материалов, г. Москва, 15 мая 2015 г.-26 явря 5775 г. - М.: Травант, 2016.
23. <https://flash-player.net>
24. Воспроизводство научной элиты в России: роль зарубежных научных фондов (на примере Фонда им.А.Гумбольдта)/ Под ред. Чепуренко А.Ю., Гохберга Л.М. - М.: РНИСиПН, 2005.
25. https://toldot.ru/blogs/toldotplus/toldotplus_2753.html
26. https://news.rambler.ru/usa/41476337/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Bibliography

1. Parkhomovsky M., Haruv D. How many Jews emigrated from Russia and when // Notes on Jewish History № 1. 01/22/2013 // URL: <https://litbook.ru/article/2878>
2. Larin Yu. Jews and anti-Semitism in the USSR. - Moscow: State Publishing House; Leningrad: State Publishing House, 1929. 29 p.
3. Appell P. Who are we in America - Russians or Jews? // URL: <http://evreimir.com/89913/kt-my-v-amerike-russkie-ili-evrei>
4. Larin Yu. Jews and anti-Semitism in the USSR. - Moscow: State Publishing House; Leningrad: State Publishing House, 1929. P. 29-30.
5. <https://ru.wikipedia.org>
6. <http://russiantownusa.com/en>
7. Meir G. My life. M.: Publisher: Bridges of Culture; Jerusalem: Gesharim, 2017.
8. Ilarionova T.S. Perm - a city for the life of nationalities // Ethnosocium and interethnic culture. - 2016. № 4. P. 60-61.
9. Jewish Americans // URL: https://isralove.org/load/3-1-0-1642?utm_source=copy
10. Price George Moses. Russian Jews in America: Essays on the History, Life and Life of Russian-Jewish Emigrants in the United States of North America. From 1881 to 1891 - Ed. 2nd. - M.: URSS, 2016.
11. Jewish Americans // URL: https://isralove.org/load/3-1-0-1642?utm_source=copy
12. Antropov O.K. The history of domestic emigration: a training manual / M-in education and science of the Russian Federation, Astrakhan state. un-t - Astrakhan: Astrakhan University, 2011. 336 p.
13. <https://www.facebook.com/sofa.landver>
14. Zhurbina A.B. A composer writing words: about himself and his work. - M.: Composer, 2005. 199 p.
15. Morozov V.M. Russian-speaking immigration to Israel as a factor in the development of Russian-Israeli interstate relations: dissertation ... candidate of historical sciences: 07.00.15 / [Place of defense: Mosk. state Institute of International relationship]. - M., 2009.
16. Ilarionova T.S. Perm - a city for the life of nationalities // Ethnosocium and interethnic culture. - 2016. № 4. P. 60-61.
17. Chelishchev N.F. My samizdat: (essays and memoirs). - [London]: Anchorprint group, 2018. 132 p.
18. http://www.bamf.de/DE/Service/Left/Glossary/_function/glossar.html?nn=1363008&lv2=5831828&lv3=4552992
19. On the way to the truth: a collection of works by Bukhara Jews - members of the Union of Russian-speaking writers of Israel / [Markiel Fazylov - ch. Ed.]. - Israel: Int. assoc. natives of Samarkand "Sogdiana"; [B. m.]: Int. Acad. Technology Development, American Department, 2013.
20. <http://www.teleor.net/news/federation/list.html>
21. <http://ndi.org.il>
22. The conference "Victory in the Great Patriotic War as a historical event in the life of the Jewish people": a collection of materials, Moscow, May 15, 2015. Iyara 26, 5775 - M.: Trent, 2016.
23. <https://flash-player.net>
24. Reproduction of the scientific elite in Russia: the role of foreign scientific foundations (on the example of the A. Humboldt Foundation) / Ed. Chepureno A.Yu., Gokhberg L.M. - M.: RNI SiPN, 2005.
25. https://toldot.ru/blogs/toldotplus/toldotplus_2753.html
26. https://news.rambler.ru/usa/41476337/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

Захарова Е.В.

Доцент, РУДН (Российский университет дружбы народов).

Муссауи-Ульянищева Е.В.

*Кандидат исторических наук, доцент,
РУДН (Российский университет дружбы народов).*

Ульянищева Л.В.

Доцент, РУДН (Российский университет дружбы народов).

Вопросы обучения английскому языку в мультиэтническом окружении

Zakharova E. V.

Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.

Mussauy-Ulyanischeva E. V.

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.*

Ulyanischeva L. V.

Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.

The issues of teaching English in a multi-ethnic environment

Introduction

In the process of learning a foreign language, in addition to mastering the basic grammatical, lexical and phonetic structures, it is necessary to become familiar with those background principles that determine the functioning of a given language in a single country or on a global scale. This is especially true of the English language, which is used as a national, a state and an official literary language by many nations, and acts as the language of international commu-

nication. The process of turning English into a global language, or “globe-anglization”, as V. Kabakchi defined it [1], is observed particularly clearly in the second half of the XX century. A wide range of researchers [1; 2] deals with issues related to the reasons for the triumphal procession of the English language around the globe, while some of them perceive this process as uniquely natural and beneficial [3; 4]. Opponents of this point of view believe that the widespread use of the English language threatens the development of other languages and cultures.

Currently, English no longer belongs to any particular nation. This very fact just reflects its pluricentricity. As Oshchepkova writes, “the duo-centricity (the British and American versions being two centers of linguistic hegemony) gave way to the pluricentricity, which subsequently created the concept of many varieties of English (World Englishes) [5]. It is impossible to consider language and culture as autonomous semiotic systems without taking into account their interaction. As noted by Y. Lotman, “a human being as such is inseparable from culture, in the same way it is inseparable from the social and environmental sphere. Any culture is a device that generates information” [6].

The Russian school of teaching English is traditionally based on the British version. However, due to the fact that the sociolinguistic situation in the UK is complex and contradictory at present, this very situation requires special research in order to form the necessary background knowledge among students. This issue is dealt with in a wide range of works in the field of defining the concept of national identity in relation to the current situation in the UK [7].

Changes in the cultural identity of the English people

At the beginning of the new millennium, the modern society of Great Britain can be seen as both cohesive and fragmented, which is explained, among other factors, by the traditional lack of cultural community between the native inhabitants of the British Isles, namely the English, the Scots, the Welsh and the Irish, as well as by the multi-ethnic composition of the United Kingdom due to the immigrant’s influx in the second half of XX century.

The concept of “Britishness” at the beginning of the new millennium suggests a complex model of socio-cultural self-identification of the ethnic groups inhabiting the country.

The place in the life of Great Britain that these people occupy today, having come mainly from the former colonies of the empire, and the way the process of the adaptation or, on the contrary, of the preservation of their ethnicity, went and goes on, can be determined by the degree of perception of the language of their host country.

The Commonwealth countries immigrants who settled in the British Isles generally accepted Britain as their new homeland, and most of them sought to become its true citizens.

However, the uncertainty of the new status, the various forms of racism that they inevitably faced, and the very fact that these people left their native places, changed their lifestyle, and found themselves in a new cultural environment, resulted in a situation where immigrants tried not only to preserve their ethnicity but also to emphasize it. Of course, not all ethnic minorities perceive their relationship with the host country and with English language in the same way. Each community relies on its own principles and aspirations, its own cultural values and ideas. If we take into account the fact that in Great Britain there are a large number of ethnic communities that are currently at different stages of assimilation and alienation, and if we understand that different generations perceive and will perceive their position in a socio-cultural environment differently, then it will become clear why in recent years the question has arisen so sharply about what the concept of being “British” involves. This is most clearly manifested in the language.

One of the problems is that there are a number of hybrid languages functioning in the British Isles, and these languages either distort the morphological and phonetic characteristics of words (Pidgin English), or represent a creolized (Creole) version of English.

Since the early 60s of the XX century, the ethnic composition of most cities in Britain has changed significantly. A large influx of immigrants from the Commonwealth countries led to the creation of a “multicultural” Britain. On paper, this term looks quite positive, but in reality this is far from it.

Bias and discrimination, both hidden and overt, prevented the full assimilation of many “citizens of the New Commonwealth”. And although it can hardly be argued that any these people or their children would like to become a complete copy of the native British surrounding them, the economic integration requires them to master the generally accepted, Standard English language.

The language they mostly use is one of the most interesting examples of the complex ethnic composition of the modern Britain. Immigrants who came from the West Indies (this is, first of all, Jamaica, but also Trinidad, Guyana, Barbados) were actively involved in the labor market in the post-war years of the 20th century, when the country’s economy began to get on its feet. Those who came to Britain brought with them their cultural traditions, the most important of which was the language. So what was that language like?

Standard English is the official language of Jamaica and many other islands of the West Indies. But most of the inhabitants there speak the so-called Jamaican Creole, a language that developed in the 18th-19th centuries. Slaves brought there from West Africa at that time spoke different languages. In order to communicate, a dialect was formed based on the English language of the ruling class, but using linguistic forms of numerous West African languages. It is this language that basically became known as Jamaican Creole.

Many linguists do not recognize the Creole as a separate language, but consider it an unusual form of Standard English. To a certain extent, this is true, but it is known that people from the West Indies, whose vocabulary is up to 90% of English origin, speak a special language used by those members of their community who want to emphasize their difference from the dominant British culture.

If Jamaican Creole is on one pole, and Standard English is on the other, then somebody born in Britain to immigrant parents from the West Indies is effectively free to take advantage of the language options and subtle aspects located between these poles. The way this person will prefer to speak will depend on the social group he or she belongs to, the generation he represents, and the level of his assimilation.

Unlike the Jamaican Creole, the Pidgin English, brought from China, has not undergone the process of creolization. This confirms the assertion that not all ethnic minorities equally understand their relationship with the host country, and the degree of assimilation and alienation varies. In no way does this situation manifest itself so clearly as in the language.

Initially, immigrants from China did not attach much significance to their successful integration into the local community.

The fact that the Chinese population living in the UK did not traditionally consider this a priority is clearly seen in the example of Liverpool, which has the largest Chinese population in the British Isles (0.4% versus 0.3% for the rest of country).

In Liverpool, the Chinese community uses English much less than other ethnic minorities living in the city. We can list a whole range of reasons explaining this state of affairs: a significant structural difference between English and Chinese, the hope of many people to eventually return to their homeland, the desire to preserve the cultural heritage and, finally, the fear of losing face because of poor English.

Whatever the reasons, the older generation of the Chinese population of Liverpool has not reached high prestigious positions in the socio-economic life of the city and its use of English is still very restrictive

On the other hand, their children, whether born in Britain or not, speaking Chinese with their parents at home, learn English at school and use it widely outside their community.

This bilingualism can influence the way the younger generation of Chinese people recognize their status in Liverpool's modern life. Being supported by the knowledge of their parents' traditions and by the understanding of the current British reality, these young people seem to be more confident in themselves than their fathers and grandfathers, and are not afraid to protect and increase the prestige of their ethnic community. So, for example, one of the main events of Liverpool's socio-cultural life was the celebration of the Chinese New Year, and the street names in Chinatown can be seen in two languages.

But at the same time, these young Chinese people face problems that are different, on the one hand, from those their parents faced and, on the other, from those that other ethnic minorities of the city have. Apart from self-confidence, bilingualism also brings the feeling of some loss as well. Third-generation Chinese people living in the UK perceive (or deny) their British identity differently than the third generation of those who hail from the West Indies, India or Ireland, because they have different family, religious and cultural values. It is not easy to draw global conclusions while using such relatively small communities as an example and ignoring the complexity of the political and social problems associated with languages and ethnicity.

Multilingualism of the British Isles

Thus, we can say that immigrants from the countries of the Commonwealth added a new linguistic diversity to the life of modern Great Britain. Currently, more than 5,000 thousand people speak Punjabi, almost a third of a million speak Gujarati, and about 100 thousand speak Bengali. These languages have entered the life of modern Britain, so if, for example, you can see road signs and signboards in East London using other languages alongside English, then we can be sure that English now exists in the British Isles in a multilingual environment, affecting it and at the same time being exposed to it.

Studies show [8] that only 15% of the UK students speak a language that their teachers consider "correct" English. The rest of them use twenty different English versions used in the British Isles, forty-two varieties of English from other countries, and fifty-eight languages existing across the globe.

Another study found that in the country, alongside English, at least twelve more languages are used by population groups amounting to more than one hundred thousand people.

Such statistics, indicating linguistic diversity, may seem unexpected, be-

cause we are talking about the homeland of the most successful world language. However, one fifth of the country's population (about 12 million) perceives itself as a regional or ethnic minority in the United Kingdom. In recent years, the problematic relationship between the state and these social strata has become one of the most important challenges of modern British reality.

Linguistic awareness of changes in the process of learning English as a foreign language

Any language, being the main device of a nation identity, needs to be protected and preserved. The "erosion of the English language" in the UK, the blurring of its norms due to numerous contacts with other linguistic cultures, and the lowering of the standards for the correct use of English in oral and written speech is a matter of concern for a wide spectrum of society. The result of this concern is letters sent to some substantial publications and such quality newspapers as *The Times*, *The Independent*, *The Daily Telegraph*, *The Guardian*, and *BBC*, which have long been considered guardians of the "correctness" of the language. However, it seems that the future lies in greater linguistic tolerance, which does not exclude the need for adequate knowledge of "standard" English for successful functioning in modern British society.

A good knowledge of English is still one of the main components of modern British education, even for those who do not speak English in the household or outside the school.

In this regard, the attitude regarding the educational value of studying the works of William Shakespeare is becoming a typical one. It is hard to imagine that Shakespeare's language can be a viable means of communication in the 21st century. However, his language is considered the pinnacle of British culture, and one cannot deny the argument that in his poetry and dramaturgy Shakespeare was able to convey the essence of the English (although not British) identity. Consequently, young people living in the UK, regardless of their ethnic background, should be familiar with his work in order to be able to appreciate the history and the very society of which they are a part.

This point of view also has its opponents who support removal of Shakespeare's texts from high school programs.

British researchers note [9] that in recent decades, certain changes in the status of literary English (Standard English) can be observed in Scotland, Wales and Northern Ireland, due to the growth of national identity of the population of these historical regions of the Kingdom.

According to the English linguist P. Trudgill [10], the Standard English (Scottish Standard English or SSE) in Scotland is virtually identical to the Stan-

dard English elsewhere. As elsewhere, it has its own national vocabulary peculiarities. They can be both neutral, for example, *outwith* (outside), *pinkie* (little finger), *doubt* (think, suspect), and conditioned by culturological reasons: *haggis* (sheep entrails), *sheriff substitute* (acting sheriff), *landward* (rural).

There are few grammatical differences, mainly relating to the system of modal verbs, where such verbs as *shall* and *ought* are absent, and *must* and *may* are rare. The phonetic features of Scottish English include rhotacism, pronunciation of the combination of *ch* as /x/, and some others.

SSE is the language of administration, education, media, and business. However, attempts have recently been made to improve the status of the Scots language, which is associated with the growth of the national self-identification of the Scottish people. It is believed that being the main means of Scots identity, only the Scots language embodies the vision of the world inherent in the local population. However, Scots is unlikely to have a great future, and the urge to represent Scots as a national language is obviously doomed to failure, since most perceive Scots not as a separate language, but as a distorted version of SSE with low social prestige.

The English language in Wales (Welsh English) is one of the two official languages of that country. From a linguistic point of view, this variety of language is under the considerable influence of the Celtic substrate, which is manifested most clearly in phonetics, namely, melodious intonation, rhotacism, etc. But from the standpoint of public importance, English still dominates, and it is not possible to consider Wales as a truly bilingual country, since for the industrial south (areas of Cardiff, Swansea, Glamorgan County), where more than half the population lives, the Welsh language is non-indigenous and is perceived as a foreign one.

Ireland is divided both politically and linguistically. Irish English, sometimes called Hiberno-English, has a number of specific features in Northern Ireland. One of them is the presence of the forms of the Scottish English, which is explained by the massive settlement of the northern regions of the country by immigrants from the southern Scotland (Scottish Lowlands) and the simultaneous resettlement of the local population during the conquest of the island by the Cromwell troops in the mid-seventeenth century [11].

This complex mosaic of the socio-linguistic situation in the modern Britain requires consideration of some other problems, among which the following can be emphasized:

1. The idea of national self-identification existing against the background of the creation of supranational institutions, including the European Union, and the growth of nationalist sentiments within the country. The relationship

of national identity with other social and cultural characteristics of individual and collective nature.

2. The emergence of youth culture and its heyday in British society in the 60s of the XX century. The phenomenon of the Beatles, hippies, and environmental campaigns. Changing the role of women in society in the second half of the XX century.

3. The revival of Celtic nationalism.

4. Manifestations of the weakening of the Great Britain's role in the world: secondary positions in the global economy and trade; submission to the US military machine in the area of foreign policy.

5. A less stable position of the country's traditional institutions: the cracked prestige of parliament and the monarchy; the decline in the importance of the Established Church.

6. Relations between Great Britain and Europe. A negative approach to the idea of European integration.

Conclusions

All this must be taken into account when training translators in the field of professional communication, which is important social service procurement, aimed at promoting intercultural integration. Bilingualism and multilingualism has become an integral feature of the XXI century professional.

The professional training of translators in the spirit of the principles of the Bologna process requires a modification of the teaching function, in which the preservation of semantic equivalence and the expansion of interethnic background knowledge is becoming a dominant factor, which is a guarantee of successful inter-lingual and intercultural communication.

Bibliography

Список литературы:

1. Kabachki V.V. Globalization, "globe-anglization" and intercultural communication. Language in the paradigms of humanitarian knowledge: XXI century. Collection of scientific articles. – St. Petersburg: Publishing house of SPbUEF; Lingua Publishing House, 2009.
2. Ter-Minasova S.G. War and Peace of languages and cultures // Questions of theory and practice of interlingual and intercultural communication. – Moscow: Astrel, 2007.
3. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: CUP, 2003.
4. Farrell M., Rossi F., Ceriani R. The World of English. — Longman, UK, 2008.
5. Oshchepkova V.V., Language and culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, and New Zealand. – Moscow; St. Petersburg: GLOSSA-KARO, 2006.
6. Lotman Y.M. A text in a text. Selected articles in 3 vols. — V. 1. - Tallinn, 1992.
7. Zakharova E.V. To the question of the definition of the concept of "national identity" in relation to the current situation in the UK. — Personality in intercultural space: Proceedings of the Fifth International Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of RUDN University. Moscow, November 18-19, 2010 – Moscow: RUDN, 2010.
8. Storry Mike. British Cultural Identities. — London, 2002.
9. Price G. The Languages of Britain and Ireland. — Blackwell, 2000.
10. Trudgill P. The Dialects of English. — Blackwell, 1999.
11. Jenkins S. Britain. A Short History. Oxford, 2001.

Алиев У.С.

*Кандидат юридических наук,
магистр психологии, соискатель кафедры
международной безопасности и внешнеполитической деятельности
России Факультета национальной безопасности
Института права и национальной безопасности РАНХиГС
(Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации).*

Проблемы в реализации военно-политической интеграции евразийского пространства

Введение

Современный этап мирового развития состоит в формировании нового мирового порядка. Неизвестно, каким будет этот порядок через несколько десятков лет. Сейчас уже можно предположить, что это может быть многополюсный, полицентричный или многосторонний мир [7]. Наши исследования дают основания полагать, что основными чертами этого мира, как минимум на этапе его становления, будут конфликтность, неопределенность, нестабильность и некоторые другие. Эти черты заставляют государства мира больше, чем раньше, внимания уделять своей безопасности. В периоды стабильности и экономического роста у всех стран первичным считался экономический фактор развития. Но сегодня на первый план выходит безопасность, спокойствие за завтрашний день. Поэтому государства мира стали особое внимание уделять военно-политическому фактору своего развития, включая военно-политическое сотрудничество [8].

На евразийском пространстве существуют несколько организаций, которые занимаются развитием военно-политического сотрудничества стран региона. Это самая большая из существующих организаций – СНГ, в которую входит одиннадцать постсоветских стран. Это и Союзное государство России и Белоруссии, в котором идет очень насыщенная работа в секторе безопасности. Вопросы безопасности имеются в повестке дня и Шанхайской организации сотрудничества, однако в эту организацию входят не только постсоветские страны, но и Китай, Индия и Пакистан. Полагаем, что основной на этом направлении явля-

ется Организация Договора о коллективной безопасности. Поэтому в данной статье мы рассмотрим только те проблемы, которые выявились в деятельности ОДКБ.

Проблемы

Военно-политическая интеграция представляет собой выработку общих принципов поведения на международной арене в поисках союзников в сфере обороны, четких этапов регионального военного строительства, в конечном итоге сосредоточенных на создании единого оборонительного пространства. Организация Договора о коллективной безопасности в настоящее время объединяет страны, которые географически находятся в сердце Евразии - Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию, Таджикистан и Узбекистан. Рассмотрим проблемы, которые можно обнаружить в деятельности ОДКБ.

Одной из важнейших имеющихся в деятельности ОДКБ проблем является то, что данная Организация ни разу не принимала боевого участия в разрешении конфликтов на территории СНГ, не говоря уже о дальнем зарубежье. Наиболее ярким примером данного обстоятельства является неразрешенный конфликт между Арменией и Азербайджаном. Нагорно-Карабахский конфликт начался еще в далеком 1988 г., но и по сей день он еще не разрешен. В документах ОДКБ подтверждается необходимость исключительно мирного решения Нагорно-карабахской проблемы. Не будем забывать, что Армения состоит в ОДКБ, а Азербайджан нет. Однако по отдельным вопросам Азербайджан сотрудничает с другими участниками ОДКБ, может быть, даже более глубоко, чем Армения. Хорошо известно, что Россия поставляет Азербайджану значительные объемы оружия. Президент Азербайджана И. Алиев в сентябре 2018 года сообщил, что Азербайджан закупил в России военную продукцию на более чем 5 млрд. долларов [9].

Еще одна проблема состоит в организационной нечеткости ОДКБ. А. Ширинян из британского Четэм-хауз утверждает, что ОДКБ может представлять для Армении больше забот, чем пользы [1]. Автор обращает внимание на то, что Организации с трудом удалось назначить нового Генерального секретаря – представителя Армении. Он также подчеркивает, что Белоруссия и Казахстан, по всей видимости, имеют особые связи с Азербайджаном, хотя Баку, в отличие от Еревана, не входит в ОДКБ. Однако при более детальном анализе можно выявить, что

Белоруссия сильно заинтересована в азербайджанских углеводородах, а Казахстан – в транспортировке своей нефти через азербайджанские возможности.

А. Ширинян отмечает также, что Армения является единственной страной из ОДКБ, которая участвует в миротворческих операциях НАТО. И на эту проблему тоже можно посмотреть с другой точки зрения. ОДКБ несколько раз обращалась к НАТО с предложениями о сотрудничестве, но Альянс их игнорирует. Может быть, Армения могла бы выступить мостом в сотрудничестве двух организаций? Для участия в миротворческих операциях НАТО армянские вооруженные силы должны соответствовать западным стандартам. Можно было бы сравнить эти стандарты с принятыми в ОДКБ и тем самым сделать шаг в направлении сближения, ведь сотрудничать, говоря на разных военных языках, невозможно.

В продолжение этой проблемы: отмечается осторожное отношение России к стремлению евразийских союзников к созданию альянсов с западными партнерами или их соседями за пределами СНГ. За последние двадцать лет Азербайджан и Казахстан наладили успешное партнерство с Турцией. Иран рассматривается как стратегический партнер Казахстана, особенно в сфере торговли ураном. Такие действия сопровождаются прямыми иностранными инвестициями, дешевыми западными кредитами, современными технологиями, то есть именно тем, чем не так богата сама Россия. Можно сказать, что это проблема не только ОДКБ. В НАТО американцы очень встревожились, когда Турция решила закупать у России зенитные ракетные комплексы С-400 и, возможно, истребители СУ-57. Другими словами, ни в каких военно-политических союзах не любят, когда кто-то из его членов смотрит в другую сторону.

Очередную проблему выявил А. Тиханский, который говорит о функционировании в рамках ОДКБ не целостной организации, а как бы нескольких клубов по интересам (Россия — Белоруссия, Россия — Армения, Россия — государства Центральной Азии), где центральным звеном является Россия. Такая раздробленность может объясняться как географическими причинами, так и разницей стоящих перед данными государствами угроз национальной безопасности [2]. Причиной данной проблемы А. Тиханский считает отсутствие единой политической платформы, общих военно-политических целей и согласованного понимания

общих вызовов и угроз. Он формулирует разные угрозы для каждого из трех выше названных клубов, а если угрозы разные, то разные будут и способы противодействия им.

Целый ряд важных проблем в деятельности ОДКБ поднимает и Ю.А. Никитина [4]. Она констатирует имеющееся в западной экспертной среде мнение, что Организация нацелена, в первую очередь, на консервацию входящих в нее режимов. Важным в связи с этим представляется различать термины «стабильность» и «безопасность». Как только в официальных документах ОДКБ появляется упоминание о «стабильности», западные комментаторы тут же пишут о стремлении законсервировать существующие режимы. Здесь можно говорить о некотором двуличии Запада, ведь сам он хотел бы жить в стабильном мире. Если заглянуть в Стратегию национальной безопасности США 2017 года, то слово «стабильный» и однокоренные с ним используются в документе 26 раз! Но о своей консервации американцы почему-то не говорят.

Другое обстоятельство, которое настораживает западных экспертов, - это распространенное мнение в отношении ОДКБ как инструмента России в ее деятельности по подчинению соседних евразийских стран своим интересам. Российским политикам нужно обратить внимание на эту проблему, потому что малые и даже средние государства очень внимательно следят за реализацией своих национальных интересов. Но и сами эти страны должны думать о своем развитии, а не ждать подарков из России. А такая позиция иногда замечается. Например, на саммите СНГ в Молдавии в 2009 году Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко спросил у тогдашнего российского вице-премьера А. Кудрина: «Россия - богатая страна. Поэтому чем вы можете помочь нам всем?» [10].

С этой проблемой связана и другая, а именно возможный отказ от принципа консенсуса при принятии решений в рамках ОДКБ. Иначе страны становятся несговорчивыми, понимая, что их вето закрывает вопрос. Но зарубежный опыт свидетельствует о том, что в новых условиях быстрых изменений, неопределенности и конфликтности уход от консенсуса становится почти неизбежным. Альтернативой является создание временных военных коалиций взамен постоянно действующих военных союзов. России не стоит упускать из виду эту возможность. Временные военно-политические коалиции в определенных ситуациях могут быть эффективными.

Еще одна проблема в ОДКБ связана с плохой организацией информационной политики Организации. Недостаточно прозрачен и процесс

принятия решений в ней, поэтому некоторые заявления представителей стран-участниц на предварительных этапах мероприятий ОДКБ не всегда соответствуют принятым окончательно решениям. Из этого факта на Западе раздуваются информационные поводы для внесения раздора между странами-членами Организации. Решить эту проблему не так сложно. Для этого надо уделять больше внимания освещению предварительных позиций государств-членов и в дальнейшем информировать общественность о преодолении противоречий между ними. Сегодня, пожалуй, не найти ни одной военно-политической организации, в которой бы не было серьезных противоречий. Можно напомнить, что Президент США Д. Трамп назвал НАТО «устаревшей» [11]. Это естественно в эпоху резких перемен, которые имеют место быть сегодня. Поэтому скрывать проблемы или делать вид, что их нет, было бы неправильно и несвоевременно.

Проблематику функционирования ОДКБ поднимают и соавторы О.Н. Малиновский и И.Ю. Пащенко [5]. Они отмечают, что военное присутствие ОДКБ базируется сегодня лишь на территории стран-участниц организации. В отличие от этой ситуации силы и средства НАТО постоянно приближаются к границам ОДКБ,двигаемые волнами расширения. Североатлантический альянс уверенно продвигается на кавказском, азиатском и каспийском направлениях. ОДКБ же территориально не развивается, хотя несколько стран находятся в Организации в качестве наблюдателей. Как представляется, активная территориальная экспансия не должна стать целью развития ОДКБ. Даже в НАТО есть довольно значительные силы, которые считают продвижение Альянса к российским границам ошибкой. Проглотив почти 30 стран, НАТО не может их как следует переварить. Особенно сильно негодует по этому поводу Д. Трамп, который пытается заставить союзников платить больше в бюджет Организации.

Еще одну проблему указанные исследователи видят в состоянии правовых основ сотрудничества в рамках ОДКБ. Нормативные акты ОДКБ в большинстве случаев не содержат необходимых механизмов реализации. Достаточно вспомнить кризис в Киргизии 2010 года, когда ОДКБ отказалась участвовать в урегулировании ситуации, ссылаясь на то, что ей это не позволяет нормативная база. Впоследствии были внесены соответствующие изменения в документы ОДКБ. Организация фактически осталась в стороне от киргизского, грузино-осетинского и украинского конфликтов. Характерным в этом плане является непризнание Абхазии

и Южной Осетии союзниками России по ОДКБ, что может свидетельствовать о принципиальных противоречиях между странами-членами Организации по этому вопросу.

Еще одна проблема, которая не ускользает от О.Н. Малиновский и И.Ю. Пащенко, состоит в том, что в современных военно-политических блоках особое место уделяется гуманитарному сотрудничеству. Взаимодействие в этом направлении позволяет наладить сотрудничество в сферах, соприкасающихся с военно-политической областью. Например, НАТО очень активно развивает образовательное направление. Достаточно зайти на официальный сайт НАТО, чтобы это заметить [6]. Предлагаются различные конкурсы, конференции, в которых могут принять участие студенты, аспиранты, молодые ученые из различных стран мира. И еще бросается в глаза очень активная работа НАТО с молодежью, что вполне понятно с учетом перспективности в будущем этой аудитории.

Наконец, следует отметить не только уже имеющиеся проблемы, но и вызовы, которые завтра перерастут в проблемы, если не находить им ответы сегодня, а еще лучше было бы предусмотреть их возможное появление вчера. М. Александров к таким вызовам относит рост угроз международного терроризма, этно-национального сепаратизма и религиозного экстремизма [3]. Особую опасность для членов ОДКБ представляют боевики, которые уехали из стран региона в Сирию и другие воюющие государства и после поражения запрещенного в России ИГИЛа могут вернуться на родину. Всего по оценке экспертов мобилизационный потенциал различных незаконных формирований в Центрально-Азиатском регионе составляет до 120 тысяч человек. Имея значительный опыт террористической деятельности, они потенциально могут представить серьезную угрозу безопасности евразийских стран.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить несколько проблем в деятельности ОДКБ. Одна из них - неполная готовность ОДКБ к противодействию транснациональным угрозам. Имеются и организационные проблемы, связанные, например, с назначением Генерального секретаря ОДКБ. Непропорциональны расходы стран-участниц на содержание ОДКБ. Организация иногда рассматривается как клуб по интересам, в котором Белоруссии не очень интересно, что происходит в Центральной Азии или Армении, и наоборот. Многих экспертов и поли-

тиков беспокоит монополизм, если не гегемонизм, России в ОДКБ. Наконец, к слабым сторонам деятельности ОДКБ можно отнести ее гуманитарную составляющую.

Список литературы:

1. Shirinyan A. For Armenia, an Alliance That May Be More Trouble Than It's Worth. 24 January 2017 // URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/armenia-alliance-may-be-more-trouble-it-s-worth>
2. Тиханский А. Угрозы ОДКБ // URL: <https://www.sonar2050.org/publications/vneshnie-i-vnutrennie-ugrozy-odkb/>
3. Александров М. ОДКБ: угрозы и перспективы. 17-01-2018 // URL: <https://politikus.ru/articles/politics/103793-odkb-ugrozy-i-perspektivy.html>
4. Никитина Ю.А. Взаимодействие в рамках ОДКБ: проблемы консенсуса (анализ оценок западных экспертов) // URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/170>
5. Малиновский О.Н., Пашченко И.Ю. Проблемы развития ОДКБ и повышения ее роли в обеспечении коллективной безопасности в Евразии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 3/1. С. 17-21.
6. Education and training // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49206.htm?selectedLocale=en
7. Михайленко А.Н. Современный этап в формировании полицентричного мира // Вопросы политологии. 2019. № 1 (41). С. 83-94.
8. Михайленко А.Н. Фактор безопасности в современном мировом развитии // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 2 (116). С. 26-46.
9. Азербайджан купил у России оружия на пять миллиардов долларов, заявил Алиев // URL: <https://ria.ru/20180901/1527658900.html>
10. Лукашенко не знал, что получил от России три миллиарда долларов // URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=319777>
11. Santora M. Trump Derides NATO as 'Obsolete.' Baltic Nations See It Much Differently // The New York Times, July 11, 2018.

Bibliography

1. Shirinyan A. For Armenia, an Alliance That May Be More Trouble Than It's Worth. 24 January 2017 // URL: <https://www.chathamhouse.org/expert/comment/armenia-alliance-may-be-more-trouble-it-s-worth>
2. Tikhansky A. Threats of the CSTO // URL: <https://www.sonar2050.org/publications/vneshnie-i-vnutrennie-ugrozy-odkb/>
3. Alexandrov M. CSTO: threats and prospects. 01-17-2018 // URL: <https://politikus.ru/articles/politics/103793-odkb-ugrozy-i-perspektivy.html>
4. Nikitina Yu.A. Interaction within the framework of the CSTO: consensus issues (analysis of assessments by Western experts) // URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/170>
5. Malinovsky O.N., Pashchenko I.Yu. Problems of the development of the CSTO and increasing its role in ensuring collective security in Eurasia // Historical and socio-educational thought. 2016. Volume 8. № 3/1. P. 17-21.
6. Education and training // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49206.htm?selectedLocale=en
7. Mikhailenko A.N. The modern stage in the formation of a polycentric world // Questions of Political Science. 2019. № 1 (41). P. 83-94.
8. Mikhailenko A.N. Safety factor in modern world development // Ethnosocium and interethnic culture. 2018. № 2 (116). P. 26-46.
9. Azerbaijan bought weapons from Russia for five billion dollars, Aliyev said // URL: <https://ria.ru/20180901/1527658900.html>
10. Lukashenko did not know that he received from Russia three billion dollars // URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=319777>
11. Santora M. Trump Derides NATO as 'Obsolete.' Baltic Nations See It Much Differently // The New York Times, July 11, 2018.

Система образования как канал рекрутирования политической элиты во Франции

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32174.

Введение

В статье проанализирована роль системы образования как канала рекрутирования политической элиты во Франции в период с 1958 г. по 2019 г. На основе широкого биографического материала сформировано представление о том, в каких учебных заведениях и по каким специальностям прошли обучение представители политической элиты Пятой Французской Республики. В статье содержатся ответы на вопросы о наиболее важных, с точки зрения включения в политическую элиту, высших учебных заведениях и специализациях.

Французский случай выбран неслучайно. Франция интересна тем, что система подготовки высших управленческих кадров в этой стране выстраивалась целенаправленно, путем реформирования, создания специализированных учреждений и курсов. Соответственно, важно понимать, возымели ли государственные меры успех, была ли создана эффективная система рекрутирования управленцев и политиков.

Применительно к данной статье будет использоваться формально-легальное понимание термина «политическая элита». Не умоляя роль административной бюрократии, депутатского корпуса и экономических кругов в формировании политического курса большинства государств, в статье под политической элитой будет пониматься верхний эшелон государственных служащих: президент, премьер-министр, члены кабинета министров. Это продиктовано методологическим предположением, что для такого канала рекрутирования как общность образования необходимо личное знакомство между выпускниками одного учебного заведения. С учетом многочисленности административного класса и депутатского корпуса во Франции (совокупное число государственных функционеров

на разных уровнях составило в 2016 году 3,8 миллиона человек, что является самым высоким показателем в Западной Европе) [16] даже на современном этапе это представляется нереалистичным, не говоря уже о более продолжительных периодах.

Система высшего образования во Франции

Профессор политологии Принстонского университета Эзра Сулейман в своих работах об административной и политической элитах во Франции в период Пятой Республики отмечает, что «немногим государствам удалось так институционализировать процесс образования элит, как это произошло во Франции» [12]. Действительно, окном вхождения политический класс Франции может выступать один из ключевых институтов политической профессионализации: партия, система политического образования, политические медиа, институт репрезентации групповых интересов. Эзра Сулейман подчеркивает, что ключевым институтом в процессе формирования политической элиты является французская система образования [13].

Система высшего образования состоит из государственных университетов и институтов, 216 специализированных Высших школ [14], а также частных институтов (в том числе 5 католических школ), около 50 инженерных школ и 60 институтов торговли и управления. Большинство студентов (82%) проходят обучение в государственных высших учебных заведениях.

Поступление в государственные университеты во Франции не требует сдачи экзаменов, что соответствует духу равенства возможностей, который французская система образования сохранила еще с 19 века. При этом поступление в Высшие школы требует сдачи сложных экзаменов, к ним готовятся на специальных двухгодичных курсах. На одного студента таких курсов государство в среднем в год тратит 15,8 тыс. евро, что на 53% больше, чем затрачивается в среднем в год на студента университета [14].

Высшие школы разнообразны по направлениям подготовки, но отдельно стоит выделить три из них:

Политехническая школа (*École polytechnique*), основанная в 1794 г., признанная лучшей французской Высшей школой в науке и технологиях, занимает второе место во Франции по версии рейтинга *QS World University Rankings* [11].

Институт политических исследований (*Sciences Po*) основанный в 1872 г., по оценкам *QS World University Rankings* занимает 3 место в мире по направлению «политология и международные отношения», уступая Гарвардскому и Оксфордскому университетам [10]. Формально он не яв-

ляется Высшей школой, так как не входит в Конференцию Высших школ, однако, с исследовательской точки зрения, можно отнести его к этой категории в связи со сложным отбором при поступлении.

Национальная школа Администрации (École nationale d'administration, ENA), созданная в 1945 году с целью сделать более демократичным доступ к высшим административным должностям и более профессиональным процесс подготовки управленческих кадров. Именно это высшее учебное заведение было создано в качестве официального канала рекрутирования политической элиты Франции.

Официальной миссией учебного заведения являются 4 положения:

- Рекрутирование и профессиональное образование высокопоставленных французских и зарубежных чиновников.
- Программы профессионализации и повышения квалификации французских и зарубежных чиновников.
- Двусторонние и многосторонние европейские и международные отношения по вопросам государственного управления.
- Образование в сфере европейской политики и подготовка к вступительным испытаниям в европейские университеты [8].

Как отмечает Н.Ю. Лапина в 1960-е годы Национальная школа администрации создала из своего имени бренд. Рекрутирование начинается на стадии отбора в университет, продолжается в ходе учебы, когда становятся понятны достижения каждого студента. Лучшим даются рекомендации вплоть до секретариатов президента, премьер-министра, министров правительства, а затем в ходе политической профессионализации советники и ассистенты сами становятся политиками. Как пример можно привести политическую карьеру Сеголен Руаяль или Франсуа Олланда, которые были техническим и экономическим советниками Франсуа Миттерана соответственно.

Сложность вступительных испытаний и ограниченное членство превращает будущих управленцев в тесный круг знакомых и друзей, которые в дальнейшем обеспечивают друг другу карьерное продвижение.

Известными выпускниками школы являются Жак Ширак, Франсуа Олланд, Эммануэль Макрон, Сеголен Руаяль, Жан-Пьер Шевенеман, Эдуард Баладюр, Лоран Фабиус, Лионель Жоспен, Ален Жюппе и многие другие персоналии.

Анализ образовательных треков членов Кабинета Министров

Был проанализирован 41 кабинет Министров, которые в совокупности включают 335 человек. При анализе образовательных треков членов

кабинетов выяснилось, что 30,3% всех политиков, когда-либо входивших в кабинет министров в это время (считая тех, у кого нет высшего образования), закончили Институт политических исследований (101 человек), 29,1% учились в Университете Парижа (включая все университеты, на которые он был разделен в 1970 г.), а 16,5% учились в Национальной школе Администрации.

При этом важно учитывать, что эти показатели посчитаны для всех семи кампусов Института политических исследований во всех регионах Франции и Университета Парижа, который после студенческих беспорядков мая 1968 г. и последующей реформы образования Э. Фора объединяет двенадцать университетов. Если же рассматривать отдельно Институт политических исследований Парижа, процент выпускников-министров снижается, но ненамного, составляя 26,7% от общего числа. Университет Парижа (до разделения) закончили 11,4% человек, еще 6% закончили входящий в сегодняшний Университет Парижа Университет Париж II – Пантеон-Ассас, который унаследовал большую часть известного факультета Права после разделения. Также 4,5% закончили Университет Париж I – Пантеон-Сорбонна. Это уточнение будет важным при дальнейшем рассмотрении специализации министров.

Как правило, министры получали разные степени образования в разных университетах, в среднем на каждого члена кабинета приходится 1,3 диплома.

Наибольшая доля дипломов при этом получена в Институте политических исследований (22,6%), второе место занимает Университет Парижа (21,7%), а на третьем расположилась Национальная школа Администрации (12,3%). То есть всего на три вуза приходится почти 57% всех полученных министрами дипломов. Для сравнения дипломы Политехнической школы, находящейся на четвертом месте, составили только 2,9% (13 человек, 43,9% от всех).

Во всех кабинетах представлено в общей сложности 95 высших учебных заведений, в том числе зарубежные: Оксфорд, Гарвард, Венский университет, Чикагский и Колумбийский университеты, Лондонская школа экономики, Страсбургский университет.

При этом 82 вуза (86%) закончили три и менее человека, следовательно, нельзя говорить об устоявшемся канале рекрутирования политической элиты из этих учреждений, скорее их представители воспользовались другими каналами рекрутирования, например, членством в политической партии или избранием в местные советы.

Для 5 крупнейших вузов: Института политических исследований,

Университета Парижа, Национальной школы Администрации, Политехнической школы, Высшей нормальной школы, – был рассчитан коэффициент концентрации, то есть сумма долей владельцев дипломов. Он составляет 62,6%.

Также был рассчитан Коэффициент Херфиндаля-Хиршмана –экономический коэффициент, используемый для определения уровня конкурентности на рынке. Максимальная величина коэффициента может равняться 10000 и означает полную монополию одного игрока (в данном случае вуза). Коэффициент Херфиндаля-Хиршмана для вузов во французских кабинетах составляет 1155, что означает достаточно высокий уровень концентрации.

Если рассматривать кабинеты отдельно, то можно определить количество вузов в каждом из 41 кабинета. В среднем в каждом кабинете представлено по 21 министру и 15 различных вузов (имея в виду, что у одного министра может быть от одного до четырех образовательных степеней).

Максимальная репрезентация (20 вузов) наблюдается в первом кабинете Алена Жюппе. При этом доля людей с образованием в Институте политических исследований (включая филиалы) составляет 26% (десять человек), 18% (семь человек) имеют диплом Университета Парижа, а 10% (четыре человека) гордятся своим званием энарка¹.

Минимальная репрезентация характерна для второго кабинета Ж. Ширака (восемь вузов). Третью закончили Национальную школу Администрации (семь человек), 29% - Институт политических исследований (шесть человек).

С точки зрения превалирования трех самых распространенных вузов заметно выделяется третий кабинет при премьерстве Ф. Фийона: 73% всех дипломов в нем выданы Институтом политических исследований, Национальной школой Администрации и Университетом Парижа.

Если условно выделить кабинеты, в которых выпускникам того или иного вуза было бы легче всего найти знакомых и близких по духу (по образованию), то «лучшими годами» для выпускников Института политических исследований стал бы кабинет министров П. Береговуа (32% членов имеют дипломы этого вуза), для выпускников Национальной школы Администрации – второй кабинет Ж. Ширака (33%), для выпускников Университета Парижа (и худший год/кабинет для энарков) – второй кабинет Ф. Фийона (38% закончили университет).

Некоторые выводы о составе кабинета министров можно сделать и по превалированию представителей той или иной специальности. Большую

¹ Энарк (от фр. *énarque*) – выпускник Национальной школы Администрации.

часть министров с 1958 г. по настоящее время составляют правоведаы – 36,9%, которые были отдельно выделены из представителей гуманитарных наук, составляющих в совокупности 74,8%.

Если к студентам гуманитарных наук и юристам добавить представителей экономических специальностей получается уже 84,2%. Таким образом, представители естественных наук составляют в кабинетах только 15,8%.

Среди гуманитарных наук, не считая юристов, экономистов и политологов, значительную долю занимают языковеды и лингвисты – 16,2% от общего числа. Выпускники программ по государственному и муниципальному управлению составляют 6,3%.

Важной особенностью правовых дипломов министров является тот факт, что 39% из них получены в университете Парижа. Максимальное количество юристов (63%) наблюдается в третьем кабинете П. Моруа, а минимальное (12%) в первом кабинете Ж. Эро. В среднем, кабинет состоял из юристов на 39%, на 11% из филологов и на 10% из экономистов.

Максимальное количество филологов зафиксировано во втором кабинете П. Мессмера (43%), при этом впоследствии наблюдается постепенное снижение доли филологов в кабинетах министров.

В текущем кабинете (под премьерством Э. Филиппа) представлено восемь специальностей: шесть человек имеют дипломы по направлению «гуманитарные науки», двое – «государственное и муниципальное управление», и по одному представителю с дипломами по специальностям «менеджмент» и «история».

Заключение

Политическая элита Пятой французской республики с 1958 г. трансформировалась в соответствии с запросом времени. При этом на каждом этапе и при каждом президенте были актуальны различные паттерны рекрутирования.

Основным механизмом рекрутирования членов первой посткризисной политической элиты стало личное знакомство с лидером новой Республики: важнейшие правительственные кресла заняли соратники Де Голля по Сопротивлению: Морис Кув де Мюрвилль был назначен министром иностранных дел; герой Французского сопротивления Андре Мальро получил пост министра культуры; Антуан Пине стал министром финансов и экономических дел; Роже Фрей – министром информации.

Как отмечает Д. Гакси, в период президентства Ж. Помпиду также был силен фактор участия в Сопротивлении во время Второй Мировой войны, поскольку на пост премьер-министра был назначен ближайший

сподвижник де Голля Жак Шабан-Дельмас. Доля участников сопротивления в его кабинете министров составляла 40% [2].

О рекрутировании политической элиты при президентстве Валери Жискар Д'Эстена М. Доган отмечает, что в отличие от рекрутирования в США, где к политической карьере привлекаются люди, сделавшие себя в бизнесе, во Франции 70-ых годов в политический класс в основном обеспеченные министерские функционеры, государственные секретари [1].

Как указывает Н.Ю. Лапина, за время президентства Ф. Миттерана политические партии превратились в основной механизм рекрутирования элитных кадров [7]. За время президентства Миттерана дважды создавались кабинеты министров «с чистого листа», а после сосуществования старые кадры то и дело возвращались на политический олимп. Например, Пьер Береговой (Береговуа) министр экономики и финансов в кабинете Л. Фабиуса (1984 – 1986) не попал в кабинет Ж. Ширака (1986 – 1988) однако затем вошел в кабинет Э. Крессон (1991 – 1992), а затем и сам возглавил правительство (1992 – 1993).

Период президентства Н. Саркози отмечен ростом технократов в правительстве. С одной стороны, это говорит о росте профессионализации политической элиты, а с другой о процедурной закрытости когорты профессиональных политиков.

Одним из электоральных обещаний Ф. Олланда было положить конец рекрутированию «ближнего круга» на высокие должности. Вместе с тем, заняв Елисейский дворец, Олланд сделал ряд назначений, идущих вразрез с его обещанием. Так, несмотря на кадровые предложения Н. Саркози, на пост главы государственного инвестиционного фонда² был назначен Ж.П. Жуе, с которым Олланд вместе учился в Национальной школе Администрации, на пост президента Верховного совета по аудиовизуальным средствам связи был назначен О. Шрабек, с которым Олланд работал в левом кабинете Л. Жоспена при Ж. Шираке, президентом Института арабского мира был назначен Ж. Ланг, министр культуры при Ф. Миттеране, чьим советником по экономическим вопросам был Ф. Олланд, генеральным директором дирекции по государственным финансам был назначен Б. Безар, советник Л. Жоспена [9]. В результате при президентстве Ф. Олланда конфигурация политической элиты была обусловлена личными связями нового президента, партийной принадлежностью к левому лагерю, а также опытом совместной работы в левых кабинетах при Ф. Миттеране и Л. Жоспене.

При этом, какой бы паттерн не выходил на первый план при новом президенте или премьерере, очевидно, что во Франции исторически существует

2 Caisse des dépôts et consignations (CDC).

ряд высших учебных заведений, обучение в которых, если и не становится «ключиком» в кабинет министра, то открывает двери в политическую элиту, в «ближний круг», который имеет свойство самовоспроизводиться и не всегда пускает «чужих». К этим учебным заведениям относится Национальная школа Администрации, которая и задумывалась для селекции кандидатов на высокие должности, Институт политических исследований и Университет Парижа (особенно юридическое направление).

Список литературы:

1. Dogan M. La sélection des ministres dans divers régimes politiques // International Political Science Review / Revue internationale de science politique, 1981. Vol. 2. № 2. 132 p. // URL: <http://www.jstor.org/stable/1600870>
2. Gaxie D. Les facteurs sociaux de la carrière gouvernementale sous la Cinquième République de 1959 à 1981 // Revue française de sociologie / Sciences Po University Press, 1983. Vol. 24. № 3. 446 p. // URL: <http://www.jstor.org/stable/3321869>
3. Suleiman E. Menderas H. Le recrutement des élites en Europe. Paris: La Découverte.
4. Suleiman E. Elites in French Society: The Politics of Survival. Princeton: Princeton University Press, 1978. 22 p.
5. Арзаканян М.Ц. Политическая история Франции XX века: Учеб. Пособие / М.Ц. Арзаканян. – М.: Высш. шк., 2003. 157 с.
6. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Полит. наука. 2016. №2.
7. Лапина Н.Ю. Элиты и политические институты пятой республики. Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. 99 с.
8. Официальный сайт Национальной школы администрации. Режим доступа: <https://www.ena.fr/>
9. Comment Hollande installe ses proches aux postes clés // Le Figaro – 02.02.13 // URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2013/02/01/01002-20130201ARTFIG00516-comment-hollande-installe-ses-proches-aux-postes-cles.php>
10. QS World University Rankings // URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2019/politics>
11. QS World University Rankings // URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020>
12. Suleiman E. Menderas H. Le recrutement des élites en Europe. Paris: La Découverte.
13. Suleiman E. Elites in French Society: The Politics of Survival. Princeton: Princeton University Press, 1978. 22 p.
14. Министерство высшего образования, науки и инноваций Франции. // URL: <https://www.cge.asso.fr/listings/#s=1>
15. Статистика Министерства национального образования и молодежи Франции. // URL: <https://www.education.gouv.fr/cid11/le-cout-d-une-scolarite.html>
16. Nombre, statut, recrutement : les vrais chiffres sur les fonctionnaires // Le Figaro – 03.12.16 // URL: <http://www.lefigaro.fr/economie/le-scan-eco/dessous-chiffres/2016/12/03/29006-20161203ARTFIG00118-nombre-statut-recrutement-les-vrais-chiffres-sur-les-fonctionnaires.php>

Bibliography

1. Dogan M. La sélection des ministres dans divers régimes politiques // International Political Science Review / Revue internationale de science politique, 1981. Vol. 2. № 2. 132 p. // URL: <http://www.jstor.org/stable/1600870>
2. Gaxie D. Les facteurs sociaux de la carrière gouvernementale sous la Cinquième République de 1959 à 1981 // Revue française de sociologie / Sciences Po University Press, 1983. Vol. 24. № 3. 446 p. // URL: <http://www.jstor.org/stable/3321869>
3. Suleiman E. Menderas H. Le recrutement des élites en Europe. Paris: La Découverte.
4. Suleiman E. Elites in French Society: The Politics of Survival. Princeton: Princeton University Press, 1978. 22 p.
5. Arzakanyan M.Ts. The political history of France of the XX century: Textbook. The allowance / M.Ts. Arzakanyan. - M.: Higher school., 2003. 157 p.
6. Gaman-Goluvina OV Political elites as an object of research in domestic political science // Polit. the science. 2016. № 2.
7. Lapina N.Yu. Elites and political institutions of the fifth republic. France is on the verge of change: economics and politics at the beginning of the XXI century / Ed. Ed.: A.V. Kuznetsov, M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, P.P. Timofeev. - M.: IMEMO RAS, 2016. 99 p.
8. The official website of the National School of Administration. Access Mode: <https://www.ena.fr/>
9. Comment Hollande installe ses proches aux postes clés // Le Figaro - 02.02.13 // URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2013/02/01/01002-20130201ARTFIG00516-comment-hollande-installe-ses-proches-aux-postes-cles.php>
10. QS World University Rankings // URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2019/politics>
11. QS World University Rankings // URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2020>
12. Suleiman E. Menderas H. Le recrutement des élites en Europe. Paris: La Découverte.
13. Suleiman E. Elites in French Society: The Politics of Survival. Princeton: Princeton University Press, 1978. 22 p.
14. The Ministry of Higher Education, Science and Innovation of France. // URL: <https://www.cge.asso.fr/listings/#s=1>
15. Statistics of the Ministry of National Education and Youth of France. // URL: <https://www.education.gouv.fr/cid11/le-cout-d-une-scolarite.html>
16. Nombre, statut, recrutement: les vrais chiffres sur les fonctionnaires // Le Figaro – 12.03.16 // URL: <http://www.lefigaro.fr/economie/le-scan-eco/dessous-chiffres/2016/12/03/29006-20161203ARTFIG00118-nombre-statut-recrutement-les-vrais-chiffres-sur-les-fonctionnaires.php>

Модель региональной безопасности: преимущества сравнительно-политологического анализа

Актуальность исследования комплекса политических, социальных, экономических, культурных проблем регионов Российской Федерации в контексте регионализации современного мира возрастает вследствие активизации процессов, затрагивающих региональную составляющую мирового развития, множественности региональных конфликтов, неравномерности развития регионов и т.д. Наличие региональных проблем, как в мире, так и в большинстве стран придают данной проблематике характер всеобщности¹. Существенные изменения обнаруживаются и при историческом взгляде на проблему регионализации из-за того, что с каждой новой эпохой менялось представление о сущности того или иного региона, из конфликтного состояния он переходил в стабильное и, наоборот, из передового — в отстающий и т.д. «В настоящее время руководители нашего государства в процессе планирования различных сфер деятельности делают акцент на стратегических целях и задачах»².

Все это определяет исключительную подвижность картины регионального развития притом, что сохраняется некий региональный стержень, определяющий региональную идентичность, а также формирующий особое лицо региональной безопасности³. Из такой данности следует необходимость поиска нового инструментария исследования региональной безопасности в современном мире, в целом, и определения оптимальной

1 Регионализация в современном мире: теория, политика, практика: Коллективная монография / Под ред. Е.Л. Рябовой и Л.О. Терновой. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013.

2 Бормотова Т.М., Ходжич М.В. Стратегический анализ в миграционной сфере Российской Федерации: проблемы и пути их решение / Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 2 (128). С. 37-46.

3 Терновая Л.О. Региональная идентичность в координатах истории и памяти // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Серия «Регионалистика и Этнополитика». 2013. № 4. С. 108-117; Терновая Л.О., Багаева А.В. Восточная Европа: очерки утрат и обретения региональной идентичности. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014.

модели политики региональной безопасности в Российской Федерации, являющейся государством регионов, в частности.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, исходя из общемировых (глобальных) проблем безопасности выявить наиболее активно формируемые области угроз региональной безопасности в мире и в России, с одной стороны, в контексте новых трендов регионализации современном мире. А, с другой стороны, видится насущная задача в рамках возникновения специфических для конкретных регионов Российской Федерации рисков безопасности, на основании современных методов исследования предложить некоторую типизацию регионов, позволяющую находить модели предотвращения данных рисков и вызовов.

Эта исследовательская цель эффективнее всего, по мнению автора, достигается на пути применения сравнительного метода, построенного на сопоставлении двух и более объектов, в данном случае — регионов, а далее на основе выделения в них общего и различного с целью классификации и типологии⁴. Сложное взаимодействие отдельных геополитических процессов таких, как миграция населения, ухудшение состояния окружающей среды, риски продовольственной безопасности, урбанизация, новое качество организации труда и многие другие, совершенно по-разному проявляющихся в конкретных регионах нашей планеты и внутри конкретных обществ, определяет особую морфологию региональной геополитики. «Региональный аспект миграционной политики Российской Федерации сосредоточен на решении социально-политических проблем, имеющих место в северокавказском регионе, Дальнем Востоке⁵. В результате морфологического изучения региональной геополитики обнаруживается, как меняется социально-экономическое, политическое и даже духовно-культурное лицо региона.

Но эти перемены чаще всего происходят не стихийно, а направленно, под влиянием наиболее заинтересованных в них региональных, а порой и нерегиональных акторов. При этом на каждом историческом этапе нельзя не замечать закономерного изменения характеров и мотивов участвующих в региональном политическом и социально-экономическом развитии действующих лиц. Морфологический подход, составляющий сердцевину сравнительно-политологического анализа, дает шанс исследователю не только отметить перспективные тренды регионального продвижения к более стабильному и безопас-

4 Любарский Г.Ю. Морфология истории. Сравнительный метод и историческое развитие. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2000. Цифровая книга.

5 Щупленков О.В., Бормотова Т.М. Этносоциокультурная миграциология (южнороссийский и европейский аспекты) Учебно-методическое пособие / Москва, 2019.

ному будущему, но и обнаружить несостоявшиеся варианты истории региона, дать характеристику тем историческим возможностям, которые были упущены при прохождении регионом развилки истории. Это особенно важно, поскольку исторический процесс отличается нелинейностью, и прошлое способно возвращаться. Иногда оно может проявить историческое великодушие и дать возможность восстановить утраченное. Но прошлое также способно быть беспощадным и хватать за горло тех, кто проявил к нему неуважение, и не пускать их в светлое и безопасное будущее.

Кроме того, именно на базе сравнительно-политологического анализа причины совпадений ритмов и сути политических процессов, влияющих на состояние региональной безопасности, происходящих в разных регионах России, становятся наиболее рельефными. Такой анализ позволяет выявить специфику влияния формируемых центров силы и источники роста активности региональных акторов в политике, экономике, энергетике, военно-стратегической области и других сферах. При сравнительно-политологическом подходе более конкретной становится доказательная база выводов о состоянии регионального развития, что позволяет предложить ряд подходов к формированию внутри- и внешнеполитической стратегий Российской Федерации, которые направлены на усиление региональной безопасности с учетом внутривнутриполитической ситуации и внешнеполитического влияния в наше крайне беспокойное время.

Теоретико-методологические возможности анализа региональной безопасности лежат в области исследований региональной компаративистики. Имеются различные варианты создания ковариационной матрицы региональных проблем, но наиболее продуктивным представляется анализ региональных политических проблемы в аспекте теории риска. Как считает французский социолог Ален Турен, чьи научные интересы связаны с региональными, антивоенными, рабочими, молодежными, женскими, стран третьего мира» и другими социальными движениями, зародившимися в 1960 – 1970-х гг. и ставшими принципиально новыми коллективными «субъектами» социального действия, региональная политическая культура в особенно четко обозначается условиях социальной интервенции, т.е. адаптации людей к быстрым социальным изменениям⁶. В таком случае сама социальная интервенция, истоки которой рождены в одном региональном пространстве, становится осязаемым риском ре-

6 Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе // URL: http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1465.html.

гиональной безопасности другого подобного пространства. Примером этой интервенции в 2011 г. стала «арабская весна».

Несмотря на то, что регионализацию рассматривают как ведущую мировую тенденцию, сущность этой тенденции отнюдь не раскрыта исследователями. Прежде всего, имеются многообразные классификации регионов современного мира. Отмечаются общие и особенные черты положение регионов в схеме отношений «центр – регионы», потерявшей свою универсальность в силу того, что благодаря региональной интеграции появилась возможность в масштабах интегрирующегося пространства самым удаленным от центра приграничным регионам преодолевать свою периферийность. Регионализация в настоящее время усложняется субрегионализацией, в пространстве которой на основе разнообразия моделей управления резко различаются специфики отдельных зон: стихийной; идеологически-интеллектуальной; официальной местной; официальной центральной; межрегиональной; структурной (в контексте спонтанной коррекции государственного управления). Проявляется возможность «параллельного» существования нескольких разных регионов, соотнесенных с одной территорией силу разной организации социальных пространств «административных» и экономических регионов, на основании, по выражению испанского социолога-постмарксиста, одного из основателей теории новой социологии города, специализирующегося в области теории информационного (постинформационного) общества Мануэля Кастельса, разной организации пространства мест и пространства потоков⁷.

Большинство из перечисленных проблем глобальной регионалистики приложимо и к политическим особенностям региональной безопасности в Российской Федерации. Также следует заметить, что глобальная финансовая архитектура выступает как совокупность мировых финансовых центров и валютных зон, являющихся своеобразными регионами. А с учетом нестабильности этой архитектуры важно предусмотреть риски ее влияния на инвестиционную привлекательность регионов Российской Федерации.

Более того, значимость утверждения региональной безопасности возрастает в условиях роста геополитической уязвимости Российской Федерации. Во-первых, новые аспекты региональной безопасности определяются темпами и масштабами экономического развития региона, но все более зависят от способности региональной экономики к интеграции с

⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

другими. Во-вторых, в условиях санкционной войны обострились вопросы региональной экономической безопасности в аспекте задач политического управления внешнеэкономическими связями регионов России. В-третьих, очень медленно, но все же происходит изменение внешнеэкономического лица регионов России после присоединения России к Всемирной Торговой Организации (ВТО). Эти и иные причины говорят о необходимости сравнительно-политического **анализа региональных проблем с применением теории нечеткой меры**, центрального понятия, введенного Мичио Сугэно в 1974 г. Этот подход предполагает изучение специальных классов мер, каждая из которых характеризуется отличительным свойством, что позволяет представить экономическую визитную карточку региона⁸.

В условиях обеспечения региональной безопасности необходимо создавать максимально комфортные условия для организационного сопровождения деятельности ответственных органов государственной власти, а также аффилированных с ними политических институтов и учреждений. Однако обеспечение подобных условий является, с одной стороны, отличным двигателем, с другой стороны, серьезным ограничителем развития системы безопасности. Это связано с тем, что система национальной безопасности должна максимально соответствовать современному уровню технологического, социально-экономического и политического развития государства. При этом достижение соответствующего и должного уровня обходится властным институциям достаточно дорого, как со стороны финансово-экономической системы, так и с точки зрения одобрения общественным мнением. Соответственно, границы обеспечения интересов личности, общества и государственных институций обладают свойством дуалистичности, так как каждая из обозначенных сфер будет иметь собственные причины для одобрения или же неодобрения деятельности по обеспечению региональной безопасности. Это связано с тем, что, говоря о сравнительной характеристике и предоставлении квалифицированного мнения относительно положительных и негативных черт одного государства по отношению к другому, мы вынуждены обращаться к полюсным чертам деятельности по обеспечению национальной и региональной безопасности в разрезе одобрения каждой из обозначенных сфер воздействия.

Ориентируясь на указанные выше тезисы, можно привести слова А.В. Возженникова о том, что в рамках обеспечения региональной безопасности на международном уровне важно эффективно применять весь

8 Тэрано Т., Асаи К., Сугэно М. Прикладные нечеткие системы. М.: Мир, 1993.

комплекс обеспечительных мер относительно предотвращения или нейтрализации посягательств на интересы отдельного гражданина, общественных и государственных институтов и институции⁹. Отсюда возникает комплексное понимание того, что методы, средства и меры защиты от угроз различного характера должны ориентироваться на текущие вызовы современности. При этом их выбор основывается на выбранной текущим истеблишментом и элитой концепции обеспечения безопасности страны на региональном и межрегиональном уровнях, служащей магистральной основой для реализации стратегической повестки глобальной безопасности.

Формируя исследовательское мнение относительно региональной безопасности, необходимо ориентироваться на то, что системное видение проблемы и возможности решения ее кроются в обеспечении государством работоспособности институтов и учреждений с демократической системой управления. Это связано с тем, что существует модернизационный эффект, позволяющий говорить о том, насколько планомерно и эффективно развиваются институты демократии¹⁰.

Далее сталкиваемся со следующей проблемой сравнительного анализа моделей региональной безопасности в контексте демократического правления и модернизации систем политического устройства общества. Речь идет о таком феномене как «историческая политика». Именно она в последнее время становится все более важным компонентом формирования моделей региональной безопасности во многих государствах Запада. Корень этой политической технологии созрел в Польше, где в 2004 году группа историков решила внести корректировку в историю собственной страны. Предтечей их идеи стал термин «Geschichtspolitik», введенный в 1980-х годах Гельмутом Кодем для упрочивания собственных политических позиций. Это было сделано осознанно с целью формирования особого отношения к историческим событиям в интерпретации действующей властной группы¹¹. Сегодня этот концепт стал активно применяться исследовательскими группами, экспертным сообществом для описания политических процессов, направленных на «исправление» истории в нужном русле для заинтересованных сторон в европейских государствах.

Стоит сказать, что на сегодняшний день мы видим, что некоторые

9 Возженников А.В. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России. М.: Изд-во Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2008.

10 Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Экономика и публичная политика России: что год тридцатый нам готовит? К вопросу о стратегии 2030 // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 3 (32). С. 79-86.

11 Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46). С. 8-9.

страны постсоветского пространства в последние десятилетия активно внедряли в свою социальную реальность историческую политику, которая становилась одной из центральных сил в реализации «цветных революций». Так, различные политические организации стремятся всевозможными способами дестабилизировать социальный порядок и стабильность, основываясь на противоречиях этнического и религиозного толка (примеры Украины и Грузии и революционно настроенные политические организации в них «Пора» и «Кмара»)¹².

Обозначенные нами аспекты должны соотноситься с приоритетами государственной политики по обеспечению региональной безопасности для того, чтобы быть включенными в систему политического участия в качестве подчинения действующим правилам игры. В данном контексте правила являются неприкасаемой формой идентификации «своего» от «чужого», поиском соответствующей формы оптимального участия при сокращении транзакционных издержек и максимизации полезности. В данном случае, форма реализации государственной политики по обеспечению региональной безопасности будет нести транзакционные издержки *ex ante* и *ex post*. Издержки *ex ante* формируются на «входном» этапе, где существует необходимость доказать свое стремление включить конкретную форму государственной политики в доктринальную основу политико-правовой системы. Как правило, существует формализованный порядок включения - принятие конкретных нормативно-правовых актов и непосредственное институциональное оформление конкретной формы государственной политики. Затраты *ex post* ориентируются на безусловное соблюдение уставных целей, обязательств (формальных и неформальных) перед институтом.

Издержки *ex ante* включения конкретной формы в формальный институт государственной политики по обеспечению региональной безопасности заключаются в формализованном подчинении нормам иных институтов. *Ex post* требует более строгого соблюдения формальных и неформальных правил игры. Такая необходимость проявляется в связи с существующим регламентированным порядком самоидентификации акторов, обеспечивающих работоспособность и эффективность методов и форм реализации государственной политики обеспечения региональной безопасности и недопущения дискредитации себя, а также постоянной пролонгации собственной лояльности по отношению к институту, его ценностям, идеологии и другим акторам, институциям. Те игроки,

12 Свертков И.А. Политическая социализация молодежи в условиях трансформации России (конец XX- начало XXI века): дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж, 2010. 153 с.

которые в состоянии нести издержки *ex ante* и *ex post* с наименьшими потерями в рамках участия в конкретном институте, имеют возможность формировать собственный запрос на региональную безопасность.

В целом, подводя итоги нашему рассуждению в данной статье, можно сделать ряд выводов.

Первое, региональная безопасность способствует преодолению социально-экономической и правовой асимметрии регионов. В условиях стабильного безопасного развития социальное лицо региона соответствует региональному экономическому потенциалу. Сравнительно-политический анализ обеспечивает выявление соотношения между рисками и доходами регионов, специфику этой связи в центральных и приграничных регионах России.

Второе, обеспечение региональной безопасности является важным аспектом государственной политики в разрезе международной политической ситуации. Соответственно важно соблюдать институциональный баланс интересов, формировать необходимую политическую, правовую, экономическую и культурную конъюнктуру. В целом, такой набор действий имеет возможность говорить о выражении демократической воли акторов и институтов политической системы, избегая разворачивания «исторической политики» в государстве в угоду конкретным группам интересов и др.

Список литературы:

1. Возженников А.В. Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России. М.: Изд-во Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2008. 340 с.
2. Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Институт политического имиджмейкинга: теоретические аспекты функционального обеспечения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 143-150.
3. Гайдук В.В., Лукьянцев А.С. Экономика и публичная политика России: что год тридцатый нам готовит? К вопросу о стратегии 2030 // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 3 (32). С. 79-86.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. Матвеев О.В. Отечественный опыт государственных и военных органов в создании противоракетной обороны. История и политика. М.: Гангут, 2017. 176 с.
6. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46). С. 8-9.
7. «Мировая футуроzone» РЖД. Как Владимир Якунин объединяет континенты? // URL: <https://republic.ru/posts/54085>.
8. Николаенко В.Д. Организация Договора о коллективной безопасности: (истоки, становление, перспективы). М.: Научная книга, 2004. 222 с.
9. Свертков И.А. Политическая социализация молодежи в условиях трансформации России (конец XX - начало XXI века): дис. ... канд. полит. наук. – Воронеж, 2010. 153 с.
10. Регионализация в современном мире: теория, политика, практика: Коллективная монография / Под ред. Е.Л. Рябовой и Л.О. Терновой. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013. 180 с.
11. Терновая Л.О. Влияние вымышленных регионов на геополитическую реальность // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 3 (32). С. 7-17.
12. Терновая Л.О. Региональная идентичность в координатах истории и памяти // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). Серия «Регионалистика и Этнополитика». 2013. № 4. С. 108-117.
13. Терновая Л.О., Багаева А.В. Восточная Европа: очерки утрат и обретения региональной идентичности. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. 345 с.
14. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе // URL: <http://>

iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1465.html.

15. Тэрано Т., Асаи К., Сугэно М. Прикладные нечеткие системы. М.: Мир, 1993. 368 с.
16. Сулейманова Ш.С., Рябова Е.Л. Миграционные процессы и межнациональные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ // Этносоциум и межнациональная культура. 2016. № 2 (92). С. 9-20.
17. Колесникова Н.А., Рябова Е.Л. Гражданское общество в современной России: Монография. – М.: Этносоциум, 2016. 266 с.
18. Рябова Е.Л. Межэтнические конфликты: к вопросу о причинах и путях преодоления // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 1 (43). С. 10-15.
19. Рябова Е.Л. Дискуссия о стратегии межнациональных отношений (редакционная статья) // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 5 (47). С. 7-8.
20. Рябова Е.Л. Национальные отношения и культура конфликтного взаимодействия // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2012. № 1 (13). С. 63-68.
21. Рябова Е.Л., Бормотова Т.М. Адаптационные проблемы межнациональной миграции (на примере Российской Федерации) // В сборнике: Совет по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации. Москва. 2015. С. 91-98.
22. Рябова Е.Л., Шупленков О.В. Основы казачьей культуры: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015.
23. Бормотова Т.М., Рябова Е.Л., Шикула И.Р., Радченко А.Ф., Суздалева Т.Р. Управление миграционными процессами современной России: политическое прогнозирование / Коллективная монография / Под общей редакцией Е.Л. Рябовой, Т.М. Бормотовой. Международный издательский центр «Этносоциум», Москва. 2015. С. 90.

Bibliography

1. Vozhennikov A.V. Global challenges, threats and dangers of our time. Priorities of the national security policy of Russia. М.: Publishing House of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 2008. 340 p.
2. Gaiduk V.V., Lukyantsev A.S. Institute of Political Image-Making: Theoretical Aspects of Functional Support // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science. 2016. № 1. P. 143-150.
3. Gaiduk V.V., Lukyantsev A.S. The economy and public policy of Russia: what does the thirty year prepare for us? To the question of strategy 2030 // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2016. № 3 (32). P. 79-86.
4. Castells M. Information era: economics, society and culture / Per. from English under the scientific. ed. O.I. Shkaratana. М.: HSE, 2000. 608 p.
5. Matveev OV Domestic experience of state and military bodies in creating missile defense. History and politics. М.: Gangut, 2017. 176 p.
6. Miller A. Russia: power and history // Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46). P. 8-9.
7. "World Futurozone" Russian Railways. How does Vladimir Yakunin unite continents? // URL: <https://republic.ru/posts/54085>.
8. Nikolaenko V.D. Organization of the Collective Security Treaty: (origins, formation, prospects). М.: Scientific book, 2004. 222 p.
9. Svertkov I.A. Political socialization of youth in the conditions of transformation of Russia (end of XX-beginning of XXI century): dis. ... cand. watered sciences. - Voronezh, 2010. 153 p.
10. Regionalization in the modern world: theory, politics, practice: Collective monograph / Ed. E.L. Ryabovoy and L.O. Thorny. М.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2013. 180 p.
11. Ternovaya L.O. The influence of fictional regions on geopolitical reality // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2016. № 3 (32). P. 7-17.
12. Ternovaya L.O. Regional identity in the coordinates of history and memory // Bulletin of the BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). Series "Regional Studies and Ethnopolitics". 2013. № 4. P. 108-117.
13. Ternovaya L.O., Bagaeva A.V. Eastern Europe: Essays on the Losses and the Gaining of Regional Identity. М.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2014. 345 p.
14. Turen A. Are we able to live together? Equal and different // New post-industrial wave in the West // URL: http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1465.html.
15. Terano T., Asai K., Sugano M. Applied fuzzy systems. М.: Mir, 1993. 368 p.
16. Suleymanov S.S., Ryabova E.L. Migration processes and ethnic-confessional relations in Russia: interaction and the role of the media // Etnosotsium and international culture. 2016. № 2 (92). P. 9-20.
17. Kolesnikova N.A., Ryabova E.L. Civil society in modern Russia: Monograph. – М.: Etnosotsium, 2016. 266 p.
18. Ryabova E.L. Interethnic conflicts: the question about the causes and ways to overcome // Etnosotsium and international culture. 2012. № 1 (43). P. 10-15.
19. Ryabova E.L. The discussion on the strategy of international relations (editorial) // Etnosotsium and international culture. 2012. № 5 (47). P. 7-8.
20. Ryabova E.L. Ethnic Relations and Culture of conflict interaction // Herald BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2012. № 1 (13). P. 63-68.
21. Ryabova E.L., Bormotova T.M. Adaptatsionnye problems of ethnic migration (on the example of the Russian Federation) // The President's Council on International Relations of the Russian Federation. Moscow. 2015. P. 91-98.
22. Ryabova E.L., Shuplenkov O.V. Fundamentals of Cossack culture: schoolbook. - М.: International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015.
23. Bormotova T.M., Ryabova E.L., Shikula I.R., Radchenko A.F., Suzdaleva T.R. migration management of modern Russia: political forecasting / Collective monograph / Edited by E.L. Ryabova, T.M. Bormotova. International Publishing Center "Etnosotsium", Moscow. 2015. 90 p.

КОНОМИКА РЕГИОНОВ

НИИ
ОРГАНИЗАЦИИ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
И МЕДИЦИНСКОГО
МЕНЕДЖМЕНТА

Капитализм без капвложений

Помощник президента РФ Андрей Белоусов, российские компании сформировали большой портфель новых инвестпроектов, однако их запуск требует введения механизма соглашений о защите и поощрении капвложений (СЗПК). Напомним, именно Андрей Белоусов год назад стал инициатором изъятия сверхприбылей у компаний-экспортеров, заработавших на благоприятной конъюнктуре и ослаблении рубля.

Бизнесу пообещали тогда, что сверхприбыли не будут изымать в прямом смысле. От него потребуют инвестиций в собственное развитие и в различные проекты. А одним из ключевых положений СЗПК является возможность предоставления права на неприменение нормативных правовых актов, изменяющих указанные в соглашении условия реализации инвестпроекта.

Инвестпроекты, которые бизнес представил в рамках рабочей группы, заявил Андрей Белоусов агентству «Интерфакс», это не часть уже действующих программ капвложений. «Это проекты, которые компании будут реализовывать, если будет содействие государства, а если не будет — не будут реализовывать. Понятно, что любой проект определяется не только наличием денег у компаний, но и экономической эффективностью: IRR, сроками окупаемости и прочее. При высоких процентных ставках, конечно, требуются определённые механизмы господдержки. Необязательно прямые. Хотя бы создание неизменных условий, стабилизационная оговорка», — сказал Белоусов.

Судьба документа, между тем, складывается непросто — его переписывали, дважды рассматривали на правительственной комиссии по законопроектной деятельности, но так и не сумели внести в Госдуму. «Без этого закона все наши коммуникации с крупным бизнесом и их проектами остаются разговорами, так как все нужно поставить на нормативную основу». Но до этого далеко. «Он ещё даже не вышел из правительства. Сформирован довольно большой портфель проектов, но чтобы двигаться дальше в направлении их реализации, нужно принять закон», — добавил помощник президента.

Капитализм без капвложений

Ситуация с СЗПК – одно из проявлений не только плохого инвестиционного климата в России, но и в целом доминирования государ-

ственно-административной системы в экономике, считает руководитель группы аналитиков Центра аналитики и финансовых технологий Марк Гойхман. Правительственные органы могут принимать нормативные акты без учёта интересов бизнеса, что создаёт риски для инвестпроектов, делает неопределёнными их условия в длительной перспективе. Более того, нередки случаи, когда ведомства целенаправленно стремятся контролировать финансовые потоки в инвестициях бизнеса и их результаты за счёт введения новых нормативных актов.

Например, рассказывает эксперт, экспортёры вкладываются в проекты, прогнозируя определённый объём прибыли по конъюнктуре спроса и цен в будущем. Но затем правительство объявляет, что значительная часть прибыли компаний получена именно за счёт роста экспортных цен и должна быть изъята в бюджет целевым изменением налогов. Ведь такая инициатива и была год назад, считает он, а бизнес с трудом противостоял ей, и именно тогда появилась идея закона о СЗПК.

Поэтому элементарное рыночное требование — неизменность заранее оговорённых условий реализации инвестпроектов — в российских реалиях должно быть закреплено ещё и специальным законом, уверен Марк Гойхман. Но его существование может в будущем нарушить интересы уже госорганов, а они всегда выше интересов бизнеса. Поэтому с таким «скрипом» проходит согласование законопроекта в ведомствах. Они во многом опасаются потери рычагов воздействия на ситуацию.

В данном случае бизнес ждёт от правительства даже не столько поддержки. Инвестклимат создает прежде всего государство, законодательство. И если нужно лечить болезнь слабых инвестиций, то «доктор» должен соблюдать гиппократовский, врачебный принцип: «Не навреди!» Вероятно, добавляет Марк Гойхман, ситуация с «больным» так обострилась, что законопроект в ближайшем будущем появится на обсуждении в Госдуме и под напором объективной острой необходимости будет принят, в том или ином виде.

Неудивительно, кстати, добавляет управляющий партнер экспертной группы Veta Илья Жарский, что законопроект «о стабилизационной оговорке» столько раз переписывался: он сталкивает интересы такого количества людей, так что не будет сюрпризом, если он так и не будет принят. Изначально такие оговорки предназначались для защиты иностранных инвесторов от изменения законодательства стра-

ны, где они осуществляют капиталовложения, и в этом был большой смысл — почему люди из-за границы должны страдать от изменений среды, которую они не очень понимают в силу культурного барьера и в которой они не живут?

Но в России это превратилось в очень необычный посыл — предлагается защищать и интересы внутренних инвесторов тоже, о которых, казалось бы, государство должно заботиться в первую очередь. Вообще, отмечает эксперт, одна из главных задач государства — это создание правил игры и поддержание их неизменными в течение десятков лет, а выходит, что для этого нужно выпускать еще один специальный закон, который нивелирует влияние новых законов на инвестпроекты.

*По материалам СМИ-интернет-изданий.
В т.ч. ИТАР-ТАСС.*

Аксенова Е.И.

*Доктор экономических наук,
доцент, директор НИИ организации здравоохранения
и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы.*

Академическая мобильность как фактор развития международных отношений в сфере образования.

Часть 1. Теоретические аспекты

Более 10 лет Россия является полноправным участником Болонского процесса, пожалуй, наиболее значимого процесса международной образовательной интеграции и интернационализации, провозглашающего необходимость национальной и международной мобильности преподавателей, исследователей и студентов. Академическая мобильность между университетами, безусловно, является не только фактором стратегического развития образовательных организаций, но и представляет интерес с точки зрения позиционирования России на мировом образовательном рынке как полноправного участника, а в некоторых сферах – и лидера современных глобальных образовательных трендов.

Понятие академической мобильности дано в рекомендациях «Об академической мобильности» и положении «О региональной академической мобильности», принятых в 1995 и 1996 году Комитетом Министров Совета Европы (Committee of Ministers of the Council of Europe). В Рекомендациях отмечается, что «термин «академическая мобильность» подразумевает период обучения, преподавания и/или исследования в иной стране, чем страна постоянного проживания преподавателя, учебного или студента (далее – «родная страна»). Этот период имеет ограниченный срок действия, и предполагается, что преподаватель, ученый или студент вернутся в свою родную страну после завершения обозначенного периода. Термин «академическая мобильность» не предназначен для определения понятия миграции из одной страны в другую» [14; 15]. В Законе Российской Федерации «Об образовании» термин «академическая мобильность» не нашел институционального закрепления. Однако, его определение встречается в другом документе - в Концеп-

ции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. С оговоркой «для целей настоящей Концепции» дается следующая трактовка данного понятия: «академическая мобильность – международные перемещения ученых и преподавателей в целях осуществления научной и преподавательской деятельности, обмена опытом, представления результатов исследований, а также в других профессиональных целях» [7]. Таким образом, в указанном документе акцент делается на преподавателях и исследователях, в то время как студенты не рассматриваются в качестве участников процесса.

С другой стороны, многие исследователи оставляют вне рамок своего внимания ученых, оставляя право на участие в академических обменах только студентам и преподавателям. Так, например, в печати встречается следующее определение: «Академическая мобильность представляет собой переезд студентов и преподавателей высших учебных заведений в другой институт внутри или за пределами своей страны для учебы или преподавания в течение ограниченного периода времени» [12]. Или определение, в котором участники ограничены только кругом студентов: «академическая мобильность – это перемещение обучающихся ... в другое учебное заведение, расположенное как в Российской Федерации, так и за рубежом» [4].

Н.С. Бринёв, Р.А. Чуянов под академической мобильностью понимают период обучения студента в стране, гражданином которой он не является. Этот период ограничен во времени; также подразумевается возвращение студента в свою страну по завершении обучения за рубежом [3].

Как утверждает А.Н. Шеремет, академическая мобильность является интегративной личностной характеристикой, выраженной в способности преодолевать международные языковые и межстрановые барьеры и оперативно реагировать на меняющиеся условия окружающей среды для достижения своих образовательных целей [11]. Исследователь Н.К. Дмитриева под академической мобильностью понимает целостное личностное качество, формируемое в процессе обучения и представляющее динамичное состояние составляющих его компонентов, характеризующее ее способность и готовность адаптироваться, изменяться и преобразовывать себя и окружающую среду [6].

Глобализация академической мобильности на рынке высшего профессионального образования в современную эпоху, интерпретируемую как эпоха «экономики знаний», становится показателем экономической

конкурентоспособности университета, а интернационализация высшего образования часто рассматривается как инновационный ответ на внешние маркетинговые вызовы. Интернационализация принимается в качестве базовой стратегии образовательной конкуренции во многих странах, с акцентом на позиционирование образовательных организаций в мировых рейтингах университетов, а также конкуренция за лучших и самых ярких студентов и ученых.

В XXI веке показатели мобильности студентов возросли быстрее, чем когда – либо прежде - с 2010 по 2015 год их число выросло на 50%. Для 84% студентов, обучающихся в странах ОЭСР, главными направлениями были США, Великобритания, Германия, Франция и Австралия. Две трети иностранных студентов в странах ОЭСР являются выходцами из стран, не входящих в ОЭСР, а основными «поставщиками» студентов являются Китай, Индия, Марокко, Малайзия и Гонконг (Китай) (OECD 2017). Можно утверждать, что академическая мобильность, особенно студенческая мобильность, тесно связана с глобальной рыночной ориентацией высшего образования.

Согласно Национальным отчетам по реализации цели и задач Болонского процесса в период 2012-2015гг, академическая мобильность может быть представлена в следующих формах (рисунок 1).

Вне зависимости от воплощенной формы, академическая мобильность как социальный институт решает ряд задач:

- повышение качества образования в рамках образовательной организации,
- повышение качества и эффективности научных исследований,
- интернационализация образовательного процесса;
- установление и развитие внешних и внутренних партнерских отношений,
- внедрение новых форм и технологий обучения,
- формирование условий для освоения профессиональных компетенций студентами;
- обеспечению конкурентоспособности выпускников образовательной организации на рынке труда,
- развитие совместных научно-исследовательских проектов;
- пр.

По утверждению исследователей А. Барблан, В. Папациба, академическая мобильность студентов расширяет горизонты личности, стимулирует интеллектуальную маневренность и поднимает общий уровень

ФОРМЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

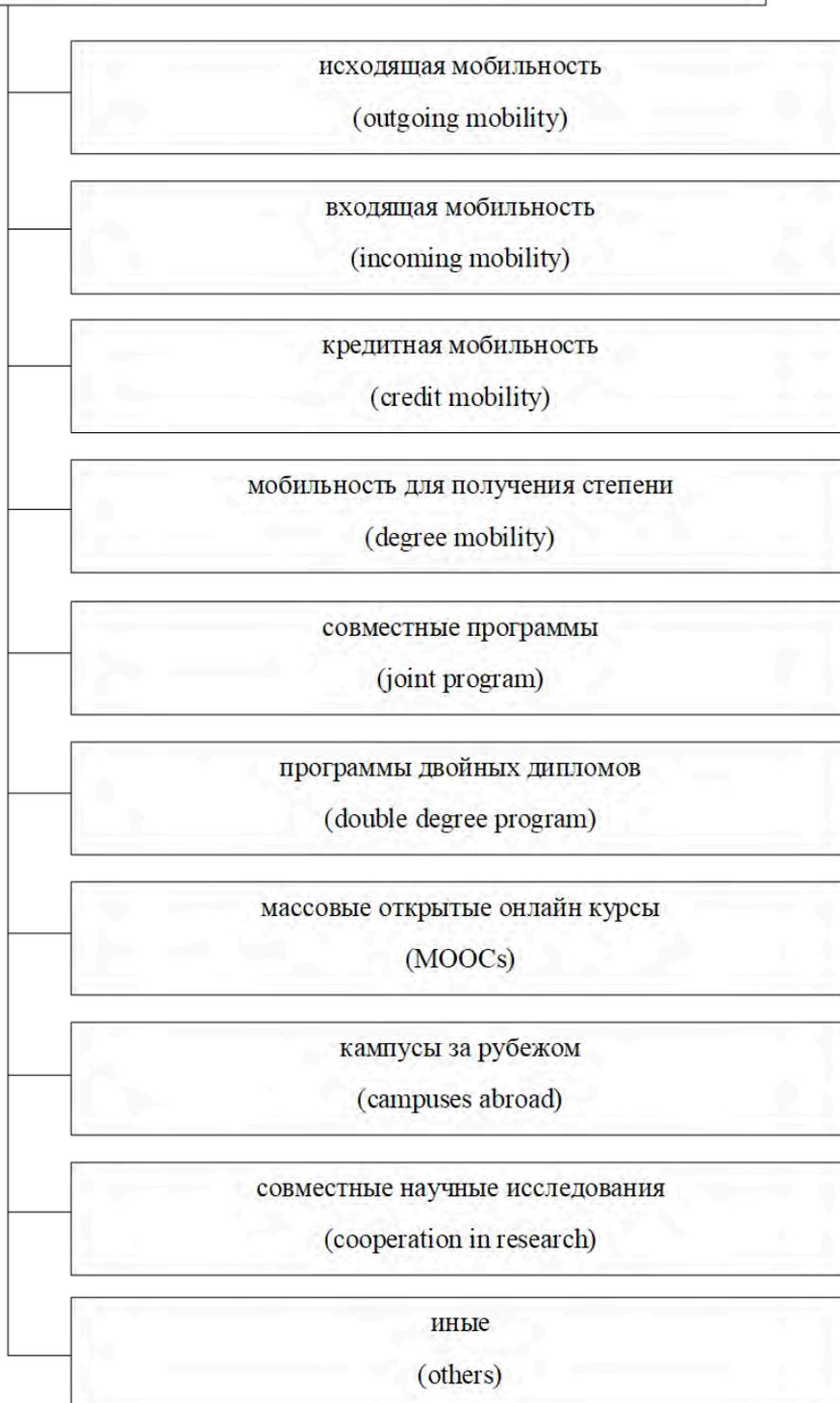

Рисунок 1. Формы академической мобильности.
Источник: разработано авторами на основе [10].

знаний. Кроме того, академическая мобильность — это мобильность мыслей, идей и методов. Это неотъемлемая форма существования интеллектуального потенциала личности, отражающая его реализацию в движении в пространстве социальных, экономических, культурных, политических взаимоотношений и взаимосвязей [13].

Во многих странах академическая мобильность принята за основу государственной политики по привлечению талантов для развития системы высшего образования и исследовательских организаций. Так, в частности, инициативы по повышению качества как на национальном, так и на наднациональном уровне в Европейских странах включают в себя следующие программные документы, принятые на государственном уровне:

Европейский Союз: European Excellence Initiative (EIE);

- Германия: Excellence Initiative (Exzellenzinitiative);

- Франция: Programmed'Investissementd'Avenir;

- Объединенное Королевство: Research Excellence Framework;

В странах Азии работают такие документы как:

- Южная Корея: Brain Korea 21, World Class University Project;

- Япония: COE (Centre of Excellence), Super Global Universities Project;

- Китайская Народная Республика: Project 211 and 985; 1,000 Talent Plan.

Развитие академической мобильности в глобальном масштабе, по мнению российского исследователя связано с рядом причин. «Одна из причин – чисто экономическая – желание расширить участие в привлечении огромных финансовых потоков глобального рынка образовательных услуг. Прямым следствием этого явления становится и все большее превращение высшего образования в одну из разновидностей бизнеса. Второй причиной можно считать политический аспект АМ, связанный с желанием расширить и усилить влияние на развитие событий в других странах и регионах, а также помочь экспорту национальных ценностей и идеологий. Но главной, по моему мнению, причиной и движущей силой развития АМ является желание получить передовой международный опыт для обеспечения инновационного развития науки и производства, для диверсификации в подготовке кадров. А это должно помочь созданию новых идей и технологий, а также обеспечению более высоких темпов их внедрения» [9].

Согласно государственной программе развития образования РФ на 2013–2020 гг . удельный вес численности студентов вузов, прошедших в

ПРОГРАММЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

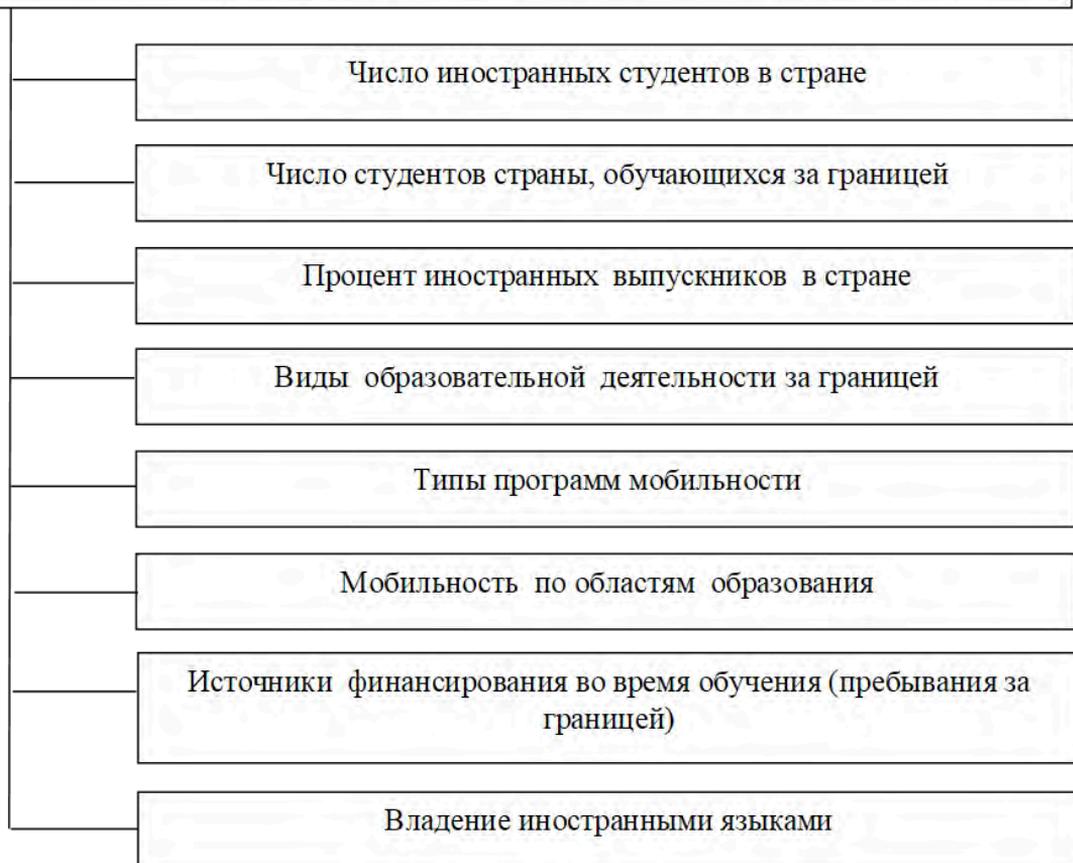

Рисунок 2. Показатели эффективности программ международной студенческой академической мобильности.

Источник: составлено авторами на основе [9].

течение учебного года обучение в зарубежном вузе не менее одного семестра, в общей численности студентов должен составить 6% к 2020 г. Удельный вес численности профессорско-преподавательского состава, прошедшего стажировки в ведущих российских и зарубежных вузах и научных центрах, к 2020 г. должен достичь 12%.

Оценка показателей эффективности программ академической мобильности осуществляется по трем блокам показателей, характеризующих результативность программ для преподавателей, исследователей и

студентов. Так, например, для оценки студенческих программ используются показатели, представленные на рисунке 2.

Таким образом, давно и успешно реализующиеся в зарубежных странах программы академической мобильности студентов, преподавателей и исследователей, активно развиваются и в российских университетах. Не смотря на то, что пока еще эти программы характерны для крупных федеральных и отраслевых образовательных организаций, можно утверждать, что академическая мобильность выступает фактором развития международных отношений в сфере образования. С вступлением России в Болонский процесс академическая мобильность стала основой не только повышения эффективности отдельно взятых университетов, но и базой для глобальной конкурентоспособности национальной образовательной системы в глобальном, общемировом пространстве.

Список литературы:

1. Ананченкова П.И. Имидж как фактор конкурентоспособности высшего учебного заведения. – М.: Академия труда и социальных отношений, 2013.
2. Ананченкова П.И., Аникеева О.П., Ахметзянова Г.Н., Ахметшин А.Х., Ащеулов В.А., Бадеева Е.А., Безбородова Т.М., Булахова Ю.В., Володин А.И., Гайдидей Ю.М., Голубева А.И., Горбенко С.М., Горюнов И.В., Гридина Л.В., Гуров В.С., Гущина Л.С., Дерканосова Н.М., Донецкая С.С., Дремova Л.А., Дубов Г.М. и др. Менеджмент качества и инновации в образовании: региональный аспект. Коллективная монография в 2 томах. – М., 2010.
3. Бринёв Н. С. Академическая мобильность студентов как фактор развития процесса интернационализации образования // URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o60.htm>. (Дата обращения: 10.09.2019)
4. Варламова А.В. Академическая мобильность обучающихся российских вузов (на примере ФГБОУ «РГУТиС») // Вестник Ассоциации ВУЗов туризма и сервиса. 2014. № 1. С. 74-79.
5. Галаева Е.В., Долженкова Ю.В., Жуков А.Л., Збышко Б.Г., Кязимов К.Г., Роик В.Д., Рофе А.И., Самраилова Е.К., Шаховой В.А., Ананченкова П.И., Баландина О.В., Вашаломидзе Е.В., Вешкурова А.Б., Говорова Н.А., Иванов Г.С., Иглицкая Е.А., Копылова Г.А., Кугушев Р.Р., Кумар Ю.Б., Сер Л.М. и др. Развитие теории и практики экономики труда. – М. - Берлин, 2017.
6. Дмитриева Н.К. Академическая мобильность как личностное качество субъектов образовательного процесса // Научный электронный ежеквартальный журнал «Непрерывное образование: XXI век». – Выпуск No4.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. // Ваше право. Миграция. 2012. № 13.
8. Кузьмина Н.Н., Ананченкова П.И. Четвертая промышленная революция: глобальные вызовы и перспективы цифровизации. Часть 1. Цифровизация как основа четвертой промышленной революции// Труд и социальные отношения. 2018. № 2. С. 5-14.
9. Попов Л.В. Академическая мобильность. Измерения и оценки// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Педагогическое образование. 2017. № 2. С.49-59.
10. Теплякова О.А. Академическая мобильность как платформа для развития российско-скандинавских отношений // Matters of Russian and International Law. 2016. Vol. 6, Is. 11A. С. 58-68.
11. Шеремет, А. Н. Формирование академической мобильности будущих учителей информатики средствами информационных и коммуникационных технологий// Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - Новокузнецк, 2009.
12. Academic Mobility. // URL: <https://www.hse.ru/en/studyspravka/acsmob>. (Дата обращения: 10.09.2019)
13. Papatsiba V. Student mobility in Europe: an academic, cultural and mental journey? Some conceptual reflections and empirical findings // International Relations. International Perspectives on Higher Education Research, 2005. Vol. 3. P. 29-65.
14. Recommendation № R (95) 8 of the Committee of Ministers to Member States on academic mobility, adopted by the Committee of Ministers on 2 March 1995 at the 531st meeting of the Ministers' Deputies // URL: <http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/mobility.pdf>. (Дата обращения: 10.09.2019)
15. Recommendation № R (96) 7 of the Committee of Ministers to Member States on regional academic mobility, adopted by the Committee of Ministers on 5 September 1996 at the 572nd meeting of the Ministers' Deputies // URL: http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/regiona_academic_mobility_95.pdf. (Дата обращения: 10.09.2019)

Bibliography

1. Ananchenkova P.I. Image as a factor of competitiveness of a higher educational institution. - M.: Academy of Labor and Social Relations, 2013.
2. Ananchenkova P.I., Anikeeva O.P., Akhmetzyanova G.N., Akhmetshin A.Kh., Ashcheulov V.A., Badeeva E.A., Bezborodova T.M., Bulakhova Yu.V., Volodin A.I., Gaididei Yu.M., Golubeva A.I., Gorbenko S.M., Goryunov I.V., Gridina L.V., Gurov V.S., Gushchina L.S., Derkanosova N.M., Donetskaya S.S., Dremova L.A., Dubov G.M. et al. Quality management and innovation in education: a regional aspect. Collective monograph in 2 volumes. - M., 2010.
3. Brinev N. S. Academic mobility of students as a factor in the development of the internationalization of education // URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o60.htm>. (09.10.2019)
4. Varlamova A.V. Academic mobility of students of Russian universities (on the example of FSBEI "RGUTIS") // Bulletin of the Association of Tourism and Service Universities. 2014. № 1. P. 74-79.
5. Galaeva E.V., Dolzhenkova Yu.V., Zhukov A.L., Zbyshko B.G., Kyazimov K.G., Roik V.D., Rofe A.I., Samrailova E.K., Shakhovoj V.A., Ananchenkova P.I., Balandina O.V., Vashalomidze E.V., Veshkurova A.B., Govorova N.A., Ivanov G.S., Iglitskaya E.A., Kopylova G. A., Kugushev R.R., Kumar Yu.B., Ser L.M. et al. Development of the theory and practice of labor economics. - M. - Berlin, 2017.
6. Dmitrieva N.K. Academic mobility as a personal quality of the subjects of the educational process // Scientific electronic quarterly journal "Continuing Education: XXI Century". - Issue No4.
7. The concept of state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025: approved. President of the Russian Federation on June 13, 2012 // Your right. Migration. 2012. № 13.
8. Kuzmina NN, Ananchenkova P.I. Fourth Industrial Revolution: Global Challenges and Prospects for Digitalization. Part 1. Digitalization as the basis of the fourth industrial revolution // Labor and social relations. 2018. № 2. P. 5-14.
9. Popov L.V. Academic mobility. Measurements and estimates // Vestn. Mosk. un-that. Ser. 20. Pedagogical education. 2017. № 2. P. 49-59.
10. Teplyakova O.A. Academic mobility as a platform for the development of Russian-Scandinavian relations // Matters of Russian and International Law. 2016. Vol. 6, Is. 11A. P. 58-68.
11. Sheremet A.N. Formation of the academic mobility of future informatics teachers by means of information and communication technologies // Abstract. dis. ... cand. ped sciences. - Novokuznetsk, 2009.
12. Academic Mobility. // URL: <https://www.hse.ru/en/studyspravka/acmob>. (09.10.2019)
13. Papatsiba V. Student mobility in Europe: an academic, cultural and mental journey? Some conceptual reflections and empirical findings // International Relations. International Perspectives on Higher Education Research, 2005. Vol. 3. P. 29-65.
14. Recommendation No. R (95) 8 of the Committee of Ministers to Member States on academic mobility, adopted by the Committee of Ministers on 2 March 1995 at the 531st meeting of the Ministers' Deputies // URL: <http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/mobility.pdf>. (09.10.2019)
15. Recommendation No. R (96) 7 of the Committee of Ministers to Member States on regional academic mobility, adopted by the Committee of Ministers on 5 September 1996 at the 572nd meeting of the Ministers' Deputies // URL: http://www.coe.int/t/dg4/highereducation/resources/regiona_academic_mobility_95.pdf. (09.10.2019)

Дармилова Э.Н.

*Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных дисциплин
Северо-Кавказская государственная академия.*

Сидаков А.М.

*Кандидат политических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Московский институт деловой карьеры, филиал
в Карачаево-Черкесской республике.*

Роль информационных технологий во взаимодействии государства и гражданского общества

Становление и формирование информационного общества является одним из приоритетов государственной информационной политики, устойчивого экономического роста государства и повышения качества жизни граждан в условиях глобализации мировой экономики.

Отражая весь комплекс интересов и приоритетов общества в информационной среде, которые изменяются в процессе его жизнедеятельности, государственная информационная политика является одной из основополагающих составляющих управления современным государством.

В 2000 году странами «Большой восьмёрки» была принята Окинавская Хартия, в которой информационное общество трактуется как нечто, позволяющее людям «шире применять свои возможности и претворять в действительность свои установки», а его основой признаны такие демократические принципы, как независимый взаимообмен информацией и знаниями, толерантность» [1].

Т.А. Тризно полагает, что наиболее значительной сферой для информационной политики становится информационное пространство. Структура информационной политики может быть представлена через субъект-объектные отношения, при которых инициатором, в качестве субъекта политики, представляется государство, гарантирующее нормативно-правовое обеспечение порядка, проведения, рамок этой политики и принимающее участие в её осуществлении [2, с. 10].

Исследуя процесс формирования рынка информационных продуктов

и услуг в России, выделим его такие важнейшие элементы, как: обслуживание и использование новейшей информационной техники, современные компьютеры, обновленная компьютерная сеть и идентичные им способы обработки данных; нормативное и законодательное обеспечение цивилизационных отношений на рынке информационных услуг; внедрение информационно-навигационных средств и структур, обеспечивающих нахождение необходимых сведений; регулирование, на государственном уровне взаимной связи изготовителей и носителей информационных продуктов [3, с. 392].

В современных условиях, по мере становления общества, смысл информационных технологий значительно повышается, в связи с технологизацией деятельности человека, а технология, включенная в порядок общественных отношений, превращается в фактор особых социальных трансформаций, воздействуя на различные структуры и подсистемы общества. Информационные технологии влияют на характер политических коммуникаций, который меняется с развитием компьютерных технологий, позволяющих на высоких скоростях связывать между собой субъектов политической деятельности в независимости от времени и пространства, с целью осуществления активной реализации, как традиционных моделей коммуникации, так и специфических, существующих в виртуальном пространстве. В современных информационных технологиях заложен большой политико-управленческий потенциал, который значительно изменяет степень информационного обеспечения процессов принятия политических решений на всех уровнях государственной власти.

Ш.М. Османова считает, что развитие информационного общества позволяет гражданам использовать возможность получать быстрый доступ к различного рода информации; увеличивать возможности людей быть задействованными в разработке политических решений и наблюдать за действиями правительств; обеспечивает площадку для активного производства данных; предоставляет средства взаимного общения, защиты личной жизни и анонимность личных посланий [4, с. 346].

В России, конец 1990-х начало 2000 годов, был ознаменован внедрением информационных технологий в государственное управление.

Началась всеобщая компьютеризация ведомств, формирование баз данных и корпоративных сетей, электронных представительств государственных органов власти в сети Интернет, введение документооборота в электронном виде и т.д., позволившие к концу 2010 года, сформировать инфраструктуру «электронного правительства», подготовить основу ин-

формационного взаимодействия граждан и государства в новых условиях.

Исходя из определения информационного общества как многогранного феномена, имеющего сложную структуру, но, при этом обладающего рядом определённых признаков, представители теории информационного общества говорили о нем как о феномене, имеющем принципиально новый общественный порядок, в котором в качестве социального ресурса выделяется информация и знание, а основой является компьютерная технология.

А.В. Шохнех отмечает, что информация является основой деятельности всех органов власти и системы государственного управления, а информационные технологии повышают результативность решения задач по обработке большого количества сведений, ускоряют взаимодействие органов государственной власти, обеспечивают более качественный уровень предоставления электронных государственных и муниципальных услуг, способствуют осуществлению процесса обмена и распространения информации о деятельности государственных органов и обеспечивают обратную связь с гражданами [5, с. 125].

Важное значение для граждан имеет возможность получения необходимой информации и наличие доступа к ней. К таким возможностям можно отнести: публикацию в СМИ и в Интернете, обнародование наиболее важных справочных данных на стендах по размещению информации; доступ к бумажным и электронным архивам, расположенным в органах власти и специально сформированных пунктах коллективного доступа; доступ к материалам заседаний, проводимых законодательными и исполнительными органами власти; рукописные и электронные требования о передаче информации, отправляемые по электронной, почтовой связи, факсу; запрос в устном виде, на получение сведений, как по телефону от оператора информационно-справочной службы, специалиста органов власти так и при личной встрече с сотрудником в органах государственной власти.

Цифровое телевидение и радиовещание, проводное радиовещание и мобильная связь, сегодня рассматриваются как средства предоставления доступа к Интернету.

Переоборудование сетей наземного эфирного пространства путем перехода на цифровые технологии является современной тенденцией в Российской Федерации, позволяющей обеспечить население многопрограммным вещанием хорошего качества и оказать значительное влияние на формирование рынков средств массовой информации, связи и производства российского мульти-медийного и радиооборудования, форми-

рование и развитие инфраструктуры производственно-внедренческих, сбытовых и сервисных организаций, будущее развитие малого и среднего предпринимательства и расширение конкуренции в этой сфере. Сеть Интернет позволяет хранить данные и предоставлять информационные услуги потребителям, что значительно упрощает процесс запроса на услуги и их получение, избавляя заявителей от необходимости ориентироваться в многообразии правительственных структур и их взаимодействии. Отмечая довольно высокую расходность процесса предоставления государственных услуг в электронном виде, исследователи приходят к выводу, что эти затраты необходимо расценивать как инвестиции, в связи с тем, что система оказания электронных услуг формируется на продолжительное время и её создание, в конечном счете, окупается как с учетом расходных материалов так и с учетом почтовых расходов, а что самое главное – с учетом затрат времени на стандартные операции, совершаемые государственными служащими и управленческим аппаратом [6, с. 245]. Успех программы проявляется в том, что для граждан государственные услуги в электронном виде становятся более доступными, а деятельность органов государственной власти будет более прозрачной и эффективной. В современных условиях невозможно игнорировать новые, популярные мировые веяния, в частности Интернет. Российская интернет-аудитория в настоящее время продолжает расти с возрастающим темпом, что немаловажно при получении электронных государственных и муниципальных услуг, как гражданами, так и бизнесом.

Исследователи определяют возможности и достоинство Интернета, рассматривая вопрос внимания власти к построению и упорядочиванию связи государства, граждан и бизнеса с использованием новых информационных технологий. При этом отмечено, что Интернет представляется как предельно доступный, из всех средств связи, канал, с развитым функционалом коммуникации; системой государственной регуляции и контроля поведения должностных лиц, с механизмом получения объективной обратной связи через Интернет в диалоге общества и власти, с возможностью избавления от всевозможных посредников [7, с. 110].

М.А. Щенников утверждает, что всемирная паутина бросает вызов традиционным институтам, в сущности, оказывая сильное влияние на государственные органы власти, с целью квалифицированного исполнения ими своих функций. В то же время информационно-коммуникационные технологии предоставляют современные плодотворные средства общения между гражданами, политическими кооперациями и властью [8, с. 68].

Очевидно, что Интернет-технологии относятся к информационным технологиям и являются техническим средством, ввод которого кардинально меняет деятельность государственной власти. Интернет обладает таким важным свойством как интерактивность. Данное свойство незамедлительного общения призвано сделать Интернет удобным средством для осуществления эффективной коммуникации во взаимодействии органов государственной власти, граждан и бизнеса.

В России, с развитием Интернета стало возможным быстрое развитие сетевых коммуникаций в виде социальных сетей (Facebook, Twitter, В Контакте), которые обеспечивают независимый обмен мнениями значительной части граждан через межличностные взаимодействия на горизонтальном уровне по одной теме, значительно увеличивая уровень рефлексивности общества по этим проблемам. Кроме того, они фиксируют те актуальные темы, которые волнуют общественное мнение, повышая уровень возможности выговориться и определить общественное согласие по значимым социальным проблемам помимо желания и контроля власти, влиять на формирование повестки дня [9, с. 65]. По своим характеристикам Интернет является уникальной информационной средой формирования общественного мнения, предоставляет дополнительный набор средств связей с общественностью, позволяя существенно снижать на них затраты.

При обсуждении роли Интернета во взаимоотношениях государства и граждан следует учитывать безграничные внутренние резервы распространенных информационных технологий, не признающих временных и пространственных барьеров [10, с. 67].

Исследователи утверждают, что Интернет имеет такие уникальные характеристики как: глобальность – предоставление немедленного доступа к мировым данным; рассредоточенность – недоступность проверки, которая возможна на телевидении и радио; не соединенность – местоположение, позволяет опубликовывать сведения вне проверки правительством; доступность – небольшие барьеры к открытости, невысокая стоимость образования и передачи информации; неограниченность – безграничная реальность сохранять информацию; инфраструктурную независимость – не связанность ни с одной инфраструктурой, кроме провайдеров Интернета; подконтрольность пользователю – возможность пользователя проверять информацию, приходящую на компьютер и выходящую из него; интерактивность – диалог человека с другим человеком, человека с многими людьми и их диалог с одним человеком в режиме реального времени; синхронность – общение в режиме реального времени; асин-

хронность – возможность отложенного взаимодействия [11, с. 90].

В современном обществе базы данных, являясь главным источником информации для информационного обслуживания, также интегрируют в себе поставщиков и потребителей информационных услуг, регулируют связи между ними, устанавливают порядок, правила продажи и реализации информационных услуг. Обеспечением информационными продуктами и услугами занимаются центры, в которых производятся и хранятся базы данных, происходит накопление и редактирование информации; центры, распределяющие данные; отделы телекоммуникации и трансляции информации; специально предназначенные службы (консультационные фирмы, банки, биржи, коммерческие предприятия), которые накапливают определенную информацию, с целью её анализа, абстрагирования, прогнозирования.

Исследование роли и места Интернет технологий в политическом пространстве стало осуществляться в девяностых годах прошлого столетия и проводилось на стыке политической науки, социологии, политической психологии, социологии и информатики. Следует отметить, что использование Интернет технологий приводит к положительному результату и преодолению негативных тенденций политики посредством: упрощения взаимосвязи граждан и органов государственной власти; уменьшением расходов на политическое взаимодействие между индивидами, которые придерживаются примерно одинаковых взглядов, однако, не осуществляющих взаимодействие в реальном мире. Исследователи утверждают, «занимать лидирующие позиции во власти не возможно, если не иметь доступ к традиционным средствам массовой информации (электронным и печатным) [12, с. 116].

Информационная роль Интернета в последнее время значительно возросла, кроме того, web-сеть со временем может стать основным, ведущим источником политической информации, а традиционные СМИ уйдут на второй план и будут постепенно оттесняться web-сетью. Такое положение дел можно объяснить наличием разных каналов коммуникации. Например, традиционные печатные средства массовой информации работают по односторонней коммуникации – т.е. осуществляют воздействие на определенных субъектов и поддерживают контроль над нами посредством монолога. Интернет технологии же напротив, открыли новые возможности по многосторонней коммуникации. Каждый человек может выступить как в качестве получателя информации, так и её отправителя. Интернет технологии дают возможность обеспечивать постоянный систематический общественно-политический диспут, при котором при-

существует возможность электронной обратной связи, когда гражданин в режиме реального времени может завязать диалог с властью. Умение использовать сеть Интернет в собственных интересах, дает возможность политическим структурам вовлекать граждан в процесс управления, а государственным структурам обеспечивать гражданам предоставление и получение электронных государственных услуг.

Список литературы:

1. Окинавская Хартия глобального информационного общества // URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> (дата обращения - 15.05.2019).
2. Тризно Т.А. Электронное правительство как инструмент реализации государственной информационной политики Канады. Автореф. на соиск.учен степени канд. полит.наук. 23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет». Астрахань, 2014.
3. Радчук В.А. Перспективы развития рынка информационных услуг в регионе // Инженерный вестник Дона. 2012. № 2. Том 20.
4. Османова Ш.М. Становление и развитие информационного общества в республике Азербайджан // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3.
5. Шохнех А.В. Статистический анализ особенностей развития информационных технологий в регионах России // УЭК. 2012. № 48 (12).
6. Ефимова И.Н., Маковейчук А.В. // Известия АлтГУ. 2012. № 4-1 (76).
7. Гришин О.Е. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве/О.Е.Гришин, А.А.Воронова // PolitBook. 2012. № 1.
8. Щенников М.А.. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России: автореф. Дис. Канд.полит. наук: 23.00.02 / М.А.Щенников: гос. ун-т им. П.Г. Демидова - Ярославль, 2010.
9. Зазаева Н. Б. Политические коммуникации в современной России/ Н.Б.Зазаева // Власть. 2012. № 7.
10. Бронников И.А. Политическая коммуникация и современность // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 4.
11. Интернет как инструмент продвижения некоммерческих организаций и проектов // Эффективные коммуникации в деятельности некоммерческих организаций. Практические рекомендации / отв.ред. Д.К. Сабирова. – Казань: Изд-во Казан. Гос. техн.ун-та, 2014.
12. Рослякова А.В. Использование информационных технологий в избирательных кампаниях // Материалы международной научно-практической конференции «Электронная культура и новые гуманитарные технологии XXI века» / отв. ред. Е.Е. Рябцева. – Астрахань: ООО КЦП «ПолиграфКом», 2007.

Bibliography

1. Okinawa Charter for the Global Information Society. // URL: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html> (05.15.2019).
2. Trisno T.A. E-government as a tool for implementing Canada's public information policy. Abstract. on the degree program Cand. political science. 23.00.02. Political institutes, processes and technologies. Astrakhan State University. Astrakhan, 2014.
3. Radchuk V.A. Prospects for the development of the market of information services in the region // Engineering Bulletin of the Don. 2012. № 2. Vol. 20.
4. Osmanova Sh.M. Formation and development of the information society in the Republic of Azerbaijan // Caspian region: politics, economy, culture. 2012. № 3.
5. Shokhneh A. V. Statistical analysis of the features of the development of information technology in the regions of Russia // UEK. 2012. № 48 (12).
6. Efimova I. N. Social networks as a new mechanism for forming the image of subjects of political activity // News of AltSU. 2012. № 4-1 (76).
7. Grishin O.E. The instrumental function of the media and the blogosphere in the political information space / O.E. Grishin, A.A. Voronova // PolitBook. 2012. № 1.
8. Schennikov M.A. Internet technologies in the political communication of modern Russia: author. Dis. Candidate of Political Science: 23.00.02 / M.A. Schennikov: state. un-t them. P.G. Demidova - Yaroslavl, 2010.
9. Zazaeva N.B. Political communications in modern Russia // Power. 2012. №7.
10. Bronnikov I.A. Political communication and modernity // NB: Questions of law and politics. 2013. № 4.
11. The Internet as a tool for promoting non-profit organizations and projects // Effective communications in the activities of non-profit organizations. Practical recommendations / ed. D.K. Sabirova. - Kazan: Kazan publishing house. State Technical University, 2014.
12. Roslyakova A.V. The use of information technology in election campaigns // Materials of the international scientific-practical conference "Electronic Culture and New Humanitarian Technologies of the 21st Century" / ed. ed. HER. Ryabtseva. - Astrakhan: LLC PCC «PolygraphCom», 2007.

Аннотации

Михайлова Н.В.

Каргина А.А.

Гришин В.О.

Организации некоммерческого сектора как новый актор лоббистской деятельности российской политической системы

В статье анализируется лоббистская деятельность некоммерческих организаций в России. Некоммерческий сектор – это специфическая структура, которая имеет свои особенности, в том числе особенности законодательного оформления, что является ключевой проблемой на пути к формированию эффективной деятельности со стороны НКО. Один из эффективных механизмов лоббирования в России – привлечение общественного внимания. Тем не менее, несмотря на прозрачность этого процесса, большинство граждан России не верят в лоббизм и нередко ассоциируют его с криминалом и коррупцией.

Ключевые слова: некоммерческие организации, лоббистская деятельность, актор, политическая система, государство, общество.

Трофимов Е.Н.

Северный Кавказ: этнотуризм и социальные коммуникации

Сегодня практически все руководители субъектов федерации Северного Кавказа, входящие в северо-Кавказский Федеральный округ, видят во всестороннем развитии туризма у себя дома перспективу развития и способ решения ряда важных социально-экономических проблем, включая занятость, развитие транспорта, инфраструктуры. Все они разработали и воплощают свои программы по развитию туризма. Однако, что бы обеспечить туристическую привлекательность этих республик, нужно найти специфику. Именно развитие этнотуризма наряду с иными видами туристической активности позволят региону успешно двигаться в заданном направлении. В статье рассматривается значение этнотуризма для северокавказских республик и варианты реализации его концепций, важнейшей из которых является расширение социальных коммуникаций Северного Кавказа с остальной Россией.

Ключевые слова: Северный Кавказ, развитие туризма, кластерный подход, социальные коммуникации, СМИ, инфраструктура, гостеприимство, этнотуризм.

Линник Т.С.

Михайлов В.А.

Международная политика Украинской Центральной Рады (март 1917 – апрель 1918 гг.): цели и достижения

В статье проанализированы ключевые моменты международной политики Центральной Рады в условиях становления украинской государственности,

раскрыты сдерживающие факторы дипломатической миссии УНР.

Ключевые слова: Центральная Рада, международная политика, универсалы, Украинская народная республика, Брест-Литовский мирный договор, федерация.

Некрасов А.С.

Образ – ментальный код социально-ценностной информации

В статье анализируются три группы определений «образа», а также различные подходы к пониманию «образа» у представителей неклассического рационализма, позитивизма и других современных западных направлений. На этой основе рассматривается как ментальный код социально-значимой информации в формах образ-руководящей идеи, образ-идеала, образ-ценности. Формирование образа анализируется на примере трансформации таких существенных черт российского менталитета как духовность, коллективизм (соборность), государственность и др.

Ключевые слова: образ, ментальный код, информация, копия объекта, чувственный феномен психики, интенциональность, социальный механизм, имиджевые стратегии, стандарты поведения.

Курбанов А.М.

Политика и религия в современном российском социуме: взаимообусловленность и взаимовлияние

В статье изложены теоретические и прикладные основы коммуникативной и регулятивной составляющих религии в общественно-политической жизни российского общества, которое находится в состоянии трансформации и политических изменений. Автором предпринята попытка рассмотреть влияние моральных стимулов политики и религии на поведение людей. Актуальность статьи обусловлена многомерностью соотношений религии и политики, требующей детального исследования механизмов, используемых в политике для целенаправленной координации происходящих процессов в российском обществе. Определение значимости политической воли и нравственных установок наших соотечественников, во взаимосвязи с принимаемыми ими управленческими решениями играют важную роль для современного российского социума. По мнению автора, в современном обществе политическая культура представляет собой симбиоз уровня цивилизации и религиозных традиций. Чрезвычайно важным вопросом является изучение средств воздействия религии на политику и наоборот.

Ключевые слова: общественно-политическая жизнь, религия, политическая воля, нравственные установки, социум.

Фадеев П.В.

Потенциал музеев Уфы в формировании идентичностей посетителей

Статья является попыткой осмысления влияния музеев на формирование идентичностей посетителей. Объектом исследования стали четыре музея сто-

лицы Башкортостана – Уфы: Национальный музей Башкортостана (центральный филиал), музей Ш.А. Худайбердина, музей С.Т. Аксакова музей, М.В. Нестерова. Исследование показало, что большая часть мероприятий Национального музея Башкортостана нацелена на формирование и поддержание башкортостанской и башкирской идентичностей. Некоторые встречи проходят на башкирском языке, а аудиторию тематических вечеров составляют башкиры (в меньшей степени татары и русские). В музее Худайбердина также имеется ориентация на башкирскую культуру (советского периода), который при этом не переходит в национализм. Музей Аксакова оказался островком традиционной русской культуры и православия, а Аксаков позиционируется работниками как русский писатель, в отличие от Нестерова, который в галерее позиционируется общероссийской художник.

Ключевые слова: музей, Башкортостан, государственно-гражданская идентичность, республиканская идентичность, этническая идентичность, уфимская идентичность, межэтнические отношения.

Узденова Б.Х.
Семенова А.Н.
Казиева М.Х.

Роль информационных технологий в формировании информационного общества

Развитие информационных технологий, с точки зрения накопления и передачи информации, проходило в несколько этапов и способствовало формированию новой системы информационно-коммуникационных отношений, созданию информационного общества в целом, развитие которого позволяло расширять права граждан к получению информации, путем предоставления моментального доступа к ней, давая площадку для активного производства информации, её создания и распространения.

Ключевые слова: информационные технологии, информация, информационное общество, информатизация.

Нансо М.Б.

Особенности реализации право индивида и право народа на самобытность в условиях глобализации

В статье показана сложность реализации права индивида на выражение своей этнонациональной принадлежности в условиях быстро модернизирующихся сообществ. Проанализировав особенности развития мира национального в условиях глобализации, автор приходит к выводу о том, что реализация права индивида на самобытность не может быть эффективно обеспечена лишь посредством осуществления прав человека во всей их совокупности. В статье последовательно доказывается тезис о том, что полноценная реализация индивидуального права человека идентифицировать себя с определенной общностью

не может быть обеспечена без наличия аналогичного права у самой этнической общности: именно это коллективное право обеспечивает существование самой этнической общности и ее культуры.

Ключевые слова: глобализация, самобытность, этнонациональное развитие, право на самобытность, право на выражение этнической принадлежности, права человека, права народов, индивидуальные и коллективные этнические права.

Омаров М.О.

Насухов Н.Ч.

Сравнительный анализ форм и методов социокультурной работы с вынужденными мигрантами в России и за рубежом

Статья посвящена проблемам социокультурной адаптации вынужденных мигрантов в России и за рубежом. На основе сравнительного дискурса проанализированы особенности социокультурной деятельности в отношении вынужденных мигрантов в России и за рубежом, а также отмечены меры по оптимизации государственной политики по регулированию миграционных процессов.

Ключевые слова: социокультурная деятельность, адаптация, миграция, интеграция.

Терновая Л.О.

Политический непотизм в национальном и глобальном измерениях

Среди множества подходов к анализу геополитической ситуации в рамках социологической школы выделяется исследование, построенное на основе изучения специфики социальных ролей участников международных отношений. Оно позволяет экстраполировать на области внутренней и внешней политики роли акторов других социальных институтов, прежде всего, института семьи. Благодаря такому подходу можно найти объяснение причин не просто прочности моделей семейных отношений, но и их переноса в политическую жизнь и далее в геополитику.

Ключевые слова: геополитика, международные отношения, история, семья, непотизм, династия, клан.

Иларионова Т.С.

Русские евреи в Америке: феномен тройной лояльности

Тема многокомпонентной, сложной лояльности евреев из России в Америке - интересное исследовательское поле. Здесь есть что изучать и социологам, и социальным психологам, и социальным философам, и политологам, и этнологам.

Ключевые слова: США, Россия, философия, политология, этнология, исследования, лояльность.

Захарова Е.В.

Муссауи-Ульянищева Е.В.

Ульянищева Л.В.

Вопросы обучения английскому языку в мультиэтническом окружении

В статье рассматриваются вопросы изменений культурной идентификации жителей Великобритании; лингвистического осознания подобных изменений в процессе обучения английскому языку как иностранному; этнических особенностей жителей Британских островов – как коренного населения, так и иммигрантов.

Ключевые слова: социолингвистический, мультиэтнический, культурная идентификация, этническая принадлежность, социальный престиж, литературный английский язык, интеграция, билингвизм.

Алиев У.С.

Проблемы в реализации военно-политической интеграции евразийского пространства

В статье раскрываются особенности реализации военно-политической интеграции в евразийских странах. В основном она осуществляется в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. В статье описываются проблемные аспекты деятельности ОДКБ. К ним можно отнести неполную готовность ОДКБ к противодействию транснациональным угрозам, организационные проблемы, связанные, например, с назначением Генерального секретаря ОДКБ, непропорциональность расходов стран-участниц на содержание ОДКБ и ряд других. Для повышения эффективности евразийской военно-политической интеграции необходимо найти решения этих проблем.

Ключевые слова: военно-политическая интеграция, евразийские страны, ОДКБ, оборона, гегемонизм, безопасность, стабильность.

Соловьева Д.Д.

Система образования как канал рекрутирования политической элиты во Франции

В статье анализируется система высшего образования Франции с акцентом на вхождение выпускников в политическую элиту и трудоустройство на высокие государственные должности. Рассматриваются основные образовательные треки членов Кабинетов министров Пятой французской республики (с 1958 г. по 2019 г.) с фокусом на учреждение высшего образования и специализацию. Особенность публикации состоит в том, что автором определяются наиболее распространенные вузы и направления подготовки, анализируются составы кабинетов правительства на предмет репрезентации различных учебных заведений, рассчитывается коэффициент концентрации и конкурентности вузов. На основе проведенного анализа автор доказывает наличие устойчивого паттерна рекрутирования политической элиты, который сохраняется несмотря на отдельные тренды рекрутирования при каждой новой элитной группе.

Ключевые слова: политическая элита, система образования, каналы рекрутирования.

Махмудов А.С.

**Модель региональной безопасности:
преимущества сравнительно-политологического анализа**

В данной статье рассматривается одна из важнейших проблем международной безопасности, касающаяся ее регионального характера. Политическая регионалистика уже давно выделилась в самостоятельную область политологических. В статье раскрываются преимущества сравнительно-политологического анализа региональной безопасности.

Ключевые слова: глобализация, регионализация, фрагментация, безопасность, компаративистика, сравнительно-политический анализ.

Аксенова Е.И.

**Академическая мобильность как фактор развития
международных отношений в сфере образования.**

Часть 1. Теоретические аспекты

Более 10 лет Россия является полноправным участником Болонского процесса, пожалуй, наиболее значимого процесса международной образовательной интеграции и интернационализации, провозглашающего необходимость национальной и международной мобильности преподавателей, исследователей и студентов. С вступлением России в Болонский процесс академическая мобильность стала основой не только повышения эффективности отдельно взятых университетов, но и базой для глобальной конкурентоспособности национальной образовательной системы в глобальном, общемировом пространстве.

Ключевые слова: международные отношения, образование, академическая мобильность, интернационализация.

Дармилова Э.Н.

Сидаков А.М.

**Роль информационных технологий
во взаимодействии государства и гражданского общества**

Проводимая государственная информационная политика направлена на формирование информационного общества, в котором информационные технологии значительно упрощают процесс обращения и получения гражданами и предпринимателями электронных государственных услуг. Использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности органов государственной власти по оказанию государственных услуг населению представляет собой ключевой элемент взаимодействия государства и общества.

Ключевые слова: информационные технологии, информационное общество, информационное пространство, электронные государственные услуги.

Abstracts

Mikhailova N.V.

Kargina A.A.

Grishin V.O.

Organizations of the non-profit sector as a new actor of lobbying activities of the Russian political system

The article analyzes the lobbying activities of non-profit organizations in Russia. The non-profit sector is a specific structure that has its own peculiarities, including peculiarities of legislative registration, which is a key problem on the way to the formation of effective activities by NPOs. One of the effective lobbying mechanisms in Russia is to attract public attention. Nevertheless, despite the transparency of this process, most Russian citizens do not believe in lobbying and often associate it with crime and corruption.

Keywords: non-profit organizations, lobbying activities, actor, political system, state, society.

Trofimov E.N.

North Caucasus: ethnic tourism and social communications

Today, almost all the leaders of the subjects of the North Caucasus Federation, members of the North Caucasus Federal District, see the comprehensive development of tourism at home as a development prospect and a way to solve a number of important socio-economic problems, including employment, development of transport, and infrastructure. All of them have developed and are implementing their tourism development programs. However, in order to ensure the tourist attractiveness of these republics, you need to find the specifics. It is the development of ethno-tourism along with other types of tourist activity that will allow the region to successfully move in a given direction. The article discusses the importance of ethno-tourism for the North Caucasus republics and options for the implementation of its concepts, the most important of which is the expansion of social communications of the North Caucasus with the rest of Russia.

Keywords: North Caucasus, tourism development, cluster approach, social communications, media, infrastructure, hospitality, ethno-tourism.

Linnik T.S.

Mikhailov V.A.

International Politics of the Ukrainian Central Rada (March 1917 – April 1918): goals and achievements

This article offers an analysis of Ukrainian Central Rada international policy highlights in conditions of Ukrainian statehood formation. Authors also reveal the factors that constrained the development of Ukrainian national republic diplomatic mission.

Keywords: Ukrainian Central Rada, international policy, universals, Ukrainian national republic, Treaty of Brest-Litovsk, federation.

Nekrasov A.S.

Image - mental code social-value information

The article analyzes three groups of definitions of an “image”, as well as various ap-

proaches to understanding the “image” among representatives of non-classical rationalism, positivism, and other modern Western trends. On this basis, it is considered as a mental code of socially significant information in the forms of a once-guiding idea, an image-ideal, an image-value. Image formation is analyzed on the example of the transformation of such essential features of the Russian mentality as spirituality, collectivism (collegiality), statehood, etc.

Keywords: image, mental code, information, copy of an object, sensory phenomenon of the psyche, intentionality, social mechanism, image strategies, standards of behavior.

Kurbanov A.M.

**Politics and religion in modern Russian society:
interdependence and mutual influence**

The article sets out the theoretical and applied foundations of the communicative and regulatory components of religion in the socio-political life of Russian society, which is in a state of transformation and political change. The author made an attempt to consider the influence of moral incentives of politics and religion on people’s behavior. The relevance of the article is due to the multidimensionality of the relations between religion and politics, which requires a detailed study of the mechanisms used in politics for the purposeful coordination of the processes taking place in Russian society. Determining the significance of the political will and moral attitudes of our compatriots, in conjunction with the management decisions they make, play an important role for modern Russian society. According to the author, in modern society, political culture is a symbiosis of the level of civilization and religious traditions. An extremely important issue is the study of the means by which religion affects politics and vice versa.

Keywords: social and political life, religion, political will, moral attitudes, society.

Fadeev P.V.

**The potential of Ufa museums
in the formation of visitor identities**

The article is an attempt to understand the influence of museums on the formation of visitor identities. The object of the study were four museums in the capital of Bashkortostan - Ufa: the National Museum of Bashkortostan (central branch), the Museum of Sh.A. Khudaiberdin, Museum of S.T. Aksakov and Museum of M.V. Nesterov. The study showed that most of the events of the National Museum of Bashkortostan are aimed at the formation and maintenance of Bashkortostan and Bashkir identities. Some meetings are held in the Bashkir language, and the main audience of thematic evenings are Bashkirs (to a lesser extent Tatars and Russians). The Khudaiberdin Museum is orientated on Bashkir culture of the Soviet period, which at the same time does not turn into nationalism. The Aksakov Museum turned out to be an island of traditional Russian culture and Orthodoxy, while Aksakov is positioned as an ethnic Russian writer, unlike Nesterov, who is positioned in the gallery as an all-Russian artist.

Keywords: museum, Bashkortostan, state-civil identity, republican identity, ethnic identity, Ufa identity, interethnic relations.

Uzdenova B.Kh.

Semenova A.N.

Kazieva M.Kh.

The role of information technologies in the formation of the information society

The development of information technologies, from the point of view of accumulation and transfer of information, took place in several stages and contributed to the formation of a new system of information and communication relations, the creation of an information society in General, the development of which allowed to expand the rights of citizens to receive information by providing instant access to it, giving a platform for active production of information, its creation and dissemination.

Keywords: information technology, information, information society, informatization.

Napso M.B.

Features of realization the right of the individual and the right of the people of nanosecond originality in the conditions of globalization

In the clause complexity of realization of the right of the individual on expression of the ethnonational identity in the conditions of quickly modernized communities is shown. Having analysed features of development of the world national in the conditions of globalization, the author comes to a conclusion that realization of the right of the individual on originality cannot be effectively provided only by means of realization of human rights in all their set. In the clause the thesis that high-grade realization of individual human rights to identify itself with a certain generality is consistently proved cannot be provided without availability of the similar right at the most ethnic generality: this collective right provides existence of the most ethnic generality and its culture.

Keywords: globalization, originality, ethnonational development, the right to originality, the right to expression of an ethnic accessory, human rights, the right of the people, the individual and collective ethnic rights.

Omarov M.O.

Nasukhov N.Ch.

Comparative analysis of forms and methods of socio-cultural work with forced migrants in Russia and abroad

The article is devoted to the problems of socio-cultural adaptation of forced migrants in Russia and abroad. On the basis of comparative discourse, the features of socio-cultural activities in relation to forced migrants in Russia and abroad are analyzed, as well as measures to optimize the state policy on the regulation of migration processes are noted.

Keywords: socio-cultural activities, adaptation, migration, integration.

Ternovaya L.O.

Political nepotism in the national and global dimensions

Among the many approaches to the analysis of the geopolitical situation within the framework of a sociological school, a study based on the study of the specifics of the social roles of participants in international relations is distinguished. It allows extrapolating to the field of domestic and foreign policy the roles of actors of other social insti-

tutions, primarily the institution of the family. Thanks to this approach, one can find an explanation of the reasons not only for the strength of the models of family relations, but also for their transfer to political life and further to geopolitics.

Keywords: geopolitics, international relations, history, family, nepotism, dynasty, clan.

Ilarionova T.S.

Russian Jews in America: the phenomenon of triple loyalty

The topic of multicomponent, complex loyalty of Jews from Russia to America is an interesting research field. Here there is something to study for sociologists, and social psychologists, and social philosophers, and political scientists, and ethnologists.

Keywords: USA, Russia, philosophy, political science, ethnology, research, loyalty.

Zakharova E.V.

Mussaui-Ulyanischeva E.V.

Ulyanischeva L.V.

The issues of teaching English in a multi-ethnic environment

The article discusses changes in the cultural identity of the inhabitants of the British Isles and the linguistic awareness of such changes in the process of teaching English as a foreign language. The authors analyze the ethnic characteristics of the inhabitants of the UK, including national, social and individual traits of both the indigenous population and immigrants, as well as the influence of immigrants on the English language, the cultural traditions of the British people, which leads to a difficult sociolinguistic situation.

Keywords: sociolinguistic, multiethnic, cultural identity, ethnic background, social prestige, Standard English, integration, bilingualism.

Aliyev U.S.

**Problems in the implementation
of the military-political integration of the Eurasian space**

The article deals with the features of the implementation of military-political integration in Eurasian space. It is mainly realised within the framework of the Collective Security Treaty Organization. The article describes the problematic aspects of the CSTO activities. These include the CSTO's incomplete readiness to counter transnational threats, organizational problems associated with, for example, the appointment of the CSTO Secretary General, the disproportionate costs of the participating countries for the maintenance of the CSTO and several others. To increase the effectiveness of Eurasian military-political integration, it is necessary to find solutions to these problems.

Keywords: military-political integration, Eurasian countries, CSTO, defense, hegemonism, security, stability.

Solovieva D.D.

**The education system
as a channel for recruiting the political elite in France**

The article analyzes the system of higher education in France with a focus on graduates joining the political elite and employment in high government posts. The main educational

tracks of the Cabinet of Ministers of the Fifth French Republic (from 1958 to 2019) with a focus on the institution of higher education and specialization are examined. A feature of the publication is that the author identifies the most common universities and areas of preparation, analyzes the composition of government offices for the representation of various educational institutions, and calculates the concentration and competitiveness of universities. Based on the analysis, the author proves the existence of a stable recruitment pattern for the political elite, which persists despite separate recruitment trends for each new elite group.

Keywords: political elite, education system, recruitment channels.

Makhmudov A.S.

**Regional security model:
the benefits of comparative political analysis**

This article discusses one of the most important problems of international security regarding its regional nature. Political regional studies have long stood out as an independent political science field. The article reveals the advantages of a comparative political analysis of regional security.

Keywords: globalization, regionalization, fragmentation, security, comparative studies, comparative political analysis.

Aksenova E.I.

**Academic mobility as a factor
in the development of international relations in education.**

Part 1. Theoretical aspect

For more than 10 years, Russia has been a full participant in the Bologna process, perhaps the most significant process of international educational integration and internationalization, proclaiming the need for national and international mobility of teachers, researchers and students. With Russia's entry into the Bologna process, academic mobility has become the basis not only for improving the efficiency of individual universities, but also the basis for the global competitiveness of the national educational system in the global, global space.

Keywords: international relations, education, academic mobility, internationalization.

Darmilova E.N.

Sidakov A.M.

**The role of information technologies
in the interaction of the state and civil society**

The current state information policy is aimed at creating an information society in which information technology greatly simplifies the process of circulation and receipt of electronic public services by citizens and entrepreneurs. The use of information and communication technologies in the activities of public authorities to provide public services to the population is a key element of the interaction between the state and society.

Keywords: information technology, information society, information space, electronic public services.

Авторы

Аксенова Е.И. - доктор экономических наук, доцент, директор НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы.

Алиев У.С. - кандидат юридических наук, магистр психологии, соискатель кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности РАНХиГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации).

Гришин В.О. - Студент Факультета истории, политологии и права, Московский государственный областной университет.

Дармилова Э.Н. - кандидат исторических наук, доцент кафедры филологии и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказская государственная академия.

Захарова Е.В. - доцент, РУДН (Российский университет дружбы народов).

Иларионова Т.С. - доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Казиева М.Х. - магистрант Северо-Кавказской государственной академии.

Каргина А.А. - магистр политологии, специалист по информационно-аналитической работе Центра стратегических инициатив - проектного офиса, Тольяттинский государственный университет, Тольятти.

Курбанов А.М. - сопредседатель комитета по межконфессиональным отношениям общественного совета Гражданского общества, председатель Межконфессионального конгресса народов России.

Линник Т.С. - аспирант 2 курса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Махмудов А.С. - старший преподаватель кафедры «Права и политологии» Дагестанского государственного технического университета. Эксперт РОО «Город – XXI век». Член Научного Совета рецензируемого журнала «Власть истории».

Михайлов В.А. - доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по международным

ным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Муссауи-Ульянищева Е.В. - кандидат исторических наук, доцент, РУДН (Российский университет дружбы народов).

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов.

Напсо М.Б. - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказской государственной академии.

Насухов Н.Ч. - студент 3 курса социального факультета Дагестанского государственного университета.

Некрасов А.С. - кандидат педагогических наук, старший преподаватель Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Российского университета транспорта (МИИТ).

Омаров М.О. - доцент кафедры теории и истории социальной работы Дагестанского государственного университета, кандидат политических наук.

Семенова А.Н. - старший преподаватель кафедры информатики и информационных технологий, Северо-Кавказская государственная академия.

Сидаков А.М. - кандидат политических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Московский институт деловой карьеры, филиал в Карачаево-Черкесской республике.

Соловьева Д.Д. - аспирант кафедры Сравнительной политологии Московский Государственный Институт Международных Отношений МИД Российской Федерации.

Терновая Л.О. - профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Трофимов Е.Н. - доктор политических наук, ректор Российской международной академии туризма.

Узденова Б.Х. - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры информатики и информационных технологий, Северо-Кавказская государственная академия.

Ульянищева Л.В. - доцент, РУДН (Российский университет дружбы народов).

Фадеев П.В. - кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук.

Authors

Aksenova E.I., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health.

Aliyev U.S., Candidate of Legal Sciences, Master of Psychology, PhD student at the International Security and Russian Foreign Policy Activities Chair, National Security Department, Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Darmilova E.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Humanities. North Caucasus State Academy.

Fadeev P.V., Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for the Study of Inter-Ethnic Relations of the Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Grishin V.O., Student of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow region state university.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Kargina A.A., Master of Political Science, specialist information and analytical work of the Center for Strategic Initiatives - Project Office, Tolyatti State University.

Kazieva M.Kh., Undergraduate of the North Caucasus State Academy.

Kurbanov A.M., Co-Chair of the Committee on Interfaith Relations of the Public Council of Civil Society, Chairman of the Interfaith Congress of the Peoples of Russia.

Linnik T.S., 2nd year graduate student of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Makhmudov A.S., Senior Lecturer, Department of Law and Political Science. Dagestan State Technical University. Member of the Scientific Council of the peer-reviewed journal «The Power of History». Expert of the Regional public organization to support social city programmes “The city in the XXI century”.

Mikhailova N.V., Doctor in Political Science, Professor, Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University).

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of national and federative relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Mussaui-Ulyanischeva E.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.

Napso M.B., Doctor of Jurisprudence, Professor for the department of civic and legal disciplines of The North Caucasian state academy.

Nasukhov N.Ch., 3 rd year student of the social faculty of Dagestan state University.

Nekrasov A.S., Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Russian University of Transport (MIIT).

Omarov M.O., Candidate of Political Sciences Associate Professor of the Department of theory and history of social work of Dagestan state University.

Semenova A.N., Senior Lecturer, Department of Informatics and Information Technology, North Caucasus State Academy.

Sidakov A.M., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines. Moscow Institute of Business Career, a branch in the Karachay-Cherkess Republic.

Solovieva D.D., Postgraduate Student, Department of Comparative Political Science. Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Trofimov E.N., Doctor of Political Sciences, Rector of the Russian International Academy of Tourism.

Ulyanischeva L.V., Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.

Uzdenova B.Kh., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Informatics and Information Technology, North Caucasus State Academy.

Zakharova E.V., Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 708 3000
Справки по тел. +7 (495) 708 3000

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: +7 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Н.Э. Архипова

Корректор Е.А. Белоусова

Корректор Англ. Яз. Иванова Т.С.

Дизайн и верстка Т.А. Брик

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 12,125